ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 4 (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

2026 год

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90259 от 29 октября 2025 г.)

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам публичного права, конституционного (государственного) права, финансового права, административного права. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области публично-правовых отношений и публичного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области публично-правовых исследований.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://public-law.moscow
E-mail: editor@law-books.ru
Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88
WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Публичное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):
Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук
Заместитель главного редактора:
Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

• **Дорская Александра Андреевна,** доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• **Миронов Василий Олегович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• **Пашенцев Дмитрий Алексеевич,** доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.

• **Усанов Владимир Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

• **Грудцына Людмила Юрьевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• **Садовникова Галина Дмитриевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

• **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:
Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):
Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Deputy Editor-in-Chief:
Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Specialty: 5.1.1. — Theoretical and historical legal sciences

• **Dorskaya Alexandra Andreevna,** Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• **Mironov Vasily Olegovich,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• **Pashentsev Dmitry Alekseevich,** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Acting Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.

• **Usanov Vladimir Evgenievich,** Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. — Public legal (state legal) sciences

• **Grudtsyna Lyudmila Yuryevna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• **Sadovnikova Galina Dmitrievna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).

• **Sangadzhiev Badma Vladimirovich,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **Eriashvili Nodari Darchoevich,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:
С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов,** доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков,** доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова,** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова,** доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин,** доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев,** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:
S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov,** Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov,** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **I.A. Konyukhova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• **A.V. Ragulin,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev,** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Шагин Е. А. * Юридические последствия ошибок государственных информационных систем в контрольно-надзорной деятельности 9

Рахванова К. А. * Баланс между поддержкой отечественного производителя и сохранением рыночной конкуренции в свете Постановления Правительства №1875 15

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Соколова Д. Н. * Отдельные аспекты деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции 20

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Егорова А. П. * Досудебное соглашение о сотрудничестве в экономических делах 25

Шкурин А. Е. * Проблемы правового комплаенса в строительной деятельности 31

Феоктистов Н. Д., Новиков В. А. * Понятие, принципы и субъектный состав антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ 40

Аникеева С. Э. * Понятие, сущность и содержание принципа добросовестности в гражданских правоотношениях 45

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Коробов И. А. * Тенденции развития публично-правового механизма обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике 49

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Носкова Е. Ю. * Компетенция судов на рассмотрение дел о прекращении брака: анализ цивилистического процессуального законодательства в ретроспективе 54

Багаутдинов И. А. * Проблемы определения пределов судебного толкования третейского соглашения 60

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Сапрыкина А. А., Могила Д. А. * Принцип состязательности сторон в производстве по делам об административных правонарушениях и его проявление в иных видах судопроизводства 68

Хантимиров Т. Ш. * Административно-правовые особенности внедрения систем искусственного интеллекта в деятельность органов исполнительной власти 76

Грушин В. С. * Проверка допустимости доказательств по административным делам в рамках административного судопроизводства 83

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Комягин Р. А., Стародубцев Е. Э. * Причинение смерти по неосторожности при выполнении специальных работ и осуществлении профессиональной деятельности: проблемы разграничения общего и специальных составов 90

Прядкин А. А. * Проблемы применения примечания к статье 272.1 УК РФ: неопределённость понятия «личные и семейные нужды» 96

Лаптик А. И. * Процессуальный механизм преобразования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу 104

Комягин Р. А., Стародубцев Е. Э. * К вопросу о разграничении понятий развратных действий и иных действий сексуального характера 107

НАЛОГОВОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Сидоров Ю. В., Блинова Е. А. * Теоретические основы налогового контроля в Российской Федерации 112

CONTENT:

STATE POWER

Shagin E. A. * Legal Consequences of Errors in State Information Systems within the Context of Control and Supervisory Activities 9

Rakhvanova K. A. * Balance between Supporting Domestic Manufacturers and Preserving Market Competition in Light of the Government Resolution No. 1875 15

NATIONAL SECURITY

Sokolova D. N. * Certain Aspects of the Activities of Prosecution Bodies in the Field of Combating Corruption 20

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Egorova A. P. * Pre-Trial Cooperation Agreement in Economic Cases 25

Shkurin A. E. * Problems of Legal Compliance in Construction Activities 31

Feoktistov N. D., Novikov V. A. * The Concept, Principles, and Subject Composition of Anti-Corruption Expertise in the Russian Federation: A Theoretical and Legal Analysis 40

Anikeeva S. E. * The concept, essence, and content of the principle of good faith in civil legal relations 45

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Korobov I. A. * Trends in the Development of the Public-Law Information Security Mechanism in the Slovak Republic 49

JUDICIAL POWER AND LEGAL PROCEEDINGS

Noskova E. Yu. * Jurisdiction of Courts over Cases Concerning the Dissolution of Marriage: A Retrospective Analysis of Civil Procedural Legislation 54

Bagautdinov I. A. * Problems of Determining the Limits of Judicial Interpretation of Arbitration Agreements 60

ADMINISTRATIVE LAW

Saprykina A. A., Mogila D. A. * The Adversarial Principle in Proceedings Involving Administrative Offenses and Its Manifestation in Other Types of Legal Proceedings 68

Khantimirov T. Sh. * Administrative and Legal Features of Implementing Artificial Intelligence Systems in Executive Authorities 76

Grushin V. S. * Verification of the Admissibility of Evidence in Administrative Cases within Administrative Court Proceedings 83

CRIMINAL LAW

Komyagin R. A., Starodubtsev E. E. * Causing Death by Negligence When Performing Special Work and Carrying Out Professional Activities: Problems of Distinguishing between General and Special Offenses 90

Pryadkin A. A. * Problems of Applying the Note to Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Uncertainty of the Concept of “Personal and Family Needs” 96

Laptik A. I. * Procedural Mechanism for Converting the Results of Operational-Search Activity into Evidence in Criminal Proceedings 104

Komyagin R. A., Starodubtsev E. E. * On the Issue of Distinguishing between the Concepts of Lewd Acts and Other Acts of a Sexual Nature 107

TAX LAW AND LEGISLATION

Sidorov Yu. V., Blinova E. A. * Theoretical Foundations of Tax Control in the Russian Federation 112

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-9-14**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ШАГИН Егор Андреевич,
студент 2 курса магистратуры ВШГА МГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБОК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу юридических последствий, возникающих при сбоях и дефектах государственных информационных систем в процессе контрольно-надзорной деятельности.*

Автор исходит из противоречия между юридической презумпцией достоверности государственных данных и фактической уязвимостью автоматизированных систем к ошибкам.

Цель работы - систематизировать правовые риски, порождаемые такими ошибками, и предложить направления совершенствования регулирования. Методологическая база включает формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод и обобщение судебной практики 2024-2026 годов.

Установлено, что законодательство не разграничивает умышленное искажение сведений и технические дефекты, что ведёт к несправедливому возложению ответственности на добросовестных лиц. Обоснован вывод о необходимости специального правового режима для «информационных ошибок». Результаты применимы в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *государственные информационные системы, контрольно-надзорная деятельность, недостоверные сведения, ответственность государства, цифровизация, судебная практика.*

SHAGIN Egor Andreevich,
2nd-year Master's student, Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University

LEGAL CONSEQUENCES OF ERRORS IN STATE INFORMATION SYSTEMS WITHIN THE CONTEXT OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

Annotation. *This article analyzes the legal consequences arising from malfunctions and defects in state information systems during control and supervisory activities.*

The author addresses the contradiction between the legal presumption of the accuracy of state-held data and the inherent vulnerability of automated systems to errors.

The objective of this study is to systematize the legal risks generated by such errors and to propose avenues for improving the relevant regulatory framework. The methodological approach includes formal legal analysis, the comparative legal method, and a synthesis of judicial practice from 2024–2026.

It is established that current legislation fails to distinguish between the intentional distortion of information and technical defects, which leads to the unfair imposition of liability on bona fide parties. The author argues for the necessity of a specialized legal regime for «information errors.» These findings are applicable to both legislative and law-enforcement (regulatory application) processes.

Key words: *state information systems, control and supervisory activities, inaccurate information, state liability, digitalization, judicial practice.*

Перенос контрольных процедур в электронную среду затронул не только порядок их проведения, но и природу угроз для участников отношений. Решение о взыскании, отказе в согласовании или приостановлении деятельности всё чаще формируется программным комплексом. В результате гражданин или организация несут неблагоприятные последствия не вследствие нарушения установленного правила, а вследствие дефекта функционирования информационной системы.

Нормативная правовая база продолжает рассматривать сведения из государственных реестров как заведомо достоверные. Между тем практика свидетельствует о дублировании записей, сбоях каналов межведомственного обмена и искажении данных при автоматической обработке. Программные документы о развитии контроля ориентируют на повсеместное использование цифровых инструментов, однако не содержат механизмов защиты от их погрешностей.

Отдельные стороны цифровизации контроля затрагивались в публикациях М. Б. Добробабы [13], С. Е. Чаннова [17], А. В. Мартынова [4]. Проблему соотношения публичных и частных интересов поднимал В. В. Скаков [15]. Однако целостного анализа ситуации, при которой вред причиняется не умыслом, а техническим дефектом, до настоящего времени не предпринималось.

Цель работы - выявить и систематизировать правовые последствия сбоев государственных информационных систем в контрольной сфере и определить направления корректировки законодательства. ***Задачи:***

1. раскрыть понятие «ошибка информационной системы»;
2. отграничить намеренное искажение от технической погрешности;
3. описать виды последствий;
4. обобщить практику 2024-2026 годов;
5. сформулировать предложения по изменению норм.

Объект исследования - отношения, возникающие при функционировании государственных информационных систем в ходе контроля (надзора). ***Предмет*** - правовые нормы, судебные акты и доктринальные позиции, касающиеся последствий сбоев в таких системах.

Методология

Работа сочетает анализ нормативно-правового материала с обобщением правоприменительной практики. Эмпирическую основу составили положения Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [5], КоАП РФ [3], УК РФ [16], разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [8], обзоры судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов за 2024-2026 годы [9-14], а также публикации в научных изданиях 2024-2026 годов [2; 7; 5].

Методологическую основу образуют общенаучные приёмы (анализ, синтез, обобщение) и специальные юридические методы: формально-юридический (при толковании норм Федерального закона № 248-ФЗ и КоАП РФ), сравнительно-правовой (при сопоставлении подходов к ответственности заявителя и государства), метод анализа судебных актов (при обобщении практики арбитражных судов).

Исследование проведено в три этапа. На первом этапе раскрыто содержание понятия «ошибка информационной системы» и его соотношение со смежными категориями. На втором этапе изучены материалы практики, позволяющие выявить типичные ситуации возникновения правовых последствий. На завершающем этапе сформулированы предложения по корректировке законодательства.

Понятие ошибки информационной системы и её отличие от умышленного искажения

Юридическая традиция разграничивает сведения, заведомо не соответствующие действительности, и сведения, ставшие такими в силу случайных обстоятельств. В первом случае подразумевается умысел, во втором - погрешность, в том числе техническая. Применительно к государственным информационным системам это разграничение утрачивает определённость: если данные исказились при автоматической обработке или межведомственной передаче, умысел отсутствует как у заявителя, так и у оператора.

В контрольной сфере проблема приобретает особую остроту. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 248-ФЗ, под государственным контролем (надзором) понимается деятельность органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований [5]. Когда такая оценка осуществляется авто-

матизированными системами, ошибка алгоритма способна привести к необоснованному выявлению «нарушения», которого в действительности не было.

Показателен случай 2025 года, когда работник органа ЗАГС внесла в ФГИС ЕГР ЗАГС запись, не соответствующую действительности. Суд отметил, что подобные сведения способны существенно нарушить интересы государства. Европейская конвенция о гражданстве исходит из того, что решения о гражданстве могут быть пересмотрены в административном или судебном порядке. Тем самым публичная власть допускает вероятность собственной ошибки и предусматривает способ её устранения.

Разграничение ответственности заявителя и государства

Обязанность отвечать за достоверность сведений возложена на лицо, их подающее: при выявлении подделок и подлогов оно отвечает вплоть до уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ [16]. Административные санкции по ст. 13.15 КоАП РФ достигают 500 тысяч рублей, а ст. 207.2 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет.

Однако эта логика не применяется, когда сбой возникает на стороне системы. В 2025 году сотрудники социальной защиты, добросовестно заблуждаясь, назначили выплату на основании подложного свидетельства. Формально они действовали без нарушения, однако неблагоприятные последствия затронули третьих лиц. Возникает вопрос: где проходит граница между ответственностью подателя сведений и ответственностью государства за качество собственных систем? Прямого ответа правовые нормы не содержат.

Аналогичная проблема возникает в контрольной сфере. Пленум Верховного Суда РФ в п. 26 постановления от 25.06.2019 № 20 разъяснил, что под автоматическим режимом следует понимать работу технического средства без непосредственного воздействия человека [8]. Такие средства должны быть сертифицированы, иметь действующее свидетельство о метрологической поверке и применяться согласно регламентирующим документам.

Однако даже сертифицированное оборудование не застраховано от сбоев. Если при рассмотрении жалобы возникают сомнения в корректности работы средства, судья вправе истребовать документы о метрологических характеристиках, алгоритме работы программного обеспечения и перечне выявляемых правонарушений. Тем не менее бремя доказывания невиновности при автоматической фиксации возложено на само лицо: согласно примечанию к ст. 1.5 КоАП РФ, презумпция невиновности не распространяется на правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме средствами [3].

Виды юридических последствий

Для контролируемого лица последствия — это необоснованные предписания, отказы в согласовании, приостановление деятельности. Согласно ст. 90 Федерального закона № 248-ФЗ, при выявлении нарушений контрольный орган обязан выдать предписание об устранении нарушений [5]. Предписание как ненормативно-правовой акт должно отвечать принципу правовой определённости и содержать чёткие указания на конкретные действия. Если оно основано на ошибочных данных информационной системы, то не только незаконно, но и дезорганизует деятельность контролируемого лица. Оспаривание требует временных и финансовых затрат, а отсутствие единого акта об административных процедурах усиливает неравенство сторон.

Для государства последствия не менее обременительны: необходимость отмены незаконных решений, возмещения ущерба, восстановления нарушенных прав. Удаление записей из реестров допускается лишь после вступления в силу судебного решения, что увеличивает нагрузку на судебную систему. Изменения декабря 2025 года закрепили подход, при котором решения контрольных мероприятий не требуют отдельного оформления: юридическую силу приобретает сама запись в Едином реестре. Следовательно, любая неточность в реестре автоматически приобретает правовое значение. Формируется новая разновидность споров - «реестровые», по аналогии с делами о записях в ЕГРЮЛ и ЕГРН.

Судебная практика 2024-2026 годов

В практике арбитражных судов сформировался подход, согласно которому предписание должно содержать только законные требования, а на юридическое лицо может быть возложена обязанность по устранению

лишь тех нарушений, соблюдение которых обязательно для него в силу закона [9]. Предписание не должно носить абстрактный и размытый характер; необходимы чёткие, бесспорные и убедительные доказательства того, что его выдача будет служить достижению целей.

Значим и подход, согласно которому при выявлении нарушений в ходе контрольных мероприятий без взаимодействия контрольный орган может выдать предписание, однако оно должно быть исполнимым и соответствовать принципу правовой определённости [13]. Выездное обследование проводится без информирования контролируемого лица, и, если в ходе такого мероприятия выявлены признаки нарушений, решение о выдаче предписания должно основываться на достоверных данных.

В сфере автоматической фиксации суды всё чаще проверяют корректность работы технических средств. Если при рассмотрении жалобы возникают сомнения в корректности работы устройства, суд вправе запросить свидетельство о поверке, описание типа средства измерения, документы о сертификации [14]. В одном из дел суд установил, что в материалах отсутствуют сведения о том, что работающее в автоматическом режиме средство функционировало без непосредственного воздействия человека, и признал применение особого порядка привлечения к ответственности неправомерным [11].

Вместе с тем сохраняется сложность разграничения умысла и технической погрешности. Одинаковые по существу ситуации получают различную правовую оценку в зависимости от того, удаётся ли суду установить источник ошибки. Это порождает неопределённость как для контролируемых лиц, так и для самих контрольных органов.

Направления совершенствования регулирования

Представляется возможным предложить несколько мер.

Прежде всего, следует закрепить в законе понятие «ошибка государственной информационной системы» и предусмотреть особый порядок оспаривания решений, принятых на её основе. М. Б. Добробаба полагает, что принятие закона об основах регулирования технологий искусственного интеллекта на основе риск-ориентированного подхода устранило бы правовую неопределённость [12].

Не менее важно установить презумпцию добросовестности заявителя при отсутствии доказательств умысла. Это соответствует общему принципу административного судопроизводства, согласно которому неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в его пользу. Целесообразно ввести досудебный порядок рассмотрения жалоб на сбои с участием оператора и независимого эксперта: ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод допускает несудебный орган, но требует достаточных гарантий эффективности [18].

Отдельного внимания требует разграничение ответственности за умышленное предоставление ложных сведений и за использование недостоверных данных, возникших вследствие сбоя. В контрольной сфере это означает дифференциацию последствий для случаев умышленного представления недостоверных сведений и случаев, когда недостоверность возникла вследствие дефекта системы межведомственного обмена.

Наконец, принцип «человек в контуре» предполагает обязательное участие человека при принятии решений, влекущих штрафные санкции или выдачу предписаний. Целесообразно закрепить в Федеральном законе № 248-ФЗ норму об ответственности оператора информационной системы за вред, причинённый контролируемому лицу вследствие ошибки такой системы. Это создало бы стимул для повышения качества работы государственных информационных систем.

Заключение

Цифровизация контрольной деятельности порождает новую разновидность правовых рисков, связанных со сбоями государственных информационных систем. Такие сбои способны приводить к необоснованной выдаче предписаний, отказам в согласовании, приостановлению деятельности и иным неблагоприятным результатам для лиц, не совершавших противоправных действий.

Действующие правовые нормы не учитывают специфику информационных ошибок и приравнивают их к умышленному предоставлению ложных сведений. Ответственность возлагается на добросовестных лиц, тогда как подлинный источник проблемы - дефект системы - остаётся вне поля правового регулирования. Такой подход не

согласуется с началами справедливости и правовой определённости.

Практика 2024-2026 годов демонстрирует формирование отдельных защитных механизмов, в частности требования проверки корректности работы технических средств и принципа правовой определённости предписаний. Однако эти механизмы носят разрозненный характер и не образуют целостной системы защиты.

Представляется необходимым сформировать специальный правовой режим для информационных ошибок, включающий: законодательное закрепление понятия; презумпцию добросовестности заявителя; досудебный порядок рассмотрения жалоб с участием независимого эксперта; разграничение ответственности за умышленное искажение и за использование недостоверных данных вследствие сбоя; ответственность оператора за вред, причинённый ошибками системы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов при подготовке поправок в законодательство о государственном контроле и информационных системах, а также в практике рассмотрения споров, связанных с ошибками в реестровых данных и автоматизированных решениях контрольных органов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением зарубежного опыта правового регулирования ответственности за сбои государственных информационных систем и с разработкой механизмов досудебного оспаривания решений, основанных на ошибочных данных.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

[2] Добробаба М. Б. Применение технологий искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2026. — № 6. — С. 31–39.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

[4] Мартынов А. В., Бундин М. В. О правовых принципах применения искусственного интеллекта при осуществлении органами исполнительной власти контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 59–75.

[5] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5007.

[6] Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 11. — Ст. 1715.

[7] Правовые проблемы и перспективы цифровизации в системе государственного контроля (надзора) // Молодой учёный. — 2026. — № 25 (625). — С. 112–115.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 9.

[9] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 22.05.2024 по делу № А33-21161/2023. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[10] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13.02.2025 по делу № А33-646/2025. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Приморского края от 14.05.2025 по делу № А51-23406/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[12] Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2025 по делу № А63-8256/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[13] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 28.01.2025 по делу № А76-24087/2023. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[14] Решение Арбитражного суда Ярославской области от 04.09.2025 по делу № А82-14875/2024. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Скаков В. В. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в риск-ориентированном подходе // Молодой учёный. — 2026. — № 26 (629). — С. 166–168.

[16] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание за-

конодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[17] Чаннов С. Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал российского права. — 2018. — № 10 (262). — С. 111–122.

[18] Handbook on access to justice // European Court of Human Rights. — 2024. URL: https://www.echr.coe.int (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5. — Art. 410.

[2] Dobrobaba M. B. Application of Artificial Intelligence Technologies in Control and Supervisory Activities // Bulletin of the O. E. Kutafin University. — 2026. — No. 6. — pp. 31–39.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on July 26, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 1 (Part 1). — Art. 1.

[4] Martynov A. V., Bundin M. V. On the Legal Principles for the Application of Artificial Intelligence in the Exercise of Control and Supervisory Activities by Executive Authorities // Journal of Russian Law. — 2020. — No. 10. — pp. 59–75.

[5] On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part 1). — Art. 5007.

[6] On the Specifics of Organizing and Implementing State Control (Supervision) and Municipal Control: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 10, 2022, No. 336 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 11. — Art. 1715.

[7] Legal Issues and Prospects for Digitalization in the System of State Control (Supervision) // Young Scientist (Molodoy Ucheny). — 2026. — No. 25 (625). — pp. 112–115.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019, No. 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2019. — No. 9.

[9] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated May 22, 2024, in Case No. A33-21161/2023 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[10] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated February 13, 2025, in Case No. A33-646/2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated May 14, 2025, in Case No. A51-23406/2024 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026). [12] Decision of the Arbitration Court of Stavropol Krai dated January 19, 2025, in case No. A63-8256/2024. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[13] Decision of the Arbitration Court of Chelyabinsk Oblast dated January 28, 2025, in case No. A76-24087/2023. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[14] Decision of the Arbitration Court of Yaroslavl Oblast dated September 4, 2025, in case No. A82-14875/2024. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[15] Skakov V. V. Ensuring a Balance Between Public and Private Interests Within a Risk-Based Approach // Molodoy Uchenyy [Young Scientist]. — 2026. — No. 26 (629). — pp. 166–168.

[16] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.

[17] Channov S. E. Big Data in Public Administration: Opportunities and Threats // Journal of Russian Law. — 2018. — No. 10 (262). — pp. 111–122.

[18] Handbook on access to justice // European Court of Human Rights. - 2024. URL: https://www.echr.coe.int (access date: 09/15/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-15-19**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

РАХВАНОВА Кристина Алексеевна,
магистрант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва,
e-mail: Kristinka17171@gmail.com

БАЛАНС МЕЖДУ ПОДДЕРЖКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ И СОХРАНЕНИЕМ РЫНОЧНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА №1875

Аннотация. *В статье исследуется проблема обеспечения баланса между протекционистскими мерами государства и принципами защиты конкуренции в сфере электронных закупок. На основе анализа положений Постановления Правительства РФ № 1875 рассматривается механизм применения национального режима, выявляются правовые коллизии, возникающие при предоставлении преимуществ отечественным производителям, и оцениваются риски монополизации отдельных сегментов рынка. Особое внимание уделяется правоприменительной практике и поиску оптимальных критериев для оценки обоснованности ограничения конкуренции в целях импортозамещения.*

Ключевые слова: *электронные закупки, импортозамещение, национальный режим, защита конкуренции, Постановление Правительства РФ № 1875, антимонопольное регулирование.*

RAKHVANOVA Kristina Alekseevna,
Master's student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

BALANCE BETWEEN SUPPORTING DOMESTIC MANUFACTURERS AND PRESERVING MARKET COMPETITION IN LIGHT OF THE GOVERNMENT RESOLUTION №1875

Annotation. *The article explores the problem of ensuring a balance between state protectionist measures and the principles of competition protection in the field of electronic procurement. Based on the analysis of the provisions of Government Resolution № 1875, the mechanism for applying the national treatment is considered, legal conflicts arising from granting advantages to domestic manufacturers are identified, and the risks of monopolization in certain market segments are evaluated. Special attention is paid to law enforcement practice and the search for optimal criteria to assess the validity of competition restriction for the purpose of import substitution.*

Key words: *electronic procurement, import substitution, national treatment, competition protection, Government Resolution № 1875, antimonopoly regulation.*

Современная экономическая политика Российской Федерации неразрывно связана с обеспечением технологического суверенитета и минимизацией зависимости от зарубежных поставщиков. Государство активно формирует протекционистские механизмы для защиты национального рынка.

Важным шагом в этом направлении стало принятие Постановления Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1875 [4]. Данный нормативный акт существенно обновил правила предоставления национального режима при закупках товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Законодатель стремится гарантировать отечественным предприятиям стабильный рынок сбыта в условиях внешнего санкционного давления [1, с. 20]. Приоритет российской продукции теперь закреплен гораздо более жестко, а механизм допуска иностранных товаров сведен к минимуму [3, с. 371].

Однако интенсивное внедрение механизмов импортозамещения в устоявшуюся контрактную систему неизбежно порождает серьезные правовые противоречия. Основная проблема кроется в прямом столкновении

протекционистских мер с фундаментальными принципами рыночной экономики. Статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует поддержку конкуренции как одной из фундаментальных основ экономического строя государства [2]. В развитие этой конституционной нормы положения Федерального закона № 135-ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции» устанавливают строгий запрет на любые действия субъектов закупок, способные привести к необоснованному сужению круга участников торгов [9].

На практике реализация национального режима часто вынуждает заказчиков балансировать на тонкой грани между необходимостью приобрести отечественный товар и риском получить предписание от антимонопольного органа. Искусственное ограничение доступа иностранных аналогов нередко приводит к фактической монополизации отдельных сегментов рынка немногочисленными локальными производителями. Научные исследования подтверждают тенденцию к снижению уровня состязательности в регулируемых закупках при активном применении запретов, ограничений и преимуществ [7, с. 78].

Поиск правового баланса между императивными требованиями поддержки национального бизнеса и сохранением здоровой экономической среды требует глубокого доктринального осмысления. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе выявленных коллизий и выработке конкретных предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Постановление Правительства РФ № 1875 сформировало новую правовую реальность для всех участников контрактной системы. Законодатель окончательно отказался от мягких экономических стимулов в пользу жестких барьеров.

Обновленный национальный режим опирается на три фундаментальных инструмента: прямые запреты, ограничения допуска и ценовые преимущества.

Запрет представляет собой наиболее радикальную меру защиты внутреннего рынка. При его установлении закупка иностранной продукции исключается абсолютно и безусловно. Заказчик лишается любой возможности рассмотреть заявки с зарубежными товарами даже при их очевидной экономической выгоде.

Ограничение допуска работает по несколько иному алгоритму. В рамках данного механизма применяется правило «второй лишний». Если на торги выходит хотя бы один участник с подтвержденным отечественным товаром из реестра российской промышленности продукции Минпромторга, все иностранные конкуренты подлежат отклонению. Зарубежная продукция может быть закуплена только при полном отсутствии предложений от российских производителей.

Третий элемент системы заключается в предоставлении преимуществ. Этот механизм активируется в тех случаях, когда закупаемая продукция не включена в исчерпывающие перечни товаров Приложений №1 и №2 Постановления Правительства РФ № 1875. Тогда российский или иной евразийский товар получает пятнадцатипроцентную ценовую преференцию при оценке стоимости контракта. Отечественный производитель может выиграть тендер даже при изначально более высоком ценовом предложении.

Ключевым инструментом реализации обновленной протекционистской политики стал алгоритм подтверждения страны происхождения товара. Теперь для получения доступа к государственным закупкам участнику недостаточно просто задекларировать производство на территории ЕАЭС. Возникла строгая императивная обязанность предоставлять актуальные выписки из специализированных реестров Минпромторга России [3, с. 372]. При этом статус подлинно отечественной продукции присваивается исключительно на основе балльной системы оценки уровня локализации. Регулятор оценивает полный цикл производства от стадии переработки исходного сырья, а также факт обладания исключительными правами на конструкторскую документацию. Подобный подход призван полностью искоренить практику скрытого импорта.

С макроэкономической точки зрения такая строгая фильтрация выглядит абсолютно логичным шагом. Однако сам механизм применения ограничений функционирует прямолинейно и бескомпромиссно. При срабатывании правила национального режима заказчик обязан отклонить любые предложения с иностранными товарами при наличии хотя бы одной подходящей заявки с продукцией из реестра [4]. Объективные

качественные характеристики зарубежных аналогов в расчет совершенно не принимаются. Финансовая привлекательность импортных предложений также полностью игнорируется правоприменителем.

В результате мы наблюдаем серьезную трансформацию рыночных стимулов. Формальный статус участника реестра становится для поставщика гораздо важнее реальной конкурентоспособности выпускаемого продукта. Круг возможных контрагентов государства искусственно сжимается до группы производителей, сумевших успешно преодолеть сложный бюрократический квест по подтверждению локализации своего производства.

Одна из значимых правовых коллизий кроется в намеренном ограничении базовых принципов гражданского законодательства и контрактной системы. Изначально все субъекты экономического оборота наделены равной правоспособностью. Статья 8 Конституции Российской Федерации однозначно гарантирует поддержку конкуренции как основы конституционного строя [2]. Развивающий эту норму Федеральный закон «О защите конкуренции» категорически запрещает создавать дискриминационные условия для любых хозяйствующих субъектов [9]. Однако механизм применения Постановления Правительства РФ № 1875 искажает это равенство. Доступ к огромному рынку государственных контрактов становится глубоко дифференцированным. Иностранные производители изначально ставятся в невыгодное положение либо полностью вытесняются с торгов. Государство целенаправленно жертвует рыночным равенством ради обеспечения гарантированного сбыта для внутренних производителей.

Полное искусственное устранение зарубежных конкурентов формирует абсолютно «тепличные» условия для локальных поставщиков. В результате подобной изоляции у национальных заводов пропадает всякий коммерческий стимул инвестировать в модернизацию мощностей. Фундаментальное обновление производственных линий требует колоссальных капиталовложений. Несение столь высоких издержек теряет малейший смысл в текущих экономических реалиях. Отечественный продукт и так имеет заведомое непреодолимое преимущество перед любым иностранным аналогом благодаря одной лишь выписке из реестра Минпромторга.

Следствием такого преимущества становится прямое нарушение принципа эффективности осуществления закупок, заложенного в Федеральном законе № 44-ФЗ [8]. Заказчики вынуждены приобретать функционально устаревшее оборудование по искусственно завышенным ценам. Отсутствие необходимости бороться за потребителя ведет к неминуемой технологической стагнации отечественной промышленности. Законодатель оказался в ловушке между политическими императивами импортозамещения и необходимостью сохранения жизнеспособной экономической среды.

Анализ контрольной деятельности антимонопольного органа Российской Федерации (ФАС России) демонстрирует неоднозначность применения национального режима. Правоприменитель регулярно сталкивается с необходимостью разграничивать конкуренцию изготовителей и состязательность дистрибьюторов. Наличие нескольких заявок на торгах зачастую формирует лишь видимость рыночной борьбы. На практике несколько независимых поставщиков могут предлагать продукцию одного и того же производителя из реестра Минпромторга России. Возникает конкуренция дилеров в условиях полного отсутствия технологического соперничества самих производителей.

В подобной ситуации на первый план выходит проблема динамической эффективности. Краткосрочная изоляция внутреннего рынка действительно гарантирует загрузку мощностей отечественных предприятий. Однако долгосрочные последствия выглядят весьма неоднозначно. Отсутствие внешнего фактора в виде зарубежных аналогов снижает мотивацию защищенных заводов инвестировать в наукоемкие разработки.

В попытках приобрести высокотехнологичное оборудование государственные учреждения вынуждены использовать механизмы статьи 33 Закона № 44-ФЗ для установления строгих требований к функциональности или размерам техники. Это неизбежно порождает волну жалоб от поставщиков реестровой продукции. Показательным примером служит решение Тульского УФАС от 17 февраля 2026 г. № 071/06/105-98/2026. В рамках данного спора контролерам пришлось предметно исследовать правомерность специфических требований к габаритам профессионально-

го оборудования. Заказчик был вынужден детально обосновывать технологическую необходимость заданных параметров для легитимного преодоления формальных протекционистских барьеров [6].

Сложность поиска правового баланса между поддержкой национального бизнеса и объективными потребностями заказчиков подтверждается множеством аналогичных разбирательств. В частности решение Крымского УФАС от 12 марта 2026 г. № 082/06/105-390/2026 также затрагивает острые вопросы применения национального режима при закупке сложной техники [5]. Возникает системное правовое противоречие. Организационные ресурсы расходуются не на эффективное обеспечение государственных нужд, а на юридическое обоснование отказа от закупки объективно устаревшего реестрового товара. Жесткие предписания Постановления Правительства РФ № 1875 заставляют добросовестных правоприменителей непрерывно балансировать на грани нарушения антимонопольного законодательства ради получения качественно функционирующего оборудования.

Безусловно законодатель предусмотрел легальный выход из сложившейся ситуации. Постановление Правительства РФ № 1875 содержит механизм закупки иностранного оборудования при фактическом отсутствии подходящих отечественных аналогов. Для этого заказчику необходимо направить официальную заявку в Минпромторг России и получить специальное разрешение. Однако на практике этот инструмент часто превращается в бюрократическое препятствие. Нормативный срок ведомственного согласования составляет до пятнадцати рабочих дней. При этом процедура требует подготовки значительного массива обосновывающей технической документации. Выявление формальных неточностей влечет приостановку течения этого срока или возврат пакета документов на доработку. В результате получение разрешения нередко растягивается на несколько месяцев. Вместо оперативного обеспечения государственных нужд учреждения вынуждены вступать в затяжные переговоры с регулятором.

Существующая система исключений не решает фундаментальную проблему технологической стагнации. Она лишь усложняет процесс электронных закупок и критически увеличивает трансакционные издержки государства. Для восстановления нарушенного баланса между защитой состязательности и поддержкой отечественного изготовителя требуется пересмотр критериев применения национального режима.

Законодателю целесообразно внедрить механизм обусловленного приоритета. Преференции на торгах должны предоставляться не за сам формальный факт нахождения в реестре, а при строгом условии подтверждения регулярных инвестиций в модернизацию производственных линий. Дополнительно следует закрепить правило автоматического снятия ограничений допуска в ситуациях, когда характеристики российского оборудования существенно уступают зарубежным аналогам по объективным показателям энергоэффективности или производительности.

Важным шагом станет введение зависимости жесткости ограничений от уровня внутренней конкуренции. Сейчас правило отсечения срабатывает даже при наличии в реестре всего одного отечественного завода. Предлагается закрепить в законе норму о блокировке ограничений допуска при низкой насыщенности рынка. Если по конкретному коду классификатора в перечне зарегистрировано менее трех независимых изготовителей, ограничение или запрет должны автоматически заменяться на обычную ценовую преференцию. Подобная мера позволит ликвидировать искусственные локальные монополии.

Также необходимо теснее связать контрактную систему с антимонопольным контролем через механизм реестровой ответственности. Если ФАС России выявляет сговор между дилерами одного завода или доказывает факт необоснованного завышения цен на торгах, продукция такого предприятия должна временно исключаться из преференциальных перечней до полного устранения допущенных нарушений.

Переход от безусловного протекционизма к стимулирующей защите позволит сохранить закрепленные в Конституции Российской Федерации гарантии свободной экономической деятельности. Разумный компромисс между интересами развития национальной промышленности и поддержанием здоровой рыночной среды станет толчком для технологического суверенитета страны.

Список литературы:

[1] Балашова Е. С., Малышев Е. А., Мачин И. И. К вопросу о стратегии импортозамещения трансформация российской промышленности // Организатор производства. 2022. № 4. С. 18-28.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N 0001202210060013. (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Полтарыхин А. Л., Пономарев М. А., Мидова В. О., Григорьев Д. В. Специфика закупочной деятельности и механизмы импортозамещения в сфере государственных закупок // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. С. 370-374.

[4] Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 25.12.2024, № 0001202412250018. (дата обращения: 15.09.2026).

[5] Решение Крымского УФАС России от 12 марта 2026 г. по делу № 082/06/105-390/2026 // База решений ФАС России. URL: https://br.fas.gov.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Решение Тульского УФАС России от 17 февраля 2026 г. по делу № 071/06/105-98/2026 // База решений ФАС России. URL: https://br.fas.gov.ru/ (дата обращения: 15.09.2026).

[7] Созаева Д. А., Гончар К. В. Инструменты развития конкурентной среды в регулируемых закупках Дальневосточного региона // Современная конкуренция. 2025. № 6 (108). С. 76-93.

[8] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[9] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

References:

[1] Balashova E. S., Malyshev E. A., Machin I. I. On the Issue of an Import Substitution Strategy: The Transformation of Russian Industry // Organizer of Production. 2022. No. 4. pp. 18–28.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru, October 6, 2022, No. 0001202210060013. (accessed: September 15, 2026).

[3] Poltarykhin A. L., Ponomarev M. A., Midova V. O., Grigoryev D. V. Specifics of Procurement Activities and Import Substitution Mechanisms in the Sphere of Public Procurement // Innovations and Investments. 2023. No. 6. pp. 370–374.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation dated December 23, 2024, No. 1875 “On Measures to Provide for a National Regime in the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru, December 25, 2024, No. 0001202412250018. (accessed: September 15, 2026). [5] Decision of the Crimean Office of the Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia dated March 12, 2026, in case No. 082/06/105-390/2026 // FAS Russia Database of Decisions. URL: https://br.fas.gov.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[6] Decision of the Tula Office of the Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia dated February 17, 2026, in case No. 071/06/105-98/2026 // FAS Russia Database of Decisions. URL: https://br.fas.gov.ru/ (accessed: September 15, 2026).

[7] Sozaeva D. A., Gonchar K. V. Instruments for Developing a Competitive Environment in Regulated Procurement in the Far Eastern Region // Modern Competition. 2025. No. 6 (108). pp. 76–93.

[8] Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

[9] Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006, «On Protection of Competition» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Art. 3434.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-20-24**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

СОКОЛОВА Дарья Николаевна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции. Актуальность исследования обусловлена тем, что коррупция остается одной из наиболее острых проблем государственного управления, а прокуратура занимает в системе противодействия ей особое положение, сочетая надзорные и ненадзорные полномочия. Целью работы является выявление содержания и структуры антикоррупционной деятельности прокуратуры, а также проблем, возникающих при ее осуществлении. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Автором обосновывается вывод о том, что деятельность прокуратуры по противодействию коррупции является многофункциональной и не сводится к надзору, а ее результативность зависит от четкого разграничения надзорных и ненадзорных полномочий.*

Ключевые слова: *коррупция, противодействие коррупции, прокуратура, прокурорский надзор, антикоррупционная экспертиза, полномочия прокурора.*

SOKOLOVA Darya Nikolaevna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF PROSECUTION BODIES IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION

Annotation. *The article considers certain aspects of the activities of prosecution bodies in the field of combating corruption. The relevance of the study is due to the fact that corruption remains one of the most acute problems of public administration, and the prosecutor's office occupies a special position in the system of countering it, combining supervisory and non-supervisory powers. The purpose of the work is to identify the content and structure of anti-corruption activities of the prosecutor's office, as well as the problems arising in its implementation. The methodological basis was formed by formal legal, comparative legal and systemic methods. The author substantiates the conclusion that the activities of the prosecutor's office in combating corruption are multifunctional and are not reduced to supervision, and its effectiveness depends on a clear delineation of supervisory and non-supervisory powers.*

Key words: *corruption, combating corruption, prosecutor's office, prosecutor's supervision, anti-corruption expertise, powers of the prosecutor.*

Исследование роли прокуратуры в сфере противодействия коррупции традиционно начинается с характеристики ее полномочий. Такой подход представляется оправданным лишь отчасти, поскольку перечень функций сам по себе не раскрывает механизма их взаимодействия. Существенно не количество закрепленных за прокуратурой полномочий, а степень их согласованности и способность обеспечить

реальное воздействие на коррупционные отношения. Широкий набор полномочий при отсутствии системных связей между ними не гарантирует результата, поскольку каждое полномочие в таком случае реализуется изолированно. В связи с этим деятельность прокуратуры рассматривается в настоящей работе не как совокупность отдельных функций, а как механизм, в котором надзорные и ненадзорные полномочия дополняют друг друга. Такой подход позволяет поставить вопрос о том, исчерпывается ли роль прокуратуры в рассматриваемой сфере исключительно надзором или ее функции шире, чем это принято считать в доктрине.

Коррупция остается одной из наиболее острых проблем государственного управления. Н. В. Мишакова обращает внимание на то, что «в условиях мировых финансовых кризисов и пандемии, секторальных санкций в отношении России отмечается модернизация коррупционных механизмов» [2, с. 71]. Приведенное наблюдение значимо для понимания того, почему противодействие коррупции не может сводиться к набору раз и навсегда установленных мер. Механизмы коррупции изменяются, приспосабливаются к новым условиям, и правовые средства противодействия должны изменяться вместе с ними. Если правовая система реагирует лишь на уже сложившиеся формы коррупции, она неизбежно отстает. Отсюда следует, что задача прокуратуры состоит не только в выявлении нарушений, но и в предвидении того, где они могут возникнуть. Превентивная составляющая в ее деятельности не менее значима, чем карательная, хотя на практике именно карательная составляющая обычно оказывается на виду.

В системе органов, участвующих в противодействии коррупции, прокуратура занимает особое положение. Это связано с тем, что она сочетает надзор за исполнением антикоррупционного законодательства с иными полномочиями, которые не являются надзорными в строгом смысле. И. Ю. Мурашкин отмечает, что «принято считать, что прокуроры на этом участке деятельности осуществляют исключительно надзорные полномочия» [3, с. 120]. С таким подходом можно согласиться лишь отчасти, поскольку он не учитывает всего многообразия функций прокуратуры в данной сфере. Прокуроры не только выявляют нарушения, но и проводят антикоррупционную экспертизу, координируют деятельность правоохранительных органов, участвуют в правотворчестве и осуществляют уголовное преследование. Каждая из этих функций имеет собственную логику и собственные критерии оценки. Надзор оценивается по количеству выявленных нарушений и принятых мер реагирования. Антикоррупционная экспертиза - по числу выявленных коррупциогенных факторов и по тому, насколько полно они устранены. Координация - по согласованности действий различных органов. Смешивать эти критерии не следует, поскольку в таком случае оценка работы прокуратуры становится расплывчатой и не позволяет определить, на каком именно направлении она нуждается в корректировке.

Предмет прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции действительно широк. Д. Р. Усманова подчеркивает, что «предмет прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции - широкая область отношений, урегулированная значительным массивом законодательных актов» [5, с. 182]. Широта эта создает не только возможности, но и трудности. Чем больший нормативный материал охватывает надзор, тем сложнее обеспечить его системность и избежать дублирования с деятельностью иных контролирующих органов. Здесь возникает вопрос, на который пока нет однозначного ответа: где проходит граница между надзором прокуратуры и контролем со стороны других государственных органов. Мы полагаем, что четкой границы сегодня не существует, и это создает известную неопределенность. В одних случаях прокуратура вынуждена подменять контролирующие органы, в других - ограничивается проверкой соблюдения формальных процедур, не вникая в существо. Ни то, ни другое нельзя признать оптимальным. Представляется, что решение этой проблемы лежит не в расширении надзорных полномочий, а в более точном определении предмета надзора применительно к каждой сфере, с тем чтобы прокуратура сосредоточивалась на наиболее значимых нарушениях, не распыляя усилия на второстепенное.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 относит к важнейшим задачам надзорной деятельности «своевременное предупреждение коррупционных правонарушений, вы-

явление и устранение их причин и условий, минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений» [6]. Формулировка показательна, поскольку акцент в ней сделан не на наказании виновных, а на предупреждении и устранении причин. Это соответствует общей логике противодействия коррупции, в которой профилактика занимает не меньшее место, чем репрессия. Вместе с тем нельзя не заметить, что профилактические задачи сформулированы в общем виде, без указания конкретных критериев оценки их достижения. Отсюда и трудности в оценке результативности работы прокуратуры на данном направлении. Как измерить предупреждение? По количеству выявленных нарушений? Но их рост может свидетельствовать не об ухудшении ситуации, а о более активной работе прокуратуры. По количеству устраненных нарушений? Но и здесь нет ясности, что считать устранением: формальное изменение акта или фактическое изменение практики. На наш взгляд, проблема измеримости результатов является одной из ключевых в оценке антикоррупционной деятельности, и решать ее следует не только на уровне ведомственных приказов, но и на уровне методики, разработанной с участием научного сообщества.

А. О. Миронов указывает, что «надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции является одним из основных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации» [1]. Это утверждение верно, но требует уточнения. Надзор действительно остается главным направлением, однако он не исчерпывает всей деятельности прокуратуры в данной сфере. Помимо надзора, прокуроры проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, участвуют в координации деятельности правоохранительных органов, осуществляют уголовное преследование по делам коррупционной направленности. Более того, в последние годы наметилась тенденция к расширению ненадзорных полномочий, что ставит вопрос о необходимости более четкой законодательной регламентации. Здесь мы позволим себе не согласиться с теми авторами, которые рассматривают расширение ненадзорных полномочий как безусловное благо. Чем шире круг функций, тем сложнее обеспечить их качественное исполнение при неизменной численности работников. И тем выше риск, что какая-то из функций будет выполняться формально. Поэтому расширение полномочий должно сопровождаться либо увеличением ресурсного обеспечения, либо перераспределением нагрузки, либо отказом от части функций в пользу других органов, для которых они являются профильными.

А. В. Сарычев и И. Н. Архипцев обращают внимание на то, что «проблема противодействия коррупции - это прежде всего проблема политическая, экономическая, общесоциальная, а только потом правовая» [4, с. 33]. Из этого следует, что усилия одной прокуратуры недостаточны для решения проблемы. Прокуратура действует в системе, где результаты зависят от согласованности действий всех органов публичной власти, институтов гражданского общества и граждан. Понимание этого обстоятельства важно для правильной постановки задач и оценки возможностей прокуратуры. Оно же объясняет, почему даже при последовательной работе прокуратуры уровень коррупции может оставаться высоким. Было бы несправедливо возлагать на прокуратуру ответственность за явление, которое порождается причинами, лежащими далеко за пределами ее компетенции. Вместе с тем и снимать с прокуратуры ответственность нельзя: она выполняет функцию обратной связи, сигнализируя о тех проблемах, которые не решаются иными средствами. Здесь значима не только реакция на конкретные нарушения, но и обобщение практики, выявление системных дефектов, предложения по совершенствованию законодательства. Эта аналитическая составляющая в деятельности прокуратуры, на наш взгляд, недооценивается. Именно она позволяет перейти от реагирования на отдельные факты к воздействию на причины, что соответствует профилактической направленности антикоррупционной политики, закрепленной в упомянутом приказе Генерального прокурора.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о внутренней дисциплине в самой прокуратуре. Статья 41.8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что «за несоблюдение работником ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях про-

тиводействия коррупции настоящим Федеральным законом, Федеральным законом от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, налагаются взыскания, предусмотренные статьей 41.7 настоящего Федерального закона» [7]. Наличие такой нормы свидетельствует о том, что прокуратура не только контролирует других, но и сама подчиняется антикоррупционным требованиям. Без этого доверие к ней было бы подорвано, а результативность работы поставлена под сомнение. Заметим, однако, что наличие нормы и ее реальное применение - не одно и то же. Внутренний контроль в прокуратуре должен быть не менее строгим, чем внешний надзор, иначе возникает ситуация, при которой требования предъявляются к другим, а к себе - в меньшей степени. Такая ситуация сама по себе подрывает доверие к институту и, как следствие, снижает эффект от его деятельности. Поэтому развитие внутренних антикоррупционных механизмов следует рассматривать не как дополнительную нагрузку, а как условие результативности всей работы прокуратуры.

Подводя итог, сформулируем несколько положений, которые представляются нам принципиальными. Деятельность прокуратуры по противодействию коррупции является многофункциональной и не сводится к надзору. Она включает антикоррупционную экспертизу, координацию, уголовное преследование, участие в правотворчестве и иные направления, каждое из которых имеет собственную логику и собственные критерии оценки. Результативность этой деятельности зависит от четкого разграничения надзорных и ненадзорных полномочий, а также от согласованности действий с иными органами публичной власти. Расширение полномочий без соответствующего ресурсного обеспечения неизбежно ведет к формализации работы, и это следует учитывать при совершенствовании законодательства. Внутренняя дисциплина в самой прокуратуре является условием доверия к ней и, следовательно, условием результативности ее антикоррупционной работы. Наконец, оценка результатов антикоррупционной деятельности требует более четких критериев, чем те, которые существуют сегодня, и разработка таких критериев - задача, которую предстоит решать совместными усилиями ведомственной практики и юридической науки. Предложенные в настоящей работе наблюдения не претендуют на окончательность, однако они позволяют обозначить те узкие места, без преодоления которых дальнейшее совершенствование антикоррупционной деятельности прокуратуры будет носить преимущественно количественный характер, не затрагивая ее качественных характеристик.

Список литературы:

[1] Миронов, А. О. Деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции / А. О. Миронов // Молодой ученый. - 2023. - № 16 (463). - С. 199–203.

[2] Мишакова, Н. В. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития / Н. В. Мишакова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2022. - № 3 (91). - С. 71–80.

[3] Мурашкин, И. Ю. Противодействие коррупции как многофункциональная деятельность органов прокуратуры / И. Ю. Мурашкин // КриминалистЪ. - 2023. - № 3 (44). - С. 119–125.

[4] Сарычев, А. В. Социальные и политические аспекты коррупции / А. В. Сарычев, И. Н. Архипцев // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2022. - № 3. - С. 33–36.

[5] Усманова, Д. Р. Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в территориальных органах прокуратуры / Д. Р. Усманова // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 2. - С. 182–183.

[6] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Законность. 2022. № 11.

[7] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

References:

[1] Mironov, A. O. The Activities of the Prosecutor's Office in the Sphere of Combating Corruption / A. O. Mironov // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. – 2023. – No. 16 (463). – pp. 199–203.

[2] Mishakova, N. V. The Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Combating Corruption: Current State and Prospects for Development / N. V. Mishakova // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina [Bulletin of the O. E. Kutafin University]. – 2022. – No. 3 (91). – pp. 71–80.

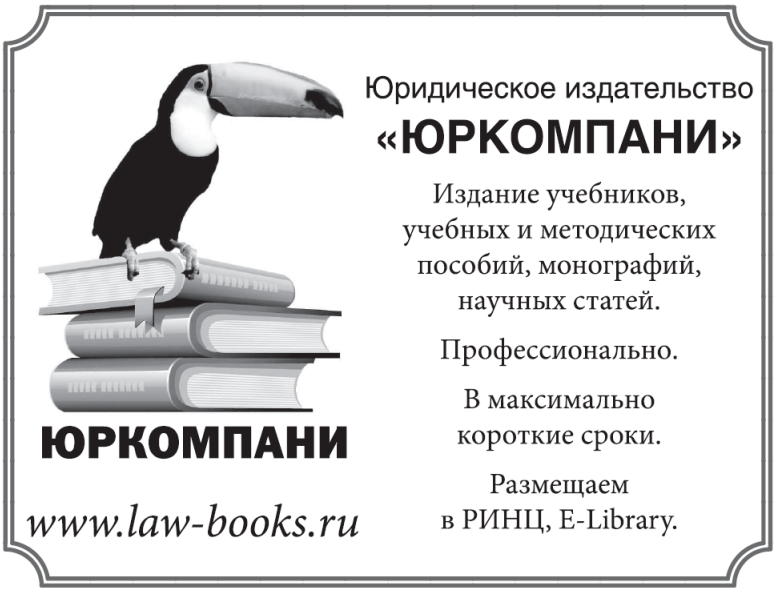
[3] Murashkin, I. Yu. Combating Corruption as a Multifunctional Activity of the Prosecutor's Office / I. Yu. Murashkin // Kriminalist [Criminalist]. – 2023. – No. 3 (44). – pp. 119–125.

[4] Sarychev, A. V. Social and Political Aspects of Corruption / A. V. Sarychev, I. N. Arkhiptsev // Problemy Pravookhranitelnoy Deyatelnosti [Problems of Law Enforcement Activity]. – 2022. – No. 3. – pp. 33–36.

[5] Usmanova, D. R. Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Legislation within Territorial Prosecutor's Offices / D. R. Usmanova // Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika [Law and State: Theory and Practice]. – 2025. – No. 2. – pp. 182–183.

[6] Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated October 10, 2022, No. 581 "On the Exercise of Prosecutorial Supervision and the Implementation of Other Powers by Prosecutors in the Sphere of Combating Corruption" // Zakonnost [Legality]. 2022. No. 11.

[7] Federal Law No. 2202-I of January 17, 1992, "On the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 8. Item 366.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-25-30**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ЕГОРОВА Анастасия Павловна,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: asus13092013@gmail.com

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛАХ

Аннотация. *В статье исследуются особенности применения досудебного соглашения о сотрудничестве (ДСС) в уголовных делах экономической направленности. Основное внимание уделено специфике доказывания: критериям оценки показаний лица, заключившего ДСС, проверке добровольности соглашения и формированию совокупности доказательств, достаточной для разрешения дела. Отдельно проанализирован порядок выделения уголовного дела в отдельное производство по ст. 154 УПК РФ — в том числе при множественности эпизодов, необходимости розыска имущества и обеспечения безопасности участников процесса. Рассмотрены типичные процессуальные ошибки следствия и риски признания доказательств недопустимыми.*

Актуальность темы обусловлена ростом числа экономических преступлений и активным использованием института ДСС как инструмента раскрытия сложных схем, затрагивающих интересы государства и хозяйствующих субъектов. Специфика экономических дел требует особого подхода к работе с документальными доказательствами — бухгалтерскими отчётами, выписками по счетам, договорами, — а также привлечения специалистов и назначения экспертиз. В таких условиях показания участника ДСС выступают важным, но не единственным источником сведений, требующим тщательной проверки путём сопоставления с иными материалами дела. На основе анализа судебной практики и норм уголовно-процессуального закона сформулированы положения по минимизации ошибок при проверке выполнения условий ДСС и обеспечении объективности расследования.

Ключевые слова: *досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС), особенности доказывания, допустимость доказательств, активное содействие следствию, финансовое возмещение ущерба, совокупность доказательств, особый порядок судебного разбирательства, проверка выполнения условий соглашения, добровольность заключения.*

EGOROVA Anastasia Pavlovna,
Saint Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia named after E. N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN ECONOMIC CASES

Annotation. *The paper examines the specifics of applying a pre-trial cooperation agreement (PCA) in economic criminal cases. Particular attention is given to the evidentiary aspects: criteria for assessing the testimony of a person who entered into a PCA, verifying the voluntariness of the agreement, and forming a sufficient body of evidence to resolve the case. The procedure for separating a criminal case into separate proceedings under Article 154 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is analysed separately — including in cases involving multiple episodes, the need to trace assets, and ensuring the safety of the participants in the proceedings. Typical procedural errors made by investigators and the risks of evidence being declared inadmissible are considered.*

The relevance of the topic stems from the growing number of economic crimes and the active use of the PCA institution as a tool for uncovering complex schemes that affect the interests of the state and economic entities. The specifics of economic cases require a special approach to handling documentary evidence — such as accounting reports, bank statements, and contracts — as well as involving specialists and ordering expert examinations. In such circumstances, the testimony of a PCA participant is an important, but not the sole, source of information; it must be carefully verified by cross-referencing with other materials in the case file.

Based on an analysis of court practice and the norms of criminal procedure law, the paper offers recommendations for minimising errors when verifying compliance with the terms of a PCA and for ensuring the objectivity of the investigation.

Key words: *pre-trial cooperation agreement, specifics of evidence, admissibility of evidence, active assistance to investigation, financial compensation for damage, body of evidence, special procedure for judicial proceedings, verification of compliance with the terms of the agreement, voluntariness of conclusion.*

В условиях увеличения числа экономических преступлений, которые часто носят групповой и многоэпизодный характер, важность раскрытия всей схемы преступной деятельности, выявления всех участников и возврата изъятых активов становится особенно актуальной. В таких случаях досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС), предусмотренное главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3], играет ключевую роль [9]. Оно позволяет получить от одного из участников информацию о структуре преступной группы, движении финансовых средств, документах и местах нахождения ценностей. При этом показания лица, заключившего соглашение, фиксируются в протоколах допросов при участии защитника [3], а заключение ДСС не освобождает лицо от уголовной ответственности за содеянное — смягчение наказания возможно лишь при выполнении обязательств [2; 3].

Экономические преступления, такие как мошенничество, уклонение от налогов или отмывание денег [2], требуют особых методов расследования. Одних показаний недостаточно так как нужны документы, экспертизы и подтверждение, что человек действительно помогает следствию. Иногда возникает вопрос, стоит ли разделять дело на несколько частей. А это можно сделать по статье 154 УПК РФ [3], процесс, при котором из основного производства выделяют часть материалов для создания нового, отдельного дела. То есть вести расследование независимо, но есть риск, что доказательства будут разрозненными и сроки расследования могут не совпадать. Целью исследования раскрыть уголовно-процессуальные способы доказывания экономических преступлений с использованием данных специальных средств (ДСС), а также определить критерии и порядок выделения уголовных дел в таких случаях.

Досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС) — это процессуальный договор между обвиняемым (подозреваемым) и государством [8; 9]. Эта сделка объединяет элементы процессуального компромисса и стимулирования правомерного поведения. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (ДСС) регулируется статьями 317.1-317.3 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3]. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вправе подать только подозреваемый или обвиняемый. Ходатайство подаётся в письменном виде на имя прокурора и подписывается также защитником [8]. Следователь и прокурор не инициируют соглашение, однако вправе разъяснить лицу возможность его заключения и целесообразность содействия следствию. Необходимо четко определить обязательства обвиняемого: конкретные действия, которые он должен выполнить (дать показания, указать тайные места хранения, раскрыть схемы, помочь в возврате имущества).

При экономических преступлениях важно зафиксировать конкретные и измеримые действия обвиняемого. Это не просто обещания, а действия, которые можно проверить (протоколы, выемки, экспертизы). Это снижает риск оспаривания выполнения условий соглашения в суде. Основная цель ДСС — получение доказательственной информации: показаний о роли соучастников, схемах преступной деятельности и местона-

хождении. И содействие лица, заключившего соглашение, способствует их достижению, поскольку позволяет выявить счета, имущество и документы, необходимые для наложения ареста на активы.

Доказывание по делам, в которых участвуют лица, заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС), имеет свои особенности. Одной из ключевых задач является подтверждение их показаний с помощью объективных доказательств. Это особенно актуально для экономических преступлений, где схемы часто строятся на документальном прикрытии. Но стоит отметить, что одних слов недостаточно для вынесения обвинительного приговора. Так важно учитывать, основные доказательства, а именно показания лиц, заключивших ДСС. Эти показания суд оценивает в совокупности с другими материалами дела. Приговор в отношении соучастников не может основываться исключительно на показаниях сотрудничающего лица, так как это противоречит принципу свободы оценки доказательств и требованию достаточности доказательной базы [5]. Суд учитывает не только слова, но и другие объективные доказательства такие как процессуальные документы, подтверждающие содействие. Протоколы следственных действий, такие как выемки, обыски, осмотры и проверки показаний на месте, служат достоверным подтверждением вклада лица, заключившего ДСС [5]. Эти документы свидетельствуют об активности и значимости его участия. Отдельно стоит отметить, документы и носители информации (выписки по счетам, договоры, электронные переписки и базы данных), найденные или указанные благодаря содействию сотрудничающего лица, помогают установить факты и детали преступления. Но при этом надо отметить, риски в процессе доказывания с возможной недопустимостью доказательств из-за нарушений при их сборе или отсутствия оснований для следственных действий. Также существует опасность чрезмерной опоры следствия на показания одного лица, что может вызвать критическую оценку со стороны суда.

Выделение уголовного дела в отдельное производство регламентируется статьёй 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3]. Данная процедура особенно востребована при расследовании преступлений, совершённых группой лиц: как правило, её применяют, чтобы обособленно исследовать действия одного из участников [8]. Следует отметить, что такой подход позволяет не только избежать конфликта интересов и ускорить процесс расследования, но и обеспечить защиту лица, сотрудничающего со следствием [3].

Вместе с тем на практике институт выделения нередко используют в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС). В этом контексте, помимо формальных оснований, важное значение приобретают доктринальные и практические соображения — в первую очередь необходимость гарантировать безопасность такого лица и оградить его от давления со стороны соучастников [4; 7].

При этом, как показывает практика, критически важным остаётся вопрос координации расследования. Прежде всего речь идёт о согласовании версий, сроков и доказательственной базы — это позволяет предотвратить противоречия и пробелы в материалах дела. Не менее значимо и соблюдение прав участников процесса: в частности, их права на ознакомление с материалами дела, участие в следственных действиях, а также обеспечение личной безопасности [4].

В судебной практике нередко возникают дискуссии относительно того, насколько содействие обвиняемого является достаточным для применения особого порядка рассмотрения дела и последующего смягчения наказания. Важно, что суды не ограничиваются простой констатацией факта дачи показаний, а проводят оценку их результативности. В частности, учитывается, привели ли эти показания к выявлению новых эпизодов преступления, обнаружению имущества или аресту активов.

Применительно к уголовным делам экономической направленности особый порядок судебного разбирательства сталкивается с рядом системных проблем, которые снижают его эффективность и создают риски отмены судебных решений. Анализ правоприменительной практики позволяет увидеть, что эти проблемы тесно взаимосвязаны и обусловлены как недостаточной формализацией критериев содействия обвиняемого, так и рисками, касающимися безопасности участников процесса и допустимости доказательств.

Прежде всего, серьёзным препятствием выступает неполнота и недостоверность со-

действия обвиняемого, что нередко становится основанием для отказа в применении особого порядка [7]. На практике нередки случаи, когда обвиняемый формально соглашается с предъявленным обвинением и даёт показания, однако не раскрывает источники доказательств, критически важные для установления обстоятельств преступления — например, не предоставляет первичные документы, реквизиты счетов. Порой передаваемые сведения оказываются заведомо недостоверными. Суды расценивают подобное поведение как отсутствие реального содействия следствию и отказывают в особом порядке, переходя к рассмотрению дела в общем порядке согласно ст. 314 УПК РФ [3; 5]. Такая ситуация не только ведёт к увеличению процессуальных сроков, но и ослабляет стимулы к сотрудничеству со стороны обвиняемых. Для преодоления этой проблемы целесообразно закрепить чёткие критерии «измеримости» содействия — в частности, в методических рекомендациях для следователей и прокуроров. Объективными показателями могли бы стать передача определённого объёма первичных документов с описью, указание реквизитов установленного количества банковских счетов с подтверждающими выписками. Не менее важно протоколировать каждый этап содействия: к материалам дела следует приобщать акты выемки или осмотра, описи переданных носителей — это позволит сформировать объективную доказательственную базу и дать суду возможность оценить реальный вклад обвиняемого. Кроме того, следователь должен провести предварительную проверку ключевых сведений — например, направить запросы в банки, ФНС, Росреестр, — чтобы исключить заведомую недостоверность показаний.

Другой значимой проблемой является риск признания доказательств недопустимыми в силу процессуальных нарушений — в соответствии со ст. 75 УПК РФ. В экономических делах, где основу доказательственной базы зачастую составляют документы и электронные данные, подобные нарушения способны серьёзно подорвать обвинение или вовсе лишить его опоры. Нередко оспаривание допустимости доказательств связано с тем, что содействие обвиняемого было получено под давлением либо процессуальные документы оформлены с нарушениями. Чтобы минимизировать эти риски, необходимо усилить гарантии добровольности сотрудничества: обеспечить обязательное участие защитника при даче показаний и подписании соглашений, должным образом разъяснить обвиняемому его права, предусмотренные Конституции РФ [1] и нормами УПК РФ [3], и зафиксировать факт такого разъяснения в протоколе. Дополнительным инструментом подтверждения добровольности и корректности процедуры может стать видеофиксация следственных действий — при условии согласия участников и соблюдения тайны следствия [3]. Кроме того, целесообразно выстроить систему внутреннего контроля: на этапе согласования ходатайств о применении особого порядка следует предусмотреть участие руководителя следственного органа и прокурора, которые смогут предварительно оценить допустимость доказательств и снизить риск их последующего оспаривания.

Не менее острыми остаются риски, связанные с безопасностью участников процесса и защитой их экономических интересов. В делах об экономических преступлениях угрозы нередко носят не только физический, но и экономический характер: речь может идти о блокировке счетов, давлении через контрагентов, утечке конфиденциальных данных или нанесении репутационного ущерба [6]. Подобные риски существенно снижают готовность обвиняемых раскрывать значимую информацию и подрывают доверие к самому механизму содействия. Для решения этой проблемы следует активнее применять меры государственной защиты, предусмотренные соответствующим федеральным законом, — в том числе личную охрану, обеспечение конфиденциальности персональных данных, временное переселение и иные меры [4; 6].

Таким образом, предложенные направления совершенствования механизма особого порядка судебного разбирательства призваны повысить объективность оценки содействия обвиняемого, усилить гарантии законности и добровольности сотрудничества, минимизировать риски оспаривания доказательств и отмены судебных решений, а также сформировать предсказуемые и защищённые условия, которые будут стимулировать обвиняемых к раскрытию информации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской

Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 11.10.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 11.10.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 11.10.2026).

[4] Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 N 119-ФЗ // Российская газета. 2004. № 182.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. № 157.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201607250001 (дата обращения: 11.10.2026).

[7] Магомедов, А. Г. Особенности предварительного следствия при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым / А. Г. Магомедов // Закон и право. — 2020. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predvaritelnogo-sledstviya-prizaklyuchenii-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-s-obvinyaemym/viewer (дата обращения: 11.10.2026).

[8] Угольникова, Н. В. Уголовный процесс : полный курс лекций со схемами, таблицами, определениями / Н. В. Угольникова. — 3-е изд. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

[9] Часовникова, О. Г., Токарева Е.В. Место досудебного соглашения о сотрудничестве в системе зарубежных стран / О. Г. Часовникова, Е. В. Токарева // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 5 (168). — С. 378–379.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (accessed: October 11, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as currently amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (accessed: October 11, 2026).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 25, 2023) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (accessed: October 11, 2026).

[4] Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004, «On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings» // Rossiyskaya Gazeta. 2004. No. 182.

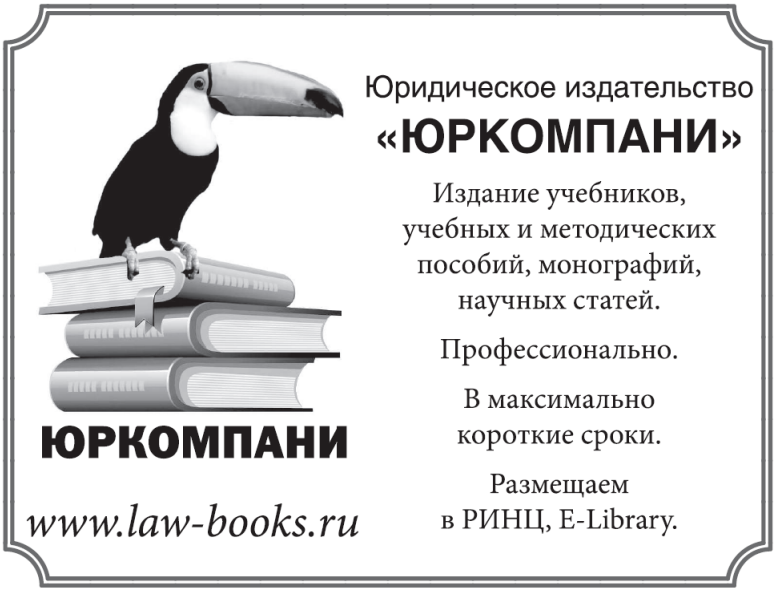
[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012, No. 16 (as amended on June 29, 2021) “On the Practice of Courts Applying the Special Procedure for Judicial Proceedings in Criminal Cases Involving Pretrial Cooperation Agreements” // Rossiyskaya Gazeta. 2012. No. 157.

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 20, 2016, No. 17-P “On the Case Concerning the Constitutionality of the Provisions of Parts 2 and 8 of Article 56, Part 2 of Article 278, and Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in Connection with a Complaint Filed by Citizen

D. V. Usenko" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201607250001 (accessed: October 11, 2026).

[7] Magomedov, A. G. Specifics of the Preliminary Investigation in Cases Involving a Pre-trial Cooperation Agreement with the Accused / A. G. Magomedov // Law and Right (Zakon i pravo). — 2020. — No. 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predvaritelnogo-sledstviya-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-s-obvinyaemym/viewer (accessed: October 11, 2026). [8] Ugolnikova, N. V. Criminal Procedure: A Complete Course of Lectures with Diagrams, Tables, and Definitions / N. V. Ugolnikova. — 3rd ed. — Moscow: Eksmo, 2025. — 224 p.

[9] Chasovnikova, O. G., Tokareva, E. V. The Role of Pre-trial Cooperation Agreements in the Legal Systems of Foreign Countries / O. G. Chasovnikova, E. V. Tokareva // Eurasian Law Journal. — 2022. — No. 5 (168). — pp. 378–379.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-31-39**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ШКУРИН Александр Евгеньевич,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
тел.: +79877133439,
e-mail: alshkurin25082002@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО КОМПЛАЕНСА В СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Предмет исследования — согласование публично-правовых требований, договорных обязанностей и внутренних процедур строительной организации. На примере споров о строительном контроле и возмещении убытков установлены пределы передачи контрольных функций и договорного распределения последствий нарушений. Рассмотрены нормативный, риск-ориентированный, процессный и доказательственный способы организации комплаенса. Данные о деятельности крупных девелоперов и региональных участников рынка используются для объяснения организационной сложности строительных проектов. Предлагается порядок, при котором применимое требование связывается с надлежащим субъектом, обязательной проверкой и документом, подтверждающим ее результат. Обосновано, почему дополнительные корпоративные процедуры должны дополнять, а не заменять строительный контроль.*

Ключевые слова: *правовой комплаенс, строительный контроль, предпринимательский риск, договорный контроль, государственный надзор, девелопмент, риск-ориентированный подход, судебная практика.*

SHKURIN Aleksandr Evgenyevich,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

PROBLEMS OF LEGAL COMPLIANCE IN CONSTRUCTION ACTIVITIES

Annotation. *This article examines how statutory construction requirements, contractual duties and internal corporate procedures interact within a building project. Analysis of court cases concerning construction control and damages identifies the limits of outsourcing and contractual allocation of liability. Normative, risk-based, process-oriented and evidentiary approaches are assessed in relation to particular legal obligations. Market data on major developers and regional companies illustrate differences in project organization without being used as evidence of non-compliance. The proposed model links each applicable rule to its legal addressee, a required control action and documentary proof of completion. Corporate procedures should support, not replace, mandatory construction control.*

Key words: *legal compliance, construction control, business risk, contractual control, public supervision, property development, risk-based approach, case law.*

Строительство редко осуществляется одним лицом. Застройщик организует проект, технический заказчик выполняет предусмотренные договором функции, подрядчик производит работы, а проектировщики и специализированные организации участвуют в отдельных стадиях. Изменение проектного решения может одновременно повлечь необходимость уточнить документацию, пересмотреть сроки, согласовать дополнительные работы и организовать новые проверки. При этом каждый участник оценивает происходящее исходя из собственных обязанностей. Трудности возникают в момент передачи результата: выполненная работа еще не означает ее надлежащего освидетельствования, а поручение контрольных действий сторонней организации не отвечает на вопрос об обязанностях заказчика.

Для предупреждения подобных ситуа-

ций уже установлены специальные правила. Статья 53 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ) предусматривает строительный контроль и определяет участвующих в нем лиц. Часть 6 статьи 52 ГрК РФ возлагает на лицо, осуществляющее строительство, ведение исполнительной документации и устранение обнаруженных недостатков; дальнейшее выполнение работ в предусмотренных законом случаях связано с оформлением актов об их устранении. Государственный строительный надзор осуществляется уполномоченным органом по статье 54 ГрК РФ. Следовательно, отдельные механизмы предупреждения нарушений уже существуют. Спорным остается вопрос, как организовать их совместное применение, когда техническое действие, договорное обязательство и установленная законом ответственность закреплены за разными лицами.

Самостоятельное назначение правового комплаенса состоит в согласовании этих связей. Для каждого требования следует установить его адресата по закону, лицо, фактически выполняющее соответствующие действия, способ проверки и документ, необходимый при приемке либо споре. При этом недостаточно описать желательный порядок документооборота: его юридическая полезность должна проверяться на конкретных нормах и судебных решениях. Экономические характеристики строительных компаний используются лишь для объяснения того, почему одинаковые ошибки в координации имеют разные последствия для крупных девелоперов и отдельных подрядчиков.

Сложность строительного комплаенса во многом обусловлена сочетанием публично-правового и частноправового регулирования. Государство закрепляет требования к безопасности объекта, разрешительным процедурам и контролю строительства. Гражданское право регулирует организацию исполнения, оплату, приемку и способы защиты при нарушении договора. Но эти два массива норм не существуют обособленно. Например, качество работ проверяется в интересах заказчика и одновременно имеет значение для безопасности объекта. Исследования межотраслевых связей гражданского права и методов предпринимательско-правового регулирования дают основания рассматривать такие ситуации через взаимодействие правовых средств, а не через механическое отнесение отношений к одной отрасли [1, с. 2; 2, с. 136–140].

При этом стороны не могут договором изменить содержание публичной обязанности. Допустимо установить более частые проверки, привлечь технического консультанта, предусмотреть дополнительные уведомления или распределить расходы на испытания. Недопустимо исключить установленное законом мероприятие строительного контроля либо считать, что его проведение другим лицом автоматически освобождает надлежащего субъекта от ответственности. Аналогичный вопрос о пределах частной самоорганизации возникает в доктрине экологического комплаенса [3, с. 28–29]. Применительно к строительству это означает, что внутренний регламент определяет способ работы организации, а юридическая обязанность и пределы ее изменения устанавливаются соответствующей нормой.

Единого понимания комплаенса в юридической литературе не сложилось, отчасти потому, что исследователи обращаются к различным его функциям. В. Ф. Попондопуло и Д. А. Петров связывают комплаенс с предпринимательским самоконтролем и риском несоответствия установленным правилам [4, с. 102, 108–109]. Ж. А. Кеворкова и Н. Г. Сапожникова рассматривают его в системе внутреннего контроля экономического субъекта [5, с. 6–7]. О. А. Чепарина подчеркивает значение комплаенс-функции для корпоративного управления [6, с. 212–213]. Эти подходы описывают различные стороны деятельности организации: выявление требований, создание процедур проверки и включение их результатов в управленческое решение. Для рассматриваемой проблемы важно не выбрать одно определение, а определить, какую юридическую задачу решает каждый из этих элементов.

В строительном проекте комплаенс имеет как минимум четыре стороны. Нормативная связана с определением применимых требований и их юридической силы. Организационная отвечает за распределение полномочий между работниками, подразделениями и контрагентами. Проверочная включает выявление отклонений до приемки результата либо следующей технологической операции. Наконец, доказательственная предполагает сохранение надлежащих документов о проверке и устранении недо-

статков. Возможна работа самостоятельной комплаенс-службы, распределение этих функций между юристами и инженерами или привлечение специалистов по договору. Выбор формы зависит от проекта; ни одна из них не заменяет анализа того, кто обязан совершить конкретное действие и как удостоверяется его исполнение.

Это особенно заметно при сравнении близких по названию механизмов. Строительный контроль по частям 1, 2 и 4–7 статьи 53 ГрК РФ направлен на проверку соответствия работ и оформление предусмотренных документов. Государственный строительный надзор по статье 54 ГрК РФ относится к полномочиям публичного органа. Внутренний контроль фактов хозяйственной жизни установлен частью 1 статьи 19 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ, но из этой нормы не следует обязанность каждого хозяйствующего субъекта создавать отдельную универсальную комплаенс-службу. Управление юридическими рисками, в свою очередь, помогает оценивать последствия возможных нарушений, однако не заменяет исполнение императивных предписаний. Комплаенс в предлагаемом понимании не дублирует названные институты: он определяет их место в конкретном проекте и порядок получения результата [7, с. 70–71].

Приоритет проверок может определяться с учетом риска, но здесь необходимо различать два уровня. В государственном контроле статьи 22–25 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ предусматривают оценку риска причинения вреда, категории риска и связанные с ними инструменты организации контрольной деятельности. Речь идет о выборе интенсивности публичного контроля, а не об освобождении проверяемого лица от соблюдения закона. Кроме того, статья 45 указанного закона предусматривает профилактические мероприятия, включая информирование и профилактический визит. Поэтому считать государственный контроль исключительно реакцией на уже совершенное нарушение неверно. Отличие корпоративной профилактики заключается прежде всего в том, кто проводит проверку, по какому основанию действует и какими правовыми последствиями сопровождается его решение.

Для самой строительной организации риск-ориентированный подход полезен при определении дополнительных проверок сверх обязательного минимума. Их очередность следует связывать не только с вероятностью штрафа, но и с последствиями дефекта для безопасности, стоимостью исправления и возможностью подтвердить соответствие после завершения этапа. Например, недостаток внутреннего аналитического отчета обычно можно устранить последующим уточнением. Если же скрытые работы закрыты без надлежащего освидетельствования, проверка может потребовать вскрытия конструкций или иных дополнительных мероприятий. Более высокая степень риска в таком случае обосновывает усиленный предварительный контроль. Вместе с тем никакая внутренняя оценка не позволяет отказаться от мероприятия, обязательного по закону [4, с. 109–110].

Оценка риска эффективна лишь при правильной юридической квалификации ситуации. Сначала требуется установить, какая норма действует, к кому обращена и обязательна ли она для конкретного объекта. Затем — определить момент ее исполнения: до начала работ, при выполнении определенной операции или при приемке результата. После этого выбираются документы, которыми будет подтверждаться соблюдение требования, и процедура действий при обнаружении отклонения. Такая последовательность соединяет нормативный, процессный и доказательственный подходы. Если отсутствует первичная квалификация, организация может контролировать необязательные для объекта правила; если не определен исполнитель — получить неопределенность при передаче работ; если не сохранен документ — столкнуться с невозможностью подтвердить проведенную проверку. Значение корпоративных информационных процедур для последней задачи отмечено в литературе [8, с. 24–25].

Характерный пример дает статья 6 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» в редакции Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 653-ФЗ. Условия применения национальных стандартов и сводов правил зависят от предусмотренных законом способов обоснования соблюдения требований безопасности и от статуса конкретного документа (ч. 1–4, 6 ст. 6). Поэтому ссылка в реестре организации только на номер свода

правил недостаточна: необходимо указать, на каком основании обязателен либо принят к применению его конкретный пункт. Без этого невозможно отделить нарушение императивного требования от отступления от добровольно выбранного технического решения. Ошибка в квалификации влияет как на содержание внутренней проверки, так и на последующую правовую оценку действий участников.

После определения применимого требования возникает вопрос о распределении контрольных обязанностей. Часть 2 статьи 53 ГрК РФ и пункты 5–6 Положения о проведении строительного контроля, утвержденного постановлением Правительства РФ от 21 июня 2010 г. № 468, предусматривают участие нескольких сторон. Подрядчик организует входной контроль продукции, проверяет ее хранение и выполнение технологических операций, участвует в освидетельствовании скрытых работ. Заказчик проверяет полноту и своевременность соответствующих мероприятий, достоверность документации и участвует в совместных проверках. Пункт 7 Положения запрещает применение продукции, не соответствующей требованиям по результатам входного контроля; пункт 10 связывает продолжение последующих работ с завершением освидетельствования скрытых работ; пункты 11–12 регулируют уведомление сторон и оформление результатов. Перечень функций достаточно конкретен. Проблемы появляются там, где договоры и фактический порядок взаимодействия не обеспечивают исполнение этих функций в установленный момент.

Договорный контроль заказчика имеет иную правовую основу. Пункт 1 статьи 748 ГК РФ предоставляет ему право проверять ход, качество и сроки выполнения работ, не вмешиваясь в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Обнаружив недостатки, заказчик по пункту 2 этой статьи обязан немедленно заявить о них подрядчику; иначе он может утратить право впоследствии на них ссылаться. В то же время подрядчик, как правило, не вправе оправдывать ненадлежащее исполнение тем, что заказчик не осуществлял контроль (п. 4 ст. 748 ГК РФ). Следовательно, даже если договорная и обязательная строительная проверка касаются одной операции, они различаются основаниями, адресатами и последствиями. Это различие хорошо видно в судебных спорах о передаче функций контроля.

В деле № А58-7110/2025, рассмотренном Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа 23 апреля 2026 г. (постановление № Ф02-766/2026), государственный заказчик строительства школы № 1 на 253 учащихся в Якутске оспаривал привлечение к административной ответственности по части 1 статьи 9.4 КоАП РФ. В обоснование своей позиции он ссылался на контракт с ФБУ «РосСтройКонтроль». Между тем при проверке были установлены недостатки в обеспечении полноты и своевременности входного и операционного контроля, оформлении его результатов и организации совместного освидетельствования отдельных работ. Суды оценивали не только наличие договора с профессиональной организацией, но и исполнение обязанностей самого заказчика. Штраф в размере 100 тыс. руб. был заменен предупреждением; кассационный суд не нашел оснований отменить принятые судебные акты.

Судебный спор не ставит под сомнение возможность привлечь специализированного исполнителя: она предусмотрена частью 2 статьи 53 ГрК РФ. Но передача ему определенных действий не тождественна прекращению всех обязанностей заказчика. При заключении такого договора необходимо указать состав проверок, сроки и форму отчетов, порядок участия заказчика в совместных мероприятиях, действия при отсутствии обязательных актов. Наличие этих документов само по себе не исключает административную ответственность, поскольку для ее установления оцениваются признаки правонарушения и вина в соответствии со статьями 1.5 и 2.1 КоАП РФ. Их практическая ценность в другом: они позволяют восстановить ход исполнения обязанности и выяснить, на каком этапе произошел пропуск.

Ответственность участников осложняется еще и тем, что нарушение, повлекшее публичную санкцию для одного лица, может быть связано с ненадлежащим исполнением договора другим. Такую ситуацию рассматривал Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 2 марта 2026 г. № Ф05-21029/2025 по делу № А40-32861/2025. ППК «ВСК» предъявила ФГУП «ГУСС» требование о возмещении сумм административных штрафов, связанных с на-

рушениями на объекте. По одному штрафу в размере 50 тыс. руб. суд округа согласился с выводом о доказанности нарушения договорных обязанностей ответчиком и причинной связи с расходами истца. В отношении другого штрафа судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение, поскольку часть обстоятельств и доказательств не получила необходимой оценки.

Отсюда нельзя вывести общее правило о возможности переложить административный штраф на контрагента. Субъектом публичной ответственности остается лицо, привлеченное за соответствующее правонарушение. Взыскание же расходов как убытков требует самостоятельного гражданско-правового основания, доказанного нарушения договора, причинной связи и оценки поведения сторон. Для договорного сопровождения стройки это различие принципиально: общего условия «все штрафы возмещает подрядчик» недостаточно, если из договора и материалов дела не следует, какую именно обязанность он нарушил и почему это повлекло расходы другой стороны. Поэтому сообщения о замечаниях, акты проверок и подтверждения устранения нарушений имеют значение не только для текущего контроля, но и для разрешения имущественного спора.

Вопрос об обязательности отдельных контрольных действий был поставлен перед Верховным Судом РФ по делу № АКПИ26-299 (решение от 20 июля 2026 г.). Заявитель, саморегулируемая организация, оспаривал подпункт «д» пункта 6 Положения № 468, обязывающий заказчика и подрядчика совместно проверять законченный строительством объект. Среди доводов указывались расходы и дополнительная нагрузка на участников строительства. Верховный Суд отказал в признании нормы недействующей: совместная проверка согласуется с законодательно установленной ролью заказчика и служит обеспечению безопасности объекта. Обязанность подрядчика предупредить о неблагоприятных обстоятельствах по статье 716 ГК РФ не заменяет итоговую проверку, поскольку речь идет о разных действиях и стадиях исполнения.

Экономический довод об избыточности процедуры сам по себе не отменяет установленного законом контроля. Подрядчик и заказчик имеют разные интересы в результате работ; совместная проверка позволяет выявить несоответствия до окончательной приемки. Иная ситуация — внутреннее согласование, введенное самой организацией и не имеющее самостоятельного правового основания. Его полезность допустимо оценивать с учетом затрат, повторяемости нарушений и того, изменит ли проверка решение по проекту. Такое разграничение позволяет не смешивать исполнение императивных обязанностей с вопросом о разумном объеме дополнительных корпоративных процедур.

Показателен также спор о деятельности технического заказчика. Постановлением от 24 февраля 2016 г. № 305-АД15-19871 по делу № А40-97711/2015 Верховный Суд РФ оставил в силе судебные акты, которыми подтверждена правомерность привлечения ЗАО «УКС-5» к административной ответственности. При строительстве жилого комплекса на улице Рогожский Вал в Москве были выявлены нарушения технических регламентов и проектной документации, своевременно не обнаруженные при строительном контроле. Юридическая оценка касалась не абстрактной обязанности заказчика отвечать за все ошибки подрядчика, а ненадлежащего выполнения его собственной контрольной функции. В практике комплаенса этому соответствует необходимость иметь отдельные подтверждения выполнения работ и проверки их со стороны надлежащего контролирующего участника.

Иной предел судебного обобщения демонстрирует постановление Верховного Суда РФ от 8 октября 2020 г. № 11-АД20-12. Спор возник в связи с реконструкцией объекта, в которой участвовали ПАО «Туполев» и ООО «Алар Инжиниринг». В материалах упоминались письменные обращения о необходимости авторского надзора и согласовании дальнейших свайных работ. Однако Верховный Суд разрешал прежде всего процессуальный вопрос о пересмотре решения о прекращении административного производства. Поэтому это постановление не следует приводить как окончательное установление материально-правовой ответственности конкретной стороны за все дефекты. Оно позволяет отметить более узкое обстоятельство: переписка, уведомления и указания существенны для восстановления хода действий участников, но сами по себе не предрешают вывод суда о вине.

Приведенные дела затрагивают разные нарушения, однако обнаруживают общую

практическую трудность. Договор может назвать лицо, выполняющее проверку, но не всегда отражает, кто обязан обеспечить ее проведение по закону. Акт выполненных работ подтверждает один юридический факт, отчет привлеченного контролера — другой. При возникновении спора стороны вынуждены восстанавливать эту последовательность по отдельным документам. Поэтому целесообразно закреплять в проектной документации не единого «ответственного за законность», а распределение каждой обязательной операции: субъект обязанности, исполнитель, лицо, принимающее результат, срок и документ о завершении. Такая организация не предопределяет судебный исход, но уменьшает вероятность пропуска обязательного действия и облегчает проверку его исполнения.

Судебные акты показывают, как оцениваются уже совершенные действия. Они не позволяют определить частоту аналогичных нарушений в отрасли. Для понимания практического значения координации следует учитывать и структуру строительного бизнеса: количество объектов, самостоятельных проектных обществ и внешних исполнителей. При этом данные о площади текущего строительства нельзя использовать ни как показатель числа правонарушений, ни как оценку качества комплаенс-систем конкретных застройщиков.

По сведениям Единого ресурса застройщиков (ЕРЗ.РФ) на 1 декабря 2025 г., площадь жилья в текущем строительстве группы «Самолет» составляла 4 983 149 кв. м: в портфель входили 62 жилых комплекса, 254 многоквартирных дома и пять домов с апартаментами. Для ПИК в том же рейтинге указаны 4 556 910 кв. м, 78 жилых комплексов, 187 многоквартирных домов и два дома с апартаментами [9]. Такие портфели означают, что разрешительные, договорные и контрольные действия совершаются параллельно в многочисленных самостоятельных проектах. Здесь опасна не только отдельная ошибка работника. Неточно составленное типовое условие договора либо ошибочно определенный статус технического требования может воспроизводиться в разных проектных обществах. Поэтому централизованный стандарт оформления должен сопровождаться проверкой применимости норм к каждому объекту и действительной роли соответствующего юридического лица.

В крупном девелопменте юридические решения тесно связаны с экономикой объекта. Корректировка проектного решения может потребовать предусмотренных законодательством действий с документацией (в частности, с учетом части 7 статьи 52 ГрК РФ); изменение состава или цены работ — договорного согласования; перенос этапа — оценки последствий для подрядных обязательств и финансирования. Просрочка подтверждающего документа способна задержать расчеты, а выполнение работ без нужного согласования — создать риск отказа в их приемке. Эти последствия не превращают финансовое планирование в предмет правового комплаенса целиком. Юридическая задача состоит в том, чтобы выявить обязательное согласование либо уведомление до принятия хозяйственного решения, последствия которого трудно исправить.

Такая задача стоит не только перед федеральными группами. В рейтинге ЕРЗ.РФ за октябрь 2026 г. ГК «КамаСтройИнвест» занимала первое место в Татарстане по объему текущего строительства: 274 297 кв. м, семь жилых комплексов, одиннадцать многоквартирных домов и шесть застройщиков в структуре группы [10]. Эти сведения характеризуют организационный масштаб, но ничего не говорят о допущенных нарушениях. Их значение для исследования в другом: единая девелоперская группа может включать несколько юридических лиц, каждое из которых участвует в собственных разрешительных, договорных и контрольных отношениях. Общая корпоративная политика здесь полезна лишь при условии, что она не подменяет определение обязанностей каждого общества по конкретному проекту.

Для подрядчика, выполняющего отдельный комплекс работ, проблема нередко выглядит проще, но последствия могут быть столь же существенными. Снабжение, подготовка документации и выполнение работ связаны единым графиком. Однако не всякая задержка или ошибка закупки является юридическим нарушением. Правовое значение она приобретает, например, при применении продукции, не прошедшей входной контроль, при несогласованной замене проектного решения или при отсутствии обязательного уведомления заказчика. Пункт 1 статьи 716 ГК РФ требует от подрядчика незамедлительно предупредить заказчика

о перечисленных в норме обстоятельствах и приостановить работу до получения указаний. Пункт 2 ограничивает возможность ссылаться на такие обстоятельства при несоблюдении установленного порядка. Таким образом, один и тот же производственный сбой может остаться хозяйственной проблемой либо привести к утрате конкретного гражданско-правового возражения.

Отдельный круг рисков возникает при использовании счетов эскроу в жилищном строительстве. По частям 2–3 статьи 15.4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ в установленных случаях денежные средства участника долевого строительства перечисляются на счет эскроу; с их поступлением на этот счет обязанность по оплате считается исполненной. Часть 7 статьи 15.4 предусматривает специальные основания одностороннего отказа участника, в том числе в связи с признанием застройщика банкротом и открытием конкурсного производства. В одном проекте поэтому одновременно действуют обязательства перед дольщиком, банком и строительными подрядчиками. Они экономически связаны, но содержание каждого определяется собственными нормами и договорами. Комплаенс должен учитывать такие юридические события, как изменение разрешительной документации, возникновение оснований для уведомления или отказа от договора, не подменяя собой финансовое управление проектом.

Не следует, однако, рассматривать комплаенс как средство защиты от любой неплатежеспособности. Для банкротства застройщиков предусмотрены специальные правила § 7 главы IX Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ; они не распространяются автоматически на подрядчиков и поставщиков. На финансовое состояние компании влияют стоимость кредита, спрос, движение денежных средств и иные факторы, которые нельзя устранить внутренним юридическим регламентом. В то же время отсутствие своевременного предупреждения заказчика, неверное оформление изменения проекта, неполная исполнительная документация и упущенные договорные способы защиты могут увеличить расходы и осложнить взыскание задолженности. В этой части правовая профилактика имеет вполне определенную экономическую ценность: не допустить дополнительных имущественных потерь из-за несоблюдения исправимого требования.

Организационная форма комплаенса должна учитывать эти различия. Для небольшого подрядчика может быть достаточно согласованного порядка уведомлений, проверки материалов и хранения актов. Группе с несколькими застройщиками требуется также обновление правовых требований, контроль типовых договоров и сопоставимость документации между объектами. При привлечении внешнего контролера особое значение имеют состав поручения и регулярность отчетности перед заказчиком. Но во всех случаях объем обязательного строительного контроля одинаково определяется применимым законодательством: масштаб бизнеса позволяет изменять дополнительные процедуры, а не сокращать публично-правовые обязанности.

С учетом рассмотренных дел основой внутренней организации контроля должна стать юридически значимая операция, а не общий перечень рисков. Применительно к каждому этапу фиксируются: норма и основание ее применимости; субъект обязанности; фактический исполнитель; момент проверки; документ, подтверждающий результат; порядок исправления отклонения. Например, замена предусмотренного проектом материала не сводится к поиску более дешевого поставщика. Продукция должна пройти входной контроль в соответствии с Положением № 468; если замена предполагает изменение проектных решений, применяются требования градостроительного законодательства к такому изменению. Только после юридической проверки допустимости решения можно оценивать его стоимость и сроки.

Порядок реагирования также зависит от характера требования. Нарушение, затрагивающее безопасность, устраняется с соблюдением обязательных процедур контроля и документирования по частям 5 и 7 статьи 53 ГрК РФ. При наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 716 ГК РФ, подрядчик обязан направить предупреждение и действовать в установленном законом порядке. Отступление же только от добровольно принятого корпоративного стандарта может исправляться по внутреннему регламенту, если оно не скрывает одновременно нарушения закона или договора. Во всех случаях документировать нужно не только поста-

новку задачи, но и фактическое устранение отклонения, повторную проверку, когда она необходима, и основание для продолжения работ.

Предел усмотрения организации поэтому проходит между предусмотренной законом проверкой и дополнительными управленческими действиями. Части 4–7 статьи 53 ГрК РФ и пункт 10 Положения № 468 не позволяют произвольно выполнять последующие работы без необходимого освидетельствования. Но частота дополнительных внутренних отчетов, порядок согласования некритичных замечаний или глубина проверки контрагента могут зависеть от особенностей объекта и ранее выявленных нарушений. Увеличение числа согласований не всегда повышает законность; полезна та процедура, которая дает ответственному лицу сведения для своевременного правомерного решения.

Для оценки такой системы недостаточно подсчитать локальные положения и отчеты. В судебном споре значение приобретают содержание конкретного действия и его подтверждение. Письменное замечание по части 7 статьи 53 ГрК РФ, акт освидетельствования, предупреждение по статье 716 ГК РФ, отчет привлеченного контролера и подтверждение устранения недостатка удостоверяют разные обстоятельства. Ни один из них не способен автоматически заменить остальные. Комплаенс имеет практический смысл, когда организация заранее знает, какой документ потребуется для подтверждения соответствующей обязанности, и обеспечивает его получение в установленный момент. Это не исключает спора, но препятствует ситуации, при которой факт исполнения приходится восстанавливать по разрозненной переписке.

Заключение

Действующее строительное законодательство содержит самостоятельные процедуры предупреждения нарушений; общего правового вакуума в этой сфере нет. Трудность возникает при их применении в проекте, где нормативная обязанность, договорное поручение и фактический контроль могут относиться к разным лицам. Поэтому задача строительного комплаенса состоит в согласовании этих элементов без изменения установленного законом распределения обязанностей.

Судебная практика показывает пределы такого согласования. В деле № А58-7110/2025 передача проверочных действий специализированной организации не устранила необходимости оценить собственное поведение заказчика. Дело № А40-32861/2025 потребовало отдельно исследовать основания взыскания убытков, связанных с административными санкциями. Решение № АКПИ26-299 подтвердило обязательность предусмотренного нормативным актом совместного контрольного мероприятия. Эти споры нельзя свести к единому вопросу о наличии у компании комплаенс-политики: в каждом устанавливается самостоятельная обязанность и правовое последствие ее нарушения.

Практически применимая модель должна связывать конкретную норму с ее адресатом, исполнителем, моментом проверки и документом о результате. Если обнаружено отклонение, решение о дальнейших работах принимается после выполнения обязательных действий по его устранению либо согласованию, а не только после внесения записи во внутреннюю систему. Дополнительные процедуры могут изменяться в зависимости от сложности объекта и структуры организации. Однако их назначение остается одним: обеспечить своевременное исполнение требований, уже имеющих правовое основание.

Различия между федеральными девелоперами и региональными участниками рынка определяют нагрузку на такой механизм, но не его юридическую сущность. В группе с множеством проектов существенна единообразная квалификация требований при сохранении самостоятельности проектных обществ; у подрядчика — своевременное оформление предупреждений, контрольных актов и согласований. Комплаенс не устраняет рыночную неопределенность и не гарантирует отсутствие ответственности. Он позволяет сократить число ситуаций, в которых предотвратимое нарушение становится причиной повторных работ, спора о приемке или дополнительных имущественных потерь.

Список литературы:

[1] Михайлов А. В. Особенности методов правового регулирования в предпринимательском праве // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 2–9.

[2] Челышев М. Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспече-

ния публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12 (108). С. 136–140.

[3] Позднякова П. В. Экологический комплаенс — институт частного или публичного права? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 28–52.

[4] Попондопуло В. Ф., Петров Д. А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 102–114.

[5] Кеворкова Ж. А., Сапожникова Н. Г. Концептуальные положения комплаенс как формы внутреннего контроля в экономических субъектах // Учет. Анализ. Аудит. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–16.

[6] Чепарина О. А. Правовая категория комплаенс в системе права // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 210–214.

[7] Билык В. И., Пославский Д. М. Исследовательские подходы к решению проблем правового регулирования государственного контроля в сфере строительства // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 8. С. 70–76.

[8] Дорожинская Е. А. Правовое регулирование построения внутрикорпоративной системы информационного комплаенса // Право и бизнес. 2024. № 1. С. 24–27.

[9] Единый ресурс застройщиков (ЕРЗ. РФ). Опубликован ТОП застройщиков России по текущему строительству на 1 декабря 2025 года. 01.12.2025. URL: https://erzrf.ru/news/article/opublikovan_top_zastrojschikov_rossii_po_tekuschemu_stroitelstvu_na_1_dekabrya_2025_goda (дата обращения: 31.10.2026).

[10] Единый ресурс застройщиков (ЕРЗ. РФ). ТОП застройщиков Республики Татарстан по объему текущего строительства, октябрь 2026 года. URL: https://erzrf.ru/top-zastroyshchikov/respublika-tatarstan-tatarstan?date=261001&region=respublika-tatarstan-tatarstan&regionKey=145204001&topType=0 (дата обращения: 31.10.2026).

References:

[1] Mikhailov A. V. Specifics of Legal Regulation Methods in Entrepreneurial Law // Entrepreneurial Law. 2023. No. 4. pp. 2–9.

[2] Chelyshev M. Yu. Interdisciplinary Legal Regulation as a Means of Ensuring Public Interests in the Economic Sphere // Journal of Russian Law. 2005. No. 12 (108). pp. 136–140.

[3] Pozdnyakova P. V. Environmental Compliance: An Institution of Private or Public Law? // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 4. pp. 28–52.

[4] Popondopulo V. F., Petrov D. A. Compliance as a Legal Instrument for Risk Minimization and the Prevention of Offenses // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2020. Vol. 11. No. 1. pp. 102–114.

[5] Kevorkova Zh. A., Sapozhnikova N. G. Conceptual Provisions of Compliance as a Form of Internal Control in Economic Entities // Accounting. Analysis. Auditing. 2020. Vol. 7. No. 2. pp. 6–16.

[6] Cheparina O. A. The Legal Category of «Compliance» within the Legal System // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 4. pp. 210–214.

[7] Bilyk V. I., Poslavsky D. M. Research Approaches to Addressing Issues of Legal Regulation of State Control in the Construction Sector // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16. No. 8. pp. 70–76.

[8] Dorozhinskaya E. A. Legal Regulation of Establishing an Internal Corporate Information Compliance System // Law and Business. 2024. No. 1. pp. 24–27.

[9] Unified Resource of Developers (ERZ. RF). Top Russian Developers by Current Construction Volume as of December 1, 2025. December 1, 2025. URL: https://erzrf.ru/news/article/opublikovan_top_zastrojschikov_rossii_po_tekuschemu_stroitelstvu_na_1_dekabrya_2025_goda (accessed: October 31, 2026).

[10] Unified Resource of Developers (ERZ.RF). Top Developers in the Republic of Tatarstan by Current Construction Volume, October 2026. URL: https://erzrf.ru/top-zastroyshchikov/respublika-tatarstan-tatarstan?date=261001&region=respublika-tatarstan-tatarstan&regionKey=145204001&topType=0 (accessed: October 31, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-40-44**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ФЕОКТИСТОВ Никита Дмитриевич,
студент Сиу РАНХиГС, РФ, г. Новосибирск,
e-mail: mail@law-books.ru

НОВИКОВ Валерий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сиу РАНХиГС, РФ, г. Новосибирск,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье с позиций теоретико-правового подхода анализируются понятие, правовая природа, система принципов и методология антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. В работе последовательно раскрываются ключевые сущностные характеристики антикоррупционной экспертизы, включая спорные вопросы ее соотношения с криминологической и правовой экспертизой, таксономические координаты и эволюцию легального определения. Особое внимание уделяется систематизации принципов антикоррупционной экспертизы, анализу методологического инструментария и классификации субъектов по степени обязательности и юридической силе результатов. На основе анализа научных позиций (Н.А. Громакин, Е.А. Акунченко, Е.И. Юлегина, Е.Р. Россинская, М.С. Бахтина, Р.М. Магомедова и др.) формулируется авторское определение антикоррупционной экспертизы и вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, правовая природа, принципы, методология, субъекты антикоррупционной экспертизы, прокуратура, независимые эксперты.*

FEOKTISTOV Nikita Dmitrievich,
Sim RANEPA, Russia, Novosibirsk

NOVIKOV Valery Alekseevich,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Sim RANEPA, Russia, Novosibirsk

THE CONCEPT, PRINCIPLES, AND SUBJECT COMPOSITION OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article, from the perspective of a theoretical and legal approach, analyzes the concept, legal nature, system of principles, and methodology of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts. The work sequentially reveals the key essential characteristics of anti-corruption expertise, including controversial issues related to its relationship with criminological and legal expertise, taxonomic coordinates, and the evolution of the legal definition. Special attention is paid to the systematization of the principles of anti-corruption expertise, the analysis of methodological tools, and the classification of subjects according to the degree of obligation and the legal force of the results. Based on an analysis of scholarly positions (N.A. Gromakin, E.A. Akunchenko, E.I. Yulegina, E.R. Rossinskaya, M.S. Bakhtina, R.M. Magomedova, and others), the author*

formulates a definition of anti-corruption expertise and puts forward proposals for improving legal regulation in this area.

Key words: *anti-corruption expertise, corruption-prone factors, legal nature, principles, methodology, subjects of anti-corruption expertise, prosecutor's office, independent experts.*

Формирование эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации невозможно без качественного нормативно-правового инструментария, позволяющего выявлять и устранять коррупционные риски на стадии разработки и действия нормативных правовых актов (НПА). Одним из ключевых инструментов, с помощью которого это обеспечивается, выступает антикоррупционная экспертиза.

Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы установлены Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Однако, несмотря на пятнадцатилетнюю историю действия данного Закона, доктринальное понимание понятия и правовой природы антикоррупционной экспертизы остается дискуссионным. Как отмечает Н.А. Громакин, проблематика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры, остается предметом научных дискуссий в силу неустойчивости правовых дефиниций и неоднозначности трактовки ее институционального статуса.

Цель настоящей статьи — провести комплексный теоретико-правовой анализ антикоррупционной экспертизы, включающий исследование ее понятия и правовой природы, системы принципов и методологии, а также классификации субъектов и форм их взаимодействия.

В статье 1 Федерального закона № 172-ФЗ содержится легальное определение антикоррупционной экспертизы, в соответствии с которым антикоррупционная экспертиза — это «деятельность по выявлению в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенных факторов и последующему устранению таких факторов».

В научной среде сформировались различные подходы к пониманию анализируемого института экспертизы, несмотря на наличие легальной дефиниции. Как правило, выделяют три подхода — инструментальный, функционально-правовой и институциональный. Институциональный подход рассматривает антикоррупционную экспертизу как комплексный правовой институт. Этот правовой институт представляется наиболее обоснованным и состоит из норм различных отраслей права, фиксирующих не только процедурные и содержательные, но и властно-обязывающие аспекты деятельности по выявлению коррупциогенных факторов.

Проблема баланса антикоррупционной экспертизы с иными видами экспертиз нормативных правовых актов — важный аспект анализа правовой природы.

Е.И. Юлегина — российский учёный-юрист, специалист в области административного права, чьи основные научные исследования и публикации посвящены правовой и криминологической оценке законодательства, в своем сравнительно-правовом исследовании приходит к выводу, что антикоррупционная экспертиза — это вид криминологической экспертизы с использованием методов правовой экспертизы.

Для разграничения видов экспертиз основным критерием является цель их проведения. Правовая экспертиза нацелена на установление формального соответствия закону. Криминологическая экспертиза оценивает влияние нормы на преступность в целом. Антикоррупционная экспертиза, в отличие от вышеуказанных экспертиз, является узкоспециализированным предметом и выявляет положения, создающие условия для коррупции.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры деликтологии и криминологии Е.А. Акунченко, развивая таксономический подход, обосновывает вывод о комплексном характере института антикоррупционной экспертизы. Он подчеркивает, что данный институт не тождествен ни одному из существующих смежных видов экспертиз.

Для преодоления научной стагнации, по мнению ученого, необходимо ее переосмысление с применением новой методологической основы как объекта познания в структуре теории антикоррупционной безопасности, нормативная же форма, закрепленная в Федеральном законе № 172-ФЗ, ограничивает понимание антикоррупцион-

ной экспертизы.

Научные дискуссии подтверждают существующую многогранную правовую природу антикоррупционной экспертизы. Н.А. Громакин в своих исследованиях выделяет одну группу исследователей, которые определяют антикоррупционную экспертизу как разновидность прокурорского надзора, другую группу исследователей — как элемент правотворческой деятельности. Это порождает различные подходы к интерпретации функций антикоррупционной экспертизы. Только в сочетании надзорного и превентивного направлений возможно целостное понимание института, по мнению автора.

Нормативной основой антикоррупционной экспертизы выступает система принципов. Согласно статье 2 Федерального закона № 172-ФЗ установлены следующие принципы:

обязательное проведение экспертизы проектов нормативно-правовых актов;

объективность, обоснованность, доступность, проверяемость и прозрачность результатов;

сотрудничество государственных органов с институтами гражданского общества;

подтверждение компетентности лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу;

проведение оценки нормативно-правовых актов в комплексе и взаимосвязи с другими актами.

Более детальная классификация принципов предложена в доктрине. В частности, принцип научной обоснованности заслуживает внимания. Он требует использование методов системного анализа, прогнозирования социальных последствий принятых норм и проведения криминологической оценки рисков.

К числу специально-отраслевых принципов относится принцип независимости экспертов. Этот принцип означает, что субъект должен руководствоваться исключительно законом и методическими рекомендациями, однако, реализация этого принципа в отношении властных и общественных субъектов существенно различается.

Методология антикоррупционной экспертизы представляет собой трехуровневую систему: философский (диалектический метод), общенаучный (анализ, синтез, системный подход, моделирование) и конкретно-юридический уровни. Основным инструментарием выступает Методика проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96. Как отмечает Р. М. Магомедова (к.и.н.) в докладе на научном семинаре (апрель 2025 г.), действующая методика плохо раскрывает суть перечисленных в ней коррупциогенных факторов, что может спровоцировать ситуацию неверного их толкования. К числу иных проблем методики относятся: отсутствие алгоритмов выявления латентных рисков, неадаптированность к цифровой среде и игнорирование возможностей искусственного интеллекта. Для повышения качества экспертизы специалисты предлагают либо более детально раскрывать содержание существующих факторов, либо оставить их общий перечень, но при этом унифицировать саму процедуру квалификации.

Многоуровневая система субъектов антикоррупционной экспертизы является наиболее эффективной. Классификация уровней по нескольким основаниям, а именно:

юридической природе полномочий (общественные и властные субъекты),

степени обязательности (право и императивная обязанность),

объему компетенции,

юридической силе результатов (рекомендательные и обязывающие заключения).

В соответствии с универсальным характером надзорных полномочий, Прокуратура занимает доминирующее положение. Сотрудники Прокуратуры проводят экспертизу нормативных правовых актов. При выявлении коррупциогенных факторов вносят требование об изменении акта, обязательное к рассмотрению в 10-дневный срок, руководствуясь ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре» (в редакции от 30.09.2024 № 334-ФЗ). Законодатель последовательно расширяет сферу прокурорской экспертизы, как подтверждение с 2024 г. под экспертизу подпадают акты органов публичной власти федеральных территорий.

Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет экспертизу на этапе государственной регистрации ведомственных актов, а также ведет Государственный реестр независимых экспертов. Институт независимых экспертов (физических и юридических лиц, аккредитованных Минюстом) сталкивается с серьезными проблемами: рекомендательный характер заключений,

несовершенство методики, отсутствие действенных механизмов разрешения разногласий между экспертами и правотворческими органами. По мнению Р. М. Магомедовой, независимый эксперт должен обладать высокими навыками правового характера, и для лиц, имеющих высшее юридическое образование, требуется обязательная аттестация, а для специалистов из другой сферы — курсы профессиональной переподготовки с последующей аттестацией. Эффективность взаимодействия субъектов во многом зависит от налаженного информационного обмена и координации. Наиболее успешным признается опыт Саратовской области, где Управлением Минюста заключены многосторонние соглашения о взаимодействии (включая соглашение с Прокуратурой Саратовской области, Общественной палатой и др.), установлены четкие сроки обмена экспертными заключениями и проведения сверок, что позволило достичь высокого процента приведения НПА в соответствие (87,5%). В Чувашской Республики в 2025 г. проведен семинар-совещание по популяризации института независимой экспертизы, организованный Управлением Минюста совместно с Прокуратурой.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Правовая природа антикоррупционной экспертизы является комплексной: она сочетает превентивные, контрольно-надзорные и научно-квалификационные элементы. Наиболее адекватным является институциональный подход, рассматривающий антикоррупционную экспертизу как самостоятельное правовое явление, не сводимое полностью ни к прокурорскому надзору, ни к правотворческой деятельности.

Действующая Методика проведения антикоррупционной экспертизы (Постановление Правительства РФ № 96) нуждается в существенной корректировке: перечень коррупциогенных факторов должен быть расширен, а их содержание раскрыто более детально. Требуется также адаптация методики к цифровой среде, включая разработку алгоритмов использования технологий искусственного интеллекта.

Институт независимых экспертов требует реформирования: необходима обязательная аттестация экспертов, пересмотр требований к квалификации, наделение заключений независимых экспертов большей юридической силой (в определенных законом случаях — обязательным характером).

Эффективная система антикоррупционной экспертизы невозможна без налаженного взаимодействия между всеми субъектами: прокуратурой, Минюстом России, правотворческими органами и независимыми экспертами. Положительный опыт регионов по заключению многосторонних соглашений о взаимодействии и созданию единых информационных механизмов заслуживает распространения на федеральном уровне с разработкой типового регламента межведомственного взаимодействия.

Список литературы:

[1] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

[2] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.

[3] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 20.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 10. — Ст. 1084.

[4] Акунченко, Е. А. Таксономические координаты антикоррупционной экспертизы / Е. А. Акунченко // Russian Journal of Economics and Law. — 2025. — Т. 19, № 1. — С. 110–125.

[5] Бахтина, М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов : монография / М. С. Бахтина. — Москва : Проспект, 2025. — 176 с.

[6] Громакин, Н. А. Процесс формирования понятия антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры Российской Федерации / Н. А. Громакин // Юридическая наука. — 2025. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-formirovaniya-ponyatiya-antikorruptsionnoy-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-osuschestvlyaemoy-organami-prokuratury (дата обращения: 05.09.2026).

[7] Дьяконова, О. Г. Антикоррупционная

экспертиза. Экспертологический подход : монография / О. Г. Дьяконова. — Москва : Проспект, 2025. — 520 с.

[8] Магомедова, Р. М. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов в России. Особенности и проблемы : доклад на научном семинаре кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин, 22 апреля 2025 г. / Р. М. Магомедова // Официальный сайт Дагестанского государственного университета народного хозяйства. — URL: https://dgunh.ru/news/nauchnyi-seminar-kafedry-ugolovnogo-prava-i-gosudarstvenno-pravovyh-disciplin-11/ (дата обращения: 05.09.2026).

[9] Россинская, Е. Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики : монография / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. — Москва : НОРМА, 2025. — 160 с.

[10] Юлегина, Е. И. Антикоррупционная, правовая, криминологическая экспертиза нормативных правовых актов (сравнительный анализ) / Е. И. Юлегина // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 3 (31). — С. 10–18.

References:

[1] On the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (as amended on September 30, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1995. — No. 47. — Art. 4472.

[2] On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts: Federal Law No. 172-FZ of July 17, 2009 (as amended on September 30, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2009. — No. 29. — Art. 3609.

[3] On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts: Decree of the Government of the Russian Federation No. 96 of February 26, 2010 (as amended on April 20, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2010. — No. 10. — Art. 1084.

[4] Akunchenko, E. A. Taxonomic Coordinates of Anti-Corruption Expertise / E. A. Akunchenko // Russian Journal of Economics and Law. — 2025. — Vol. 19, No. 1. — pp. 110–125.

[5] Bakhtina, M. S. Administrative-Legal Foundations of Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts: Monograph / M. S. Bakhtina. — Moscow: Prospekt, 2025. — 176 p. [6] Gromakin, N. A. The Process of Forming the Concept of Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts, Conducted by the Prosecutor's Office Bodies of the Russian Federation / N. A. Gromakin // Legal Science (Yuridicheskaya Nauka). — 2025. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-formirovaniya-ponyatiya-antikorruptsionnoy-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-osuschestvlyaemoy-organami-prokuratury (accessed: 05.09.2026).

[7] Dyakonova, O. G. Anti-Corruption Expertise: An Expertological Approach : Monograph / O. G. Dyakonova. — Moscow : Prospekt, 2025. — 520 p.

[8] Magomedova, R. M. Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts in Russia: Features and Challenges : Presentation at a Scientific Seminar of the Department of Criminal Law and State-Legal Disciplines, April 22, 2025 / R. M. Magomedova // Official Website of the Dagestan State University of National Economy. — URL: https://dgunh.ru/news/nauchnyi-seminar-kafedry-ugolovnogo-prava-i-gosudarstvenno-pravovyh-disciplin-11/ (accessed: 05.09.2026).

[9] Rossinskaya, E. R. Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Drafts Thereof: Theoretical and Practical Issues : Monograph / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina. — Moscow : NORMA, 2025. — 160 p. [10] Yulegina, E. I. Anti-corruption, legal, and criminological expert assessment of regulatory legal acts (a comparative analysis) / E. I. Yulegina // Current Issues in Economics and Law. — 2014. — No. 3 (31). — pp. 10–18.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-45-48**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

АНИКЕЕВА Сусанна Эдуардовна,
магистрант 3 курса,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
e-mail: aleksanyan.3@yandex.ru

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые аспекты принципа добросовестности как одной из фундаментальных категорий современного гражданского права Российской Федерации. В настоящей статье изучается эволюция данного принципа, его правовая природа, а также соотношение объективного и субъективного критериев добросовестности. Особое внимание уделено сущностным характеристикам и внутреннему содержанию принципа до и после внесения изменений в гражданское законодательство и правоприменительную судебную практику. На основе анализа правовых подходов и правоприменительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, определены ключевые функции добросовестности в регулировании обязательственных правоотношений. Дано определение понятию эстопелля, определены его признаку и функции в процессе судопроизводства, установлено в каких ситуациях применение судами данного принципа необходимо для поддержания добросовестного поведения участников судебного производства.*

Ключевые слова: *гражданское право, принцип добросовестности, злоупотребление правом, эстоппель, преддоговорная ответственность, судебное усмотрение, участники гражданского оборота, правоотношения.*

ANIKEEVA Susanna Eduardovna,
3rd-year master's student,
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

THE CONCEPT, ESSENCE, AND CONTENT OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LEGAL RELATIONS

Annotation. *This article examines the theoretical and legal aspects of the principle of good faith as a fundamental category within the modern civil law of the Russian Federation. It explores the evolution of this principle, its legal nature, and the relationship between its objective and subjective criteria. Particular attention is devoted to the essential characteristics and internal content of the principle both before and after the amendments made to civil legislation and the evolution of judicial practice. Based on an analysis of the legal approaches and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, the key functions of good faith in the regulation of the law of obligations have been identified. The concept of «estoppel» is defined, its characteristics and functions within judicial proceedings are outlined, and the specific situations in which courts must apply this principle to uphold good-faith conduct among participants in legal proceedings are established.*

Key words: *civil law, principle of good faith, abuse of right, estoppel, pre-contractual liability, judicial discretion, participants in civil commerce, legal relations.*

В настоящее время гражданское законодательство подвержено частым и динамичным изменениям, в том числе изменением Гражданского кодекса РФ, нормативно закрепившим принцип добросовестности в качестве одного из важных принципов гражданского законодательства (закреплено в п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ). Закрепление указанного принципа необходимо для повышения уровня взаимного доверия его участников и ограничения эгоистических устремлений сторон. Добросовестность вы-

ступает в качестве регулятора, позволяющего судам обеспечивать справедливый баланс интересов.

Цель исследования настоящей научной статьи заключается в комплексном доктринальном и практическом анализе понятия, сущности и форм проявления принципа добросовестности в современных гражданских правоотношениях для выявления общих стандартов поведения, требуемых от участников оборота [7].

Субъективная добросовестность определяется как неосведомленность (и невозможность быть осведомленным) субъекта о фактах, которые лишают его действия правомерности. На примере законодательства можно выделить регулирование правоотношений с указанием добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), который не знал и не должен был знать, что приобретает имущество у лица, не имевшего права его отчуждать. Точно так же субъективный критерий применяется при расчете сроков приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ) [1].

Объективная добросовестность представляет собой модель поведения, основанная на честности, справедливости, учете прав и законных интересов контрагента. Именно объективная добросовестность закреплена в качестве принципа гражданского законодательства в п. 3 ст. 1 ГК РФ. Закон требует от участников оборота действовать справедливо, добросовестно, учитывая интересы своих процессуальных оппонентов при установлении, осуществлении и защите своих прав [5].

Практическое воплощение принципа добросовестности во многом связано с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 [11]. В данном документе судебной коллегией даны разъяснения для формирования правоприменительной практики при наличии схожих обстоятельств дела.

В соответствии с вышеуказанным постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации установлено, что при оценке поведения сторон судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующей ей, в том числе в получении необходимой информации. Недобросовестность в таком контексте трактуется как явное отклонение от поведения добросовестного и честного участника гражданских правоотношений [2].

Следует отметить, что важным шагом стало закрепление презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений: лицо считается действующим добросовестно, пока не доказано иное. Если из обстоятельств дела очевидно прослеживается злоупотребление правом или недобросовестное поведение одной из сторон, суд обязан вынести этот вопрос на обсуждение, даже если вторая сторона на это не ссылалась [10].

Если сущность добросовестности заключается в балансировании интересов, то её содержание раскрывается через конкретные институты обязательственного права. Развитие и изменение гражданского законодательства позволили в соответствии с нормами права закрепить принцип добросовестности. Наиболее ярко содержание принципа проявляется в двух доктринах: преддоговорной ответственности и запрете противоречивого поведения (эстоппель) [8].

Введение в ГК РФ статьи 434.1 законодательно закрепило обязанность сторон действовать добросовестно не только после подписания договора, но и на стадии его согласования. В соответствии с нормами законодательства, запрещено вступать в переговоры или продолжать их при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной договора [12]. Типичным нарушением является внезапное и неоправданное прекращение переговоров на стадии, когда у другой стороны уже сформировались позиции заключения сделки, были проведены переговоры, произведены денежные выплаты. В этом случае недобросовестная сторона обязана возместить контрагенту убытки (расходы на юристов, проведение экспертиз, упущенную выгоду от потери других альтернативных предложений) [6].

Рассматривая вопрос добросовестности, также необходимо рассмотреть такое процессуальное понятие, как «эстоппель» - то есть запрет противоречивого поведения как в преддоговорных правоотношениях, так и непосредственно в процессе судебного производства. Эстоппель представляет собой классическое проявление принципа объективной добросовестности, запрещающее лицу отрицать ранее заявленные им факты или собственное поведение, если контрагент

добросовестно на них положился. В российском праве этот принцип прямо выражен в п. 5 ст. 166 ГК РФ (запрет оспаривать сделку для стороны, которая ранее вела себя так, будто сделка действительна) и п. 4 ст. 450.1 ГК РФ (запрет на отказ от договора, если сторона подтвердила его силу). Суды активно пресекают поведение лиц, участвующих в деле, которые активно препятствуют судебному производству, часто меняют правовую позицию относительно спора, представляют заведомо недостоверные сведения, вводят суд и других лиц, участвующих в деле, в заблуждение относительно тех или иных обстоятельств.

Проведя исследование научных источников и актуальной судебной практики, можно сделать следующие выводы относительно добросовестности при гражданских правоотношениях [3]: В современном гражданском законодательстве разграничиваются две сущности добросовестности: субъективная (как психологический критерий неосведомленности лица о юридических препятствиях) и объективный (как установленная модель правил поведения в гражданских правоотношениях). В качестве общего, фундаментального принципа гражданского права выступает именно объективная добросовестность. Сущность принципа добросовестности заключается в его роли, зачастую, добросовестность выступает в роли принципа, позволяющего субъектам правоотношений и судам пресекать злоупотребление субъективными правами и обеспечивать справедливое распределение рисков между участниками оборота. При этом ключевым моментом данной роли является конечный контроль судебных органов[4]. Содержание принципа добросовестности раскрывается через систему конкретных обязанностей в гражданском праве. Оно сопровождает участников отношений на всех стадиях гражданского оборота: от стадии преддоговорных обсуждений и переговоров до исполнения обязательств и последующего разрешения споров в судебном порядке [9].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что реформа гражданского законодательства и последующие разъяснения высших судебных инстанций успешно преобразовали принцип добросовестности из сугубо декларативной этической нормы в реально действующий, эффективный инструмент защиты нарушенных прав, и систематизации и урегулирования российского гражданского процесса.

Список литературы:

[1] Автомонова М.В., Казановская Ю.А., Минина А.А. Принцип добросовестности в гражданско-правовом регулировании // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). С. 441-443.

[2] Вердиян Г.В. Место и роль принципа добросовестности в гражданских правоотношениях в условиях реформирования гражданского кодексароссийской федерации // Образование и право. 2013. №11. С. 137-146.

[3] Воропаев В.П. Особенности эстоппеля в гражданском и арбитражном процессе // Скиф. 2021. №12 (64). С. 147-151.

[4] Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // LegalConcept. 2013. №3. С. 51-55.

[5] Егоров С.С. Способы реализации принципа добросовестности участников гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2025. №3. С. 397-399.

[6] Закабуня Ф.Р. Понятие принципа добросовестности в российском гражданском праве // Юридическая наука. 2023. №9. С. 108-112.

[7] Закабуня Ф.Р. Соотношение принципа добросовестности с принципом свободы договора и злоупотребления правом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №3. С. 113-116.

[8] Ивкова А.В., Кротова Е.С. Некоторые особенности применения доктрины «эстоппель» в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Вестник КГУ. 2019. №3. С. 167-171.

[9] Кузнецов А.Б.Принципы гражданского права Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. №4-2 (127).

[10] Парфенова О.А. Процессуальный эстоппель как превентивная мера в гражданском судопроизводстве России // Право и государство: теория и практика. 2024. №6 (234).

[11] Шаманин Н.С., Масалимова А.А. К вопросу о принципе добросовестности во взаимосвязи с эстоппелем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №5-3 (92). С. 140-144.

[12] Шелепина Е. А. Принцип добросовестности в отдельных видах гражданских правоотношений // Образование и право.

2016. №11. С. 201-211.

References:

[1] Avtomonova M.V., Kazanovskaya Yu.A., Minina A.A. The Principle of Good Faith in Civil Law Regulation // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 12 (240). pp. 441–443.

[2] Verdiyan G.V. The Place and Role of the Principle of Good Faith in Civil Legal Relations in the Context of the Reform of the Civil Code of the Russian Federation // Education and Law. 2013. No. 11. pp. 137–146.

[3] Voropaev V.P. Specifics of Estoppel in Civil and Arbitration Proceedings // Skif. 2021. No. 12 (64). pp. 147–151.

[4] Deryugina T.V. Good Faith of Participants in Civil Legal Relations as a Limit and Principle of Law // LegalConcept. 2013. No. 3. pp. 51–55.

[5] Egorov S.S. Methods of Implementing the Principle of Good Faith for Participants in Civil Legal Relations // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 397–399.

[6] Zakabunya F.R. The Concept of the Principle of Good Faith in Russian Civil Law // Legal Science. 2023. No. 9. pp. 108–112.

[7] Zakabunya F.R. The Relationship Between the Principle of Good Faith, the Principle of Freedom of Contract, and the Abuse of Rights // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024. No. 3. pp. 113–116.

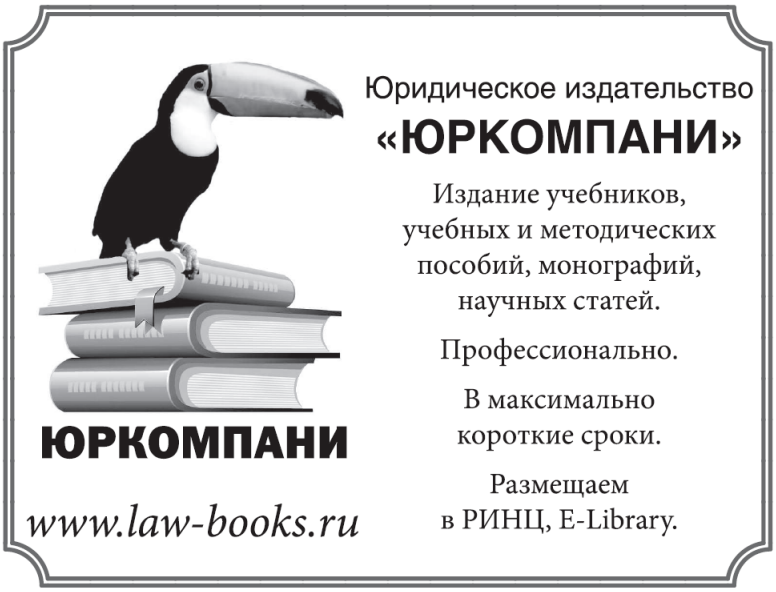
[8] Ivkova A.V., Krotova E.S. Certain Aspects of the Application of the «Estoppel» Doctrine in Civil Litigation in the Russian Federation // Vestnik KGU. 2019. No. 3. pp. 167–171.

[9] Kuznetsov A.B. Principles of Civil Law of the Russian Federation // Vestnik Magistratury. 2022. No. 4-2 (127).

[10] Parfenova O.A. Procedural Estoppel as a Preventive Measure in Russian Civil Litigation // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 6 (234).

[11] Shamanin N.S., Masalimova A.A. On the Principle of Good Faith in Relation to Estoppel // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 5-3 (92). pp. 140–144.

[12] Shelepina E.A. The Principle of Good Faith in Specific Types of Civil Legal Relations // Education and Law. 2016. No. 11. pp. 201–211.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-49-53**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

КОРОБОВ Илья Андреевич,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

Научный руководитель:
МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: alexmin@bk.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. *Исследуются тенденции развития публично-правового механизма обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике. Обосновывается переход от формального подтверждения соответствия к управляемой киберустойчивости, при которой правовая обязанность связывается с измеримым результатом и проверяемым доказательством. На основе словацких стратегических и методических документов, материалов государственного контроля и постинцидентных обзоров раскрывается замкнутый цикл управления: обязанность, показатель, доказательство, контроль, корректирующее решение и повторная проверка. Предлагаются требования к плану реализации государственной стратегии и минимальный порядок действий для частной организации.*

Ключевые слова: *Словакия, информационная безопасность, киберустойчивость, публичное управление, управление риском, аудит, киберинцидент, малое и среднее предпринимательство.*

KOROBOV Ilya Andreevich,
Candidate of Legal Sciences degree applicant,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Academic Supervisor:
MINBALEEV Alexey Vladimirovich,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE PUBLIC-LAW INFORMATION SECURITY MECHANISM IN THE SLOVAK REPUBLIC

Annotation. *The article examines trends in the development of the public-law information security mechanism in the Slovak Republic. It substantiates a transition from formal compliance to managed cyber resilience, in which a legal duty is linked to a measurable outcome and verifiable evidence. Slovak strategic and methodological documents, public*

audit findings, and post-incident reviews are used to formulate a closed governance cycle consisting of duty, indicator, evidence, control, corrective decision, and repeated verification. Requirements for a public strategy implementation plan and a minimum action sequence for private organisations are proposed.

Key words: *Slovakia, information security, cyber resilience, public administration, risk management, audit, cyber incident, small and medium-sized enterprises.*

Развитие публично-правового механизма обеспечения информационной безопасности в Словацкой Республике определяется не количеством принятых актов, а способностью государства и регулируемых субъектов поддерживать общественно значимые функции при инциденте. Национальная стратегия кибербезопасности на 2026–2030 годы связывает защиту киберпространства с устойчивостью публичных услуг, поддержкой малых и средних предприятий, развитием компетенций и международным взаимодействием [1, с. 18–25, 33–36]. Из этого следует критерий правовой результативности: обязанность исполнена не тогда, когда утверждён очередной документ, а когда субъект может обнаружить нарушение, ограничить его последствия, восстановить услугу и подтвердить устранение причины.

Стратегический документ задаёт направление, но не определяет сам по себе исполнителя, срок, ресурс и способ проверки. Поэтому первой тенденцией становится переход от декларативной цели к измеримому плану. В словацких материалах цифровой политики используются показатели, относящиеся к работе центров мониторинга безопасности, команд реагирования на компьютерные инциденты, непрерывности деятельности и учениям [1, с. 33]. Для правового контроля показатель полезен лишь при наличии исходного и целевого значения, ответственного органа, источника данных и порядка независимой проверки. Число совещаний или закупленных средств отражает действие, но не доказывает готовность восстановить государственную услугу в установленный срок.

Для правовой оценки следует различать мероприятие, меру защиты, доказательство и результат. Их смешение создаёт формальное соответствие: наличие политики выдаётся за защищённость, а поставка оборудования — за устойчивость. Минимальная структура государственного плана должна включать исполнителя, срок, ресурс, показатель результата, источник доказательств, проверяющий орган и последствия невыполнения. Изменение срока или показателя требует мотивированного решения.

Второй тенденцией является замена разовой оценки непрерывным управлением риском. Методика Национального управления безопасности Словацкой Республики предлагает двигаться от активов и процессов к угрозам, уязвимостям, сценариям и последствиям, а затем выбирать способ обращения с риском: его снижение, избегание, перенос либо принятие в допустимых пределах [3, с. 4–7, 20–21, 30–36]. Юридически значим не общий вывод о возможности кибератаки, а связь между конкретной услугой, сценарием нарушения, выбранной мерой, владельцем риска и остаточным риском. Назначение владельца не освобождает руководство от утверждения допустимого уровня риска и предоставления необходимых ресурсов.

Третья тенденция выражается в доказательном характере аудита. Словацкая методика аудита требует основывать вывод о соответствии или несоответствии на проверяемых записях и фактических сведениях [4, с. 4–9, 16–18]. Поэтому утверждённый регламент должен дополняться журналом событий, результатом восстановления резервной копии, протоколом тестирования, подтверждением устранения уязвимости и повторной проверкой. Государственный контроль в таком случае отвечает не на вопрос, имеется ли документ, а на вопрос, работает ли предусмотренная им мера в отношении установленного риска. Аудит, который заканчивается перечнем замечаний без владельцев, сроков и последующей проверки, не замыкает управленческий цикл.

Выводы Высшего контрольного управления Словацкой Республики о национальной системе управления киберинцидентами показывают: формальное распределение компетенции ещё не обеспечивает согласованного реагирования [5, с. 4–10]. Выявленное отклонение должно изменять план, бюджет, конфигурацию системы либо порядок взаимодействия. Иначе сведения о риске превра-

щаются в архивную отчётность.

Четвёртая тенденция связана с проверкой готовности посредством учений. Цель «повысить готовность» непригодна для оценки. Проверяемая цель должна устанавливать, способен ли орган за заданное время определить масштаб события, назначить руководителя реагирования, уведомить компетентные органы, сохранить доказательства и восстановить приоритетную услугу. Методика Агентства Европейского союза по кибербезопасности разделяет планирование, проведение и оценку учения и требует переводить выявленные недостатки в последующие действия [6, с. 36–50, 52–66]. Публично-правовая оценка охватывает не только технический успех: решение об изоляции системы должно быть принято уполномоченным лицом, учитывать последствия ограничения услуги и фиксироваться так, чтобы его можно было проверить.

Практическое значение подхода видно на примере словацкого кадастра. Государственный контроль установил множественность используемых систем, устаревание части решений и отсутствие единой завершённой платформы. Эти сведения не доказывают способ атаки 2025 года, но показывают среду зависимостей, затрудняющую восстановление. Заключённый после инцидента договор связывает приёмку с испытаниями, требует проверять известные уязвимости, покрытие исходного кода тестами и результаты статического анализа [7, с. 2, 5–6, 10; 8, с. 4, 7, 16–20, 29, 34]. Результат закупки определяется возможностью заказчика проверить безопасность решения, а не передачей оборудования.

Постинцидентные материалы подтверждают системный характер ущерба. Обзор атаки Conti на ирландскую службу здравоохранения установил длительное присутствие нарушителя, компрометацию привилегированных учётных записей и запоздалую централизованную реакцию [9, с. 34, 55–59, 99–103, 115–130]. При атаке WannaCry предупреждения и обновления существовали, но их установку не подтверждали, а национальный план не был проверен на местном уровне [10, с. 8, 11–12, 18–21, 26–27]. В обоих случаях кризис возник из совокупности организационных и технических зависимостей.

Правовая оценка мер безопасности также не допускает автоматической ответственности за сам факт успешной атаки. Суд Европейского союза в деле C-340/21 указал, что несанкционированный доступ третьих лиц сам по себе не доказывает ненадлежащий характер технических и организационных мер; суд должен оценить их содержание и достаточность с учётом обстоятельств конкретного случая [11, пп. 29–60; с. 10–14, 18]. Этот вывод усиливает значение доказательств: организация обязана показать, какой риск она учитывала, почему выбрала соответствующую меру, как проверяла её действие и что изменила после инцидента.

Предлагается замкнутый цикл публичного управления: обязанность — показатель — доказательство — контроль — корректирующее решение — повторная проверка. Обязанность определяет защищаемую функцию; показатель переводит её в проверяемое состояние; доказательство подтверждает исполнение; контроль выявляет отклонение; решение назначает действие, владельца и срок; повторная проверка устанавливает устранение причины. Показатель без надёжных данных, доказательство без критерия и решение без повторной проверки не подтверждают киберустойчивость.

Для государственного органа этот цикл начинается с перечня критичных публичных функций и допустимого времени их недоступности. Затем функции связываются с системами, данными, помещениями, персоналом и поставщиками; назначаются владельцы рисков; устанавливаются показатели; планы проверяются техническими и управленческими учениями; результаты инцидентов переводятся в корректирующие меры. Для частной организации порядок может быть пропорциональным масштабу деятельности: определить услуги и обрабатываемые сведения, установить применимые правовые режимы, вести минимальный реестр активов и поставщиков, ограничить административные права, обеспечить обновления и проверяемое резервирование, подготовить порядок реагирования и провести учебную проверку. Рекомендации ENISA для малых и средних предприятий подтверждают необходимость учитывать безопасность уже на этапе проектирования и проверять её на протяжении жизненного цикла решения [12, с. 11–17, 37–48, 62–70].

Таким образом, основная тенденция развития словацкого механизма состоит в переходе от статического соответствия

к управляемой киберустойчивости. Итоговым показателем служит не отсутствие зарегистрированных инцидентов, которое может объясняться слабым обнаружением, а способность своевременно выявить событие, правомерно ограничить последствия, сохранить доказательства, восстановить услугу и подтвердить устранение системной причины. Предложенный цикл применим к государственному управлению и к бизнесу, но объём мер должен зависеть от критичности функции, состава данных, возможного ущерба и роли субъекта в цепочке поставок.

Список литературы:

[1] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR. Nбrodnб stratйgia kybernetickej bezpečnosti na roky 2026 až 2030 [Национальная стратегия кибербезопасности на 2026–2030 годы]. 2026. URL: https://rokovania.gov.sk/download.dat?id=B542933D7DD04DB4B207556CA58C0B5D-4C1B546C830E76AB26453C5603555AEB (дата обращения: 03.10.2026).

[2] Ministerstvo investнcin, regionбlneho rozvoja a informatizбcie SR. Kľъčovй vəkonnostnй indikбtory digitбlnej transformбcie a kybernetickej bezpečnosti [Ключевые показатели цифровой трансформации и кибербезопасности]. 2025. URL: https://mirri.gov.sk/wp-content/uploads/2025/12/Klucove-vykonnostne-indikatory.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[3] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR. Metodika analəzy rizнk kybernetickej bezpečnosti. Verzia 2.0 [Методика анализа рисков кибербезопасности. Версия 2.0]. 2025. URL: https://www.nbu.gov.sk/data/att/3446.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[4] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR. Metodika auditu kybernetickej bezpečnosti. Verzia 3.0 [Методика аудита кибербезопасности. Версия 3.0]. 2023. URL: https://www.nbu.gov.sk/data/att/2787.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[5] Najvуľљn kontrolnə ъrad SR. Nбrodnə systйm riadenia incidentov kybernetickej bezpečnosti vo verejnej sprбve [Национальная система управления инцидентами кибербезопасности в публичном управлении]. 2023. URL: https://www.nku.gov.sk/documents/33855/590548/b8dabcf8-7393-4f30-a966-d925670fc667.pdf/0e48bf0e-28b0-3f8f-70d6-0a70c7a6eeb3?t=1699827181632 (дата обращения: 03.10.2026).

[6] ENISA. The ENISA Cybersecurity Exercise Methodology [Методика проведения учений по кибербезопасности]. 2026. URL: https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2026-02/The%20ENISA%20Cybersecurity%20Exercise%20Methodology.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[7] Najvуľљn kontrolnə ъrad SR. Vklady do katastra nehnuteľnostн [Внесение записей в кадастр недвижимости]. 2025. URL: https://www.nku.gov.sk/documents/d/nku/vklady-do-katastra-nehnutelnosti-pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[8] Ъrad geodйzie, kartografie a katastra SR. Zmluva o dielo a poskytnutн sъvisiacich služieb č. 1-500-0031-2025 [Договор на проектирование и внедрение решения для предупреждения повторения кибератаки]. 2025. URL: https://www.crz.gov.sk/data/att/6042365.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[9] Health Service Executive; PwC. Conti Cyber Attack on the HSE: Independent Post Incident Review [Кибератака Conti на HSE: независимый постинцидентный обзор]. 2021. URL: https://about.hse.ie/api/v2/download-file/file_based_publications/conti_cyber_attack_on_the_hse_full_report.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[10] National Audit Office. Investigation: WannaCry Cyber Attack and the NHS [Расследование кибератаки WannaCry и Национальной службы здравоохранения]. 2018. URL: https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/Investigation-WannaCry-cyber-attack-and-the-NHS.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[11] Court of Justice of the European Union. Judgment of 14 December 2023, C-340/21, Natsionalna agentsia za prihodite [Суд Европейского союза. Решение от 14 декабря 2023 г. по делу C-340/21]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62021CJ0340 (дата обращения: 03.10.2026).

[12] ENISA. Secure by Design and Default Playbook for SMEs [Практическое руководство по безопасности на этапе проектирования и по умолчанию для малых и средних предприятий]. 2026. URL: https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2026-07/ENISA_Secure_By_Design_and_Default_Playbook_v1.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

References:

[1] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR.

Nбrodnб stratйgia kybernetickej bezpečnosti na roky 2026 až 2030 [National Cyber Security Strategy for 2026–2030]. 2026. URL: https://rokovania.gov.sk/download.dat?id=B542933D7DD04DB4B207556CA58C0B5D-4C1B546C830E76AB26453C5603555AEB (access date: 10/03/2026).

[2] Ministerstvo investнcin, regionбlneho rozvoja a informatizбcie SR. Key indicators of digital transformation and cybersecurity]. 2025. URL: https://mirri.gov.sk/wp-content/uploads/2025/12/Klucove-vykonnostne-indikatory.pdf (access date: 10/03/2026).

[3] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR. Metodika analəzy rizнk kybernetickej bezpečnosti. Verzia 2.0 [Methodology for analyzing cybersecurity risks. Version 2.0]. 2025. URL: https://www.nbu.gov.sk/data/att/3446.pdf (access date: 10/03/2026).

[4] Nбrodnə bezpečnostnə ъrad SR. Metodika auditu kybernetickej bezpečnosti. Verzia 3.0 [Cybersecurity audit methodology. Version 3.0]. 2023. URL: https://www.nbu.gov.sk/data/att/2787.pdf (accessed: 03.10.2026).

[5] Supreme Audit Office of the Slovak Republic. National Cybersecurity Incident Management System in Public Administration. 2023. URL: https://www.nku.gov.sk/documents/33855/590548/b8dabcf8-7393-4f30-a966-d925670fc667.pdf/0e48bf0e-28b0-3f8f-70d6-0a70c7a6eeb3?t=1699827181632 (accessed: 03.10.2026).

[6] ENISA. The ENISA Cybersecurity Exercise Methodology. 2026. URL: https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2026-02/The%20ENISA%20Cybersecurity%20Exercise%20Methodology.pdf (accessed: 03.10.2026).

[7] Supreme Audit Office of the Slovak Republic. Entries in the Real Estate Cadastre. 2025. URL: https://www.nku.gov.sk/documents/d/nku/vklady-do-katastra-nehnutelnosti-pdf (accessed: 03.10.2026).

[8] Office of Geodesy, Cartography and Cadastre of the Slovak Republic. Contract for Work and Provision of Related Services No. 1-500-0031-2025 [Contract for the design and implementation of a solution to prevent the recurrence of a cyberattack]. 2025. URL: https://www.crz.gov.sk/data/att/6042365.pdf (accessed: 03.10.2026).

[9] Health Service Executive; PwC. Conti Cyber Attack on the HSE: Independent Post Incident Review. 2021. URL: https://about.hse.ie/api/v2/download-file/file_based_publications/conti_cyber_attack_on_the_hse_full_report.pdf (accessed: 03.10.2026).

[10] National Audit Office. Investigation: WannaCry Cyber Attack and the NHS. 2018. URL: https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/Investigation-WannaCry-cyber-attack-and-the-NHS.pdf (accessed: 03.10.2026).

[11] Court of Justice of the European Union. Judgment of 14 December 2023, C-340/21, Natsionalna agentsia za prihodite. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62021CJ0340 (accessed: 03.10.2026).

[12] ENISA. Secure by Design and Default Playbook for SMEs. 2026. URL: https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2026-07/ENISA_Secure_By_Design_and_Default_Playbook_v1.pdf (accessed: 03.10.2026).

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-54-59**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

НОСКОВА Елизавета Юрьевна,
студентка Северо-Западного филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7-911-791-50-31,
e-mail: elizabeth_noskova@mail.ru

Научный руководитель:
ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7 (911) 129-60-26,
e-mail: voitovich@ya.ru

КОМПЕТЕНЦИЯ СУДОВ НА РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ПРЕКРАЩЕНИИ БРАКА: АНАЛИЗ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. *В статье исследуется развитие правового регулирования компетенции судов по делам о прекращении брака в российском праве. Рассматриваются исторические изменения соотношения судебного и регистрационного порядка расторжения брака, становление правил родовой и территориальной подсудности, особенности распределения бракоразводных дел между мировыми судьями и районными судами. Анализируются взаимосвязь семейного и гражданского процессуального законодательства, влияние соединения требований на определение компетентного суда. На основе историко-правового и формально-юридического методов выявляется переход от преимущественно регистрационных и усложненных судебных процедур к дифференцированной модели защиты семейных прав.*

Ключевые слова: *прекращение брака, расторжение брака, компетенция суда, подсудность, мировой судья, районный суд, история процессуального законодательства.*

NOSKOVA Elizaveta Yuryevna,
Student, North-Western Branch of the Russian
State University of Justice (named after V.M. Lebedev),
St. Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
VOITOVICH Liliya Vladimirovna,
Head of the Department of Civil Procedural Law,
North-Western Branch of the Russian State University of Justice
(named after V.M. Lebedev); Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, St. Petersburg, Russia

JURISDICTION OF COURTS OVER CASES CONCERNING THE DISSOLUTION OF MARRIAGE: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION

Annotation. *This article examines the evolution of legal regulation regarding court competence in cases concerning the termination of marriage within the Russian legal system. It analyzes historical shifts in the balance between judicial and administrative (registration-based) procedures for divorce, the development of rules governing subject-matter and territorial jurisdiction, and the specific allocation of divorce cases between magistrates and district courts. The article explores the interplay between family law and civil procedural legislation, as well as the impact of the joinder of claims on the determination of the competent court. Utilizing historical-legal and formal-legal methods, the study identifies a transition from predominantly administrative and complex judicial procedures toward a differentiated model for the protection of family rights.*

Key words: *termination of marriage, divorce, court competence, civil proceedings, jurisdiction, magistrate, district court, family disputes, history of procedural legislation.*

Разграничение полномочий между ЗАГСами, мировыми судьями и районными судами по делам о расторжении брака – это результат долгой эволюции отечественного права. Сегодня доступность правосудия напрямую зависит от того, насколько четко выстроена эта система.

Актуальность исследования обусловлена сочетанием устойчивости основных правил расторжения брака с изменением процессуальной организации их применения. Чтобы оценить внутреннюю согласованность действующей модели, необходимо изучить ее в исторической ретроспективе. Данное исследование направлено на выявление закономерностей этой эволюции с использованием историко-правового и системного методов.

Современная компетенция судов в данном случае будет рассматриваться как результат длительного развития юридических механизмов изменения семейного статуса.

Исходным условием анализа является разграничение понятий «прекращение брака» и «расторжение брака». Согласно статье 16 Семейного кодекса Российской Федерации «Брак прекращается вследствие смерти или вследствие объявления судом одного из супругов умершим, а также вследствие внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов». Следовательно, прекращение брака является более широким понятием, чем расторжение брака.

При смерти супруга отдельное решение суда о прекращении брака не требуется. Объявлении физического лица умершим осуществляется судом в случаях и на условиях, определенных в статье 45 ГК РФ в порядке, предусмотренном ГПК РФ. Если супруг объявляется умершим, суд рассматривает соответствующее дело в порядке особого производства, но предметом судебного решения выступает не расторжение брака, а установление предусмотренного законом основания изменения правового статуса гражданина. При объявлении супруга умершим по решению суда брак прекращается со дня вступления решения суда в законную силу [1, с. 113].

Разграничение понятий имеет непосредственное процессуальное значение. Дела об объявлении гражданина умершим и дела о расторжении брака различаются предметом, составом участников, порядком рассмотрения и юридическими последствиями. Расторжение брака и признание его недействительным не отождествляются. Признание брака недействительным представляет собой самостоятельный способ защиты из-за нарушений условий заключения брака. В нашем исследовании особое внимание уделяется непосредственно компетенции судов по делам о расторжении брака с учетом содержания института прекращения брака. Нормативную основу такого разграничения составляет глава 4 Семейного кодекса Российской Федерации.

«Структуру системы судебной компетенции составляют важные процессуальные механизмы, которые регулируют критерии разграничения видов цивилистического судопроизводства; виды подсудности внутри судопроизводственных процедур; основания и полномочия суда по реагированию на нарушения правил судебной компетенции» [2, с. 324].

Подсудность, в свою очередь, определяет распределе, с. ние дел внутри судебной системы. Разграничение судебного и регистрационного порядка расторжения брака характеризует выбор формы юридической защиты, распределение дел между мировыми судьями и районными судами относится к родовой подсудности, а определение суда

по месту жительства истца или ответчика – к территориальной подсудности.

Формирование современной модели началось с нормативных преобразований 1917-1918 годов. Декрет «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 года закрепил возможность прекращения брака по просьбе обоих супругов либо одного из них. Заявление по общему правилу подавалось в местный суд, а при взаимном согласии допускалось непосредственное обращение в отдел записей браков. Уже на данном этапе сформировалось сочетание судебного и регистрационного способов оформления расторжения брака. Судебное участие не было обусловлено обязательным установлением виновного поведения супруга, юридическое значение в данном случае приобретало волеизъявление о прекращении брачных отношений. Указанные положения непосредственно отражены в тексте декрета 1917 года.

Кодификация семейного законодательства 1918 года развивала первоначальную модель разграничения полномочий. Процедура расторжения брака складывалась во взаимодействии семейно-правовых норм с правилами судопроизводства, суд не только разрешал разногласия сторон и оформлял изменение личного правового статуса. По прошествии времени сочетание материально-правового и процессуального регулирования сохранилось, но соотношение судебной и регистрационной компетенции существенно менялось.

В научной литературе показано, что «анализ положений, регулирующих подведомственность и подсудность в ГПК РСФСФ 1923 г. [8] отражает преемственность позиций, сформированных в УГС 1864 г. [9]».

«В целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнения супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей» ВЦИК ввел в действие Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР [3]. Кодекс 1926 года предусмотрел регистрационный порядок расторжения брака при взаимном согласии и по заявлению одного супруга. Судебное рассмотрение самого требования о расторжении брака перестало выступать необходимой процедурой. Вместе с тем споры об имущественных правах и содержании членов семьи сохраняли самостоятельное значение и могли требовать судебной защиты.

Таким образом, изменение брачного статуса и разрешение связанных с ним конфликтов были организационно разделены. С процессуальной точки зрения регистрационная модель демонстрировала возможность оформления расторжения брака без предварительного разрешения всех его последствий.

В 1944 году был установлен обязательный судебный порядок расторжения брака и введена двухступенчатая процедура.

В советский период государство считало возможным вмешательство в дела семьи: с целью сохранения семьи принимал меры к примирению и назначал для этого срок во всех без исключения случаях [4, с. 52].

На первоначальной стадии народный суд выяснял обстоятельства дела и принимал меры к примирению супругов. При отсутствии примирения рассмотрение вопроса о расторжении брака по существу осуществлялось вышестоящим судом. Компетенция распределялась между судебными звеньями посредством последовательного прохождения разных стадий производства. Для цивилистического процесса такая конструкция означала усложнение доступа к итоговому решению.

Указ от 10 декабря 1965 года устранил двухступенчатое рассмотрение бракоразводных дел и передал разрешение вопроса о расторжении брака районным народным судам. Полномочия по исследованию обстоятельств, применению примирительных мер и вынесению итогового решения сосредоточились в одном суде первой инстанции. Судебная процедура стала более последовательной, для участников распределение компетенции оказалась предельно понятной.

В этот период на территории отечественного государства действовал ГПК РСФСР 1964 г. [10] «В ГПК РСФСР 1964 г. нормативные предписания, регулирующие подведомственность и подсудность получат свое дальнейшее совершенствование, согласно традициям, заложенным в предшествующих отечественных нормативных правовых актах» [5].

Основы законодательства о браке и семье 1968 года и Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года восстановили дифференцированную модель. Верховный Совет СССР при-

нял компромиссное решение, предусмотрев двойную процедуру расторжения брака. В одних случаях – через органы ЗАГС, в других – через суд. При взаимном согласии супругов, не имевших общих несовершеннолетних детей, допускалось расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в иных предусмотренных законом случаях применялся судебный порядок. Судебное разбирательство осуществлялось во взаимодействии норм семейного законодательства и Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 года. Семейные нормы определяли основания расторжения брака и связанные с ним вопросы, процессуальные нормы обеспечивали порядок обращения в суд, доказывания, рассмотрения дела и проверки судебного решения.

Особенностью прежнего регулирования являлась зависимость момента прекращения брака от регистрации расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния даже после вынесения судебного решения. Судебный акт и окончательное изменение семейного статуса не совпадали по времени. Такая конструкция сохраняла самостоятельное значение регистрационного действия и могла приводить к продолжительному расхождению между судебным разрешением дела и юридическим оформлением его последствий.

После распада СССР и в связи с изменением социально-политического устройства государства и переходом к рыночной экономике возникла необходимость обновления брачно-семейного законодательства.

Семейный кодекс Российской Федерации был введен в действие с 1 марта 1996 года, в нем был закреплен совершенно иной подход. По статье 25 СК РФ брак, расторгаемый в судебном порядке, прекращается со дня вступления решения суда в законную силу. При этом переходные положения статьи 169 СК РФ связывают применение нового правила с расторжением брака в суде после 1 мая 1996 года. Прекращение брака в данном случае перестало зависеть от последующего обращения бывших супругов за регистрацией расторжения брака, государственная регистрация сохраняет предусмотренное законом значение, указанное изменение усилило правопреобразующее значение судебного решения.

Следующий этап связан с формированием института мировых судей и принятием ГПК РФ [11]. Процедура расторжения брака в судебном порядке регламентирована нормами СК РФ и ГПК РФ. Ст. 21 СК РФ предусмотрены случаи, при которых брак между супругами подлежит расторжению в судебном порядке: наличие общих несовершеннолетних детей; отсутствие согласия на расторжение брака одного из супругов; уклонение одного из супругов от расторжения брака в органах ЗАГС, несмотря на отсутствие у него возражений (например, отказывается подать заявление) [6, с. 55].

В действующей модели мировой судья рассматривает дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях. Районный суд разрешает дела, не отнесенные законом к компетенции мирового судьи (бракоразводные дела, соединенные с требованиями, подлежащими рассмотрению районным судом). Основной критерий разграничения закреплен в пункте 2 части 1 статьи 23 ГПК РФ.

Применительно к территориальной подсудности к делам о расторжении брака применяются правила таких ее разновидностей, как общая, альтернативная и договорная подсудности. Правила первой исходят из того, что иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика [7, с. 132].

Территориальная подсудность имеет самостоятельное значение для доступности судебной защиты. По общему правилу статьи 28 ГПК РФ иск предъявляется по месту жительства ответчика. Вместе с тем часть 4 статьи 29 ГПК РФ допускает предъявление иска о расторжении брака по месту жительства истца, если при нем находится несовершеннолетний ребенок либо по состоянию здоровья выезд к месту жительства ответчика затруднителен. Данная норма снижает организационные препятствия к обращению в суд.

При ретроспективном анализе обнаружено изменение роли примирения. Современное право допускает принятие мер к примирению при отсутствии согласия одного из супругов и предоставление срока в пределах трех месяцев. Примирительная функция не означает возможности бессрочно сохранять брак вопреки устойчивому волеизъявлению супруга. При взаимном согласии в случаях, предусмотренных статьей 23 СК РФ, суд расторгает брак без выяснения мотивов расторжения брака. Таким образом, объем исследования обстоятельств зависит от нали-

чия разногласий и необходимости защиты связанных прав, т.е. судебная компетенция реализуется дифференцированно.

Наконец, защита несовершеннолетнего ограничивает возможность рассматривать бракоразводное дело исключительно как частный спор супругов. По делам, связанным с воспитанием детей, предусмотрено участие органа опеки и попечительства; мнение ребенка учитывается в соответствии с требованиями семейного законодательства. Их применение обусловливается предметом разрешаемых вопросов.

Приходим к выводам, анализ истории показывает, правила расторжения брака в России никогда не развивались линейно. Государство постоянно искало баланс, чередовало регистрационный, судебный и смешанный подходы. В разные эпохи менялось все: от самих поводов для развода до роли конкретных судов и юридической силы их решений. Главный итог исследования в том, что компетенция судов в семейных делах – это сложная, многоуровневая система, которую невозможно описать одной жесткой схемой.

Совершенствование регулирования, по нашему мнению, целесообразно направить на обеспечение более ясного согласования статьи 24 СК РФ с правилами подсудности и соединения требований. Для правоприменения особенно важны единообразные ориентиры относительно действий мирового судьи при выявлении связанных вопросов, относящихся к компетенции районного суда. Передача дела должна обеспечивать полноту судебной защиты, но не превращаться в формальное средство затягивания разбирательства. Раздельное рассмотрение требований следует применять тогда, когда оно действительно способствует своевременности и не создает риска несогласованных решений.

Развивать специализацию судей по семейным делам можно в рамках действующей судебной системы, не менять ее структуру. Дополнительное значение имеет понятное информирование граждан о выборе суда и о последствиях соединения расторжения брака с алиментными, имущественными и родительскими требованиями.

Что касается примирительных процедур, то их главными критериями должны оставаться добровольность и безопасность участников.

В заключение отметим, компетенция суда в семейных спорах должна быть гибкой, но точной. Главная задача – защитить права людей без лишней бюрократии. Ретроспективный анализ доказал, что эффективность суда зависит от четкого разделения полномочий и согласованности законов.

Список литературы:

[1] Васенкина В. В. Некоторые аспекты расторжения брака в судебном порядке / В. В. Васенкина // Закон. Право. Государство. 2023. № 2(38). С. 113-114.

[2] Войтович Л. В. Система судебной компетенции в современном цивилистическом судопроизводстве: вызовы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 7. С. 321-324.

[3] Кощеев А. В. Расторжение брака по советскому законодательству // Вестник ВятГУ. 2010. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-braka-po-sovetskomu-zakonodatelstvu-1 (дата обращения: 11.10.2026).

[4] Измайлов В. В. Расторжение брака в судебном порядке: теория и практика применения / В. В. Измайлов // Российское правосудие. 2018. № 5(145). С. 50-56.

[5] Войтович Л. В. Общие закономерности представлений о подведомственности и подсудности по ГПК РСФСР 1964 г.: ретроспективный и перспективный аспект // Право и государство: теория и практика. 2026. № 4. С. 304-307.

[6] Бондарь Е. О. Особенности судебного рассмотрения дел о расторжении брака в Российской Федерации / Е. О. Бондарь, С. В. Изутина, И. В. Тюрин // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 54-59.

[7] Левушкин А. Н. Сущность, особенности и порядок судебного разбирательства дел о расторжении брака / А. Н. Левушкин // Власть Закона. 2012. № 1(9). С. 124-141.

[8] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478. Документ утратил силу в связи с изданием указа Президиума ВС РСФСР от 16.12.1964.

[9] Россия, Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства. 1864. VII, 165, 33 с.

[10] Гражданский процессуальный ко-

декс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. Документ утратил силу с 1 июля 2003 года в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ.

[11] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

References:

[1] Vasenkina V. V. Certain Aspects of Judicial Dissolution of Marriage / V. V. Vasenkina // Law. Justice. State. 2023. No. 2(38). pp. 113-114.

[2] Voytovich L. V. The System of Judicial Competence in Modern Civil Litigation: Challenges of Legal Regulation // Law and State: Theory and Practice. 2026. No. 7. pp. 321-324.

[3] Koshcheev A. V. Dissolution of Marriage Under Soviet Legislation // Bulletin of VyatSU. 2010. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-braka-po-sovetskomu-zakonodatelstvu-1 (accessed: 11.10.2026).

[4] Izmaylov V. V. Judicial Dissolution of Marriage: Theory and Practice of Application / V. V. Izmaylov // Russian Justice. 2018. No. 5(145). pp. 50-56.

[5] Voytovich L. V. General Patterns in Concepts of Jurisdiction and Venue under the 1964 Code of Civil Procedure of the RSFSR: Retrospective and Prospective Perspectives // Law and State: Theory and Practice. 2026. No. 4. pp. 304-307.

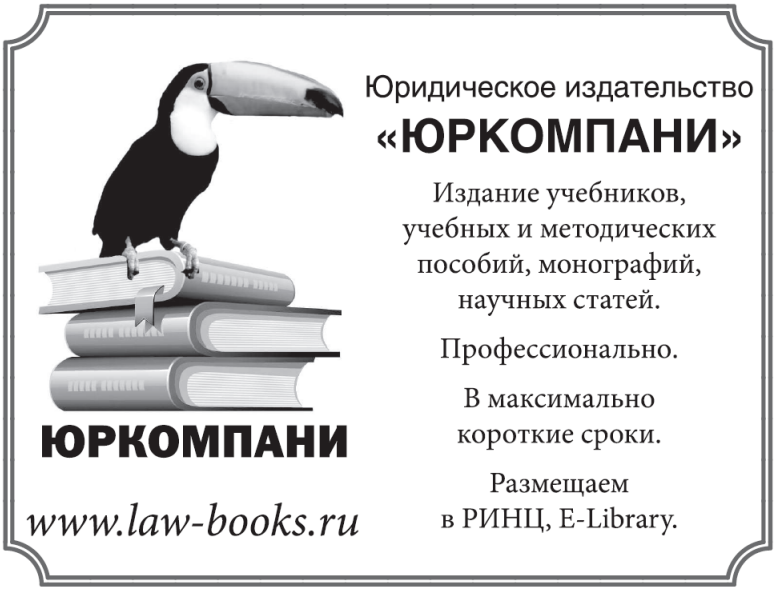
[6] Bondar E. O. Specifics of Judicial Proceedings in Divorce Cases in the Russian Federation / E. O. Bondar, S. V. Izutina, I. V. Tyurin // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 3. pp. 54-59. [7] Levushkin A. N. The Essence, Characteristics, and Procedure for Judicial Proceedings in Divorce Cases / A. N. Levushkin // Vlast Zakona [The Power of Law]. 2012. No. 1(9). pp. 124–141.

[8] Resolution of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) dated July 10, 1923 (as amended on January 31, 1958) «On the Enactment of the Civil Procedure Code of the RSFSR» (together with the «Civil Procedure Code of the RSFSR»). // Collection of Enactments (SU) of the RSFSR. 1923. No. 46–47. Art. 478. The document is no longer in force, following the issuance of a decree by the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated December 16, 1964.

[9] Russia, Laws and Decrees. Judicial Statutes of November 20, 1864. Charter of Civil Procedure. 1864. VII, 165, 33 p.

[10] Civil Procedure Code of the RSFSR: approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 11, 1964. // Gazette (Vedomosti) of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407. The document ceased to be in force as of July 1, 2003, following the adoption of Federal Law No. 137-FZ of November 14, 2002.

[11] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026). // Collected Legislation of the Russian Federation. November 18, 2002. No. 46. Item 4532.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-60-67**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

БАГАУТДИНОВ Ильнур Альбертович,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
г. Казань, Россия,
тел.: +7 987 297 94 38,
e-mail: ilnur1986@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования являются пределы судебного толкования третейского соглашения при неопределённости согласованного арбитражного механизма. Сопоставлены общие правила толкования договора, специальный принцип сохранения действительности соглашения и подходы государственных судов. На материале судебной практики разграничены исправление неточного наименования учреждения, выявление воли по внешним доказательствам и недопустимая замена избранного форума. Предложена классификация неопределённостей с выделением процедурных пробелов, восполняемых применимым правом. Установлено, что различная глубина проверки соглашения на отдельных процессуальных стадиях не устраняет требования доказанного согласия сторон. Результаты могут использоваться при мотивировке судебных актов и оценке исполнимости оговорок.*

Ключевые слова: *третейское соглашение, судебное толкование, арбитражная оговорка, исполнимость, автономия воли, судебный контроль, арбитражное учреждение.*

BAGAUTDINOV Ilnur Albertovich,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF JUDICIAL INTERPRETATION OF ARBITRATION AGREEMENTS

Annotation. *The article examines the limits of judicial interpretation of arbitration agreements where the agreed arbitral mechanism is uncertain. It compares general contract interpretation rules, the statutory preference for validity and enforceability, and the approaches taken by Russian state courts. Judicial decisions are used to distinguish corrections of inaccurate institutional designations, identification of common intent through external evidence, and impermissible substitution of the chosen forum. A functional classification is proposed, including procedural gaps that may be filled by applicable law. Different stages of judicial review require different assessments but do not dispense with proven party consent. The findings may assist courts in reasoning about defective arbitration clauses.*

Key words: *arbitration agreement, judicial interpretation, arbitration clause, enforceability, party autonomy, judicial review, arbitral institution.*

Последствия неточной третейской оговорки обнаруживаются, когда спор уже возник, расходы понесены и государственному суду предстоит решить вопрос о компетенции. Ошибка в названии учреждения сама по себе ещё не уничтожает договорённость об арбитраже. Однако и намерение сторон разрешать споры вне государственного суда не даёт оснований направить их к любому существующему третейскому учреждению. Где заканчивается восстановление неточно выраженного выбора и начинается выбор за стороны?

Закон отдаёт предпочтение действительному и исполнимому значению соглашения, не требуя безупречной юридической техники. Часть 8 статьи 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» устанавливает соответствующее правило; сходная формула содержится в пункте 9 статьи 7 Закона РФ от 07.07.1993

№ 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» [1, п. 9 ст. 7; 2, ч. 8 ст. 7]. Но закон говорит о толковании сомнений, а не о возможности создать соглашение при отсутствии доказанного согласия. Предпочтение арбитража допустимо лишь при опоре на волеизъявление контрагентов.

Противопоставления формализма и свободы договора недостаточно. А. И. Лобода показывает, насколько существенной для судьбы арбитражной оговорки оказывается избранная судом методика её прочтения: чрезмерное внимание к неточному словоупотреблению способно вытеснить оценку смысла соглашения в целом [3, с. 152–153, 173–174]. Исследования К. В. Петровой посвящены формальной неисполнимости арбитражных соглашений и самостоятельным основаниям невозможности их исполнения [4; 5]. Поэтому призыв «толковать в пользу арбитража» уже не выглядит достаточным научным выводом. Необходимо определить, какие сведения подтверждают согласованную процедуру, а какие лишь указывают на разумный, но не принятый сторонами вариант.

Дополнительную сложность создаёт природа третейского соглашения. Оно заключается по воле частных лиц, но его непосредственный эффект проявляется в распределении юрисдикционной компетенции. В. А. Белов рассматривает его юридическую природу в контексте договорных конструкций [6]; А. П. Вершинин обращает внимание на процессуальное назначение выбора формы защиты права [7, с. 124–125]. Дискуссия о возможности сближения такого соглашения с договором о совместной деятельности получила критическую оценку О. Ю. Скворцова [8]. Не выбирая между этими теориями, следует признать их практическое пересечение: выяснение договорной воли определяет компетенцию конкретного третейского суда.

Статья 431 ГК РФ предлагает последовательный способ установления содержания договора. Первоначально учитывается буквальное значение выражений, затем — их связь с другими условиями и смыслом соглашения в целом. Если этого недостаточно, устанавливается действительная общая воля сторон с учётом переговоров, переписки, сложившейся практики отношений и последующего поведения. Пункты 43–46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 развивают подход к контекстуальному толкованию [9, ст. 431; 10, пп. 43–46]. Неполное наименование учреждения можно прочитать вместе с ясно обозначенным регламентом. Но контекст подтверждает общий выбор, а не позволяет суду конструировать наиболее удобную процедуру.

Правило об исполнимости применяется при наличии нескольких обоснованных значений оговорки. Оно не отменяет последовательности статьи 431 ГК РФ и не освобождает сторону, ссылающуюся на арбитраж, от доказывания предусмотренных законом обстоятельств. Пункт 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 допускает исправляющее толкование ошибочного наименования учреждения или правил арбитража, когда действительную волю контрагентов можно установить [2, ч. 8 ст. 7; 11, п. 30]. Решающим является не масштаб ошибки: значительный дефект может быть устраним, а небольшая неточность — свидетельствовать об отсутствии общего выбора.

Прежде чем объявлять оговорку неисполнимой, необходимо выяснить, какой именно юридический недостаток предполагается. Незаключённость относится к самому факту достижения соглашения; недействительность — к нарушениям требований, которым подчиняется сделка; утрата силы предполагает прекращение действия первоначально существовавшей договорённости. Неисполнимость характеризует препятствие к реализации согласованного арбитражного механизма. Их процессуальные последствия могут совпадать, но основания различны. Неясное название можно истолковать; отсутствие согласия нельзя исправить выбором другого учреждения. В пунктах 29–30 Постановления Пленума № 53 указаны ориентиры для такой оценки [11, пп. 29–30].

Столь же существенно не путать институциональный выбор с организационными деталями процесса. Стороны вправе определить учреждение или согласовать разбирательство для конкретного спора, не прописав при этом каждое действие по назначению арбитров. Диспозитивные нормы закона и правила избранного регламента способны восполнить подобный процедурный пробел без нового волеизъявления. Формирование состава суда по закону не равно замене ар-

битражного учреждения. Пункт 28 Постановления Пленума № 53 требует учитывать согласованные специальные условия и применимые правила арбитража [2, ст. 11; 11, п. 28]. Важно установить источник восполняющего правила, а не подсчитывать недостающие реквизиты.

В трансграничных отношениях пределы допустимого восполнения могут зависеть также от международного договора. Статья IV Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года предусматривает механизмы содействия организации арбитража в определённых ситуациях; на необходимость учитывать их указывает и пункт 30 Постановления Пленума № 53 [12, ст. IV; 11, п. 30]. Однако международный механизм не является универсальным средством исправления любой неудачной оговорки. Прежде проверяются применимость Конвенции и согласованная процедура. Иначе организационное содействие подменит решение о юрисдикции.

Показательна логика постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.07.2013 № 2572/13 по делу № А27-7409/2011. В оговорке одновременно фигурировали суд по месту нахождения ответчика и Правила примирения и арбитража Международной торговой палаты. Нижестоящие суды разрешили спор о повреждении груза по существу, исходя из недостаточной определённости третейской договорённости. Президиум, напротив, придал значение отсылке к конкретному регламенту и отменил соответствующие судебные акты, оставив иск без рассмотрения [13]. Решение показывает: выбранный арбитраж можно установить по связанным условиям договора, даже если название учреждения неточно. При этом дело разрешалось при прежнем законодательстве.

Обратная ситуация видна в деле № А40-210544/2023. Стороны указали «Центр арбитража и посредничества при ТПП РФ», а суды нижестоящих инстанций связали эту формулировку с Международным коммерческим арбитражным судом при ТПП РФ. Постановлением от 24.04.2024 Арбитражный суд Московского округа признал такое отождествление недостаточно обоснованным и отменил акты в соответствующей части [14]. Сходство наименований и связь с одной торгово-промышленной палатой ещё не доказывают, что стороны намеревались обратиться именно в МКАС. Суду требовалась проверка документов и обстоятельств, а не догадка о «наиболее вероятном» арбитраже.

Этот пример требует процессуальной оговорки. После возвращения дела на новое рассмотрение постановление по существу было вынесено Девятым арбитражным апелляционным судом 09.07.2025; затем дело вновь рассматривалось Арбитражным судом Московского округа 30.10.2025. Определением Верховного Суда РФ от 18.02.2026 № 305-ЭС24-10295 в передаче жалобы для рассмотрения Судебной коллегией отказано [15; 16; 17]. Поэтому постановление 2024 года важно для анализа мотивировки, но не отражает окончательный исход спора.

Проблему неидентифицируемого учреждения иллюстрирует дело № А46-24181/2023. Договор залога предусматривал обращение в «Третейский суд города Алматы» с применением его регламента. Судебные инстанции не смогли установить, какое конкретно учреждение стороны обозначили этой формулой; постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2025 соответствующий вывод был поддержан, а определением ВС РФ от 16.07.2025 № 304-ЭС25-5868 в передаче жалобы отказано [18; 19]. Несколько арбитражных учреждений в одном городе не становятся взаимозаменяемыми. Поскольку дело касалось и прав на недвижимость в России, результат нельзя объяснять лишь формулой оговорки.

Не всякое территориальное указание, напротив, является недостаточным. В деле № А45-4410/2022 стороны использовали формулу об арбитражном суде по месту нахождения истца. К моменту разрешения вопроса о признании и приведении в исполнение существовало решение Монгольского национального и международного арбитража при ТПП Монголии. Постановлением от 29.09.2023 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа сохранил вывод о возможности исполнения решения [20]. Изменяемый географический ориентир сам по себе не исключает идентификации арбитража. Важно, позволяет ли соглашение применить выбранный механизм.

Для сопоставления можно обратиться к делу № А56-75297/2023, где использовалось близкое выражение — «международный коммерческий арбитражный суд по ме-

сту нахождения истца». Арбитражный суд Северо-Западного округа постановлением от 11.03.2025 оставил в силе результат рассмотрения спора государственным судом [21]. Сходство слов ещё не означает противоречия судебных позиций. В первом случае проверялось приведение в исполнение уже вынесенного иностранного арбитражного решения, во втором — допустимость рассмотрения спора в государственном суде. Различались также фактический контекст и предмет доказывания. Сопоставление требует учитывать, можно ли было установить выбранную процедуру в соответствующем процессе.

Особую группу составляют соглашения, в которых участники заранее предусматривают альтернативы и способ выбора между ними. В деле № А56-111059/2024 условия пользования контейнерной платформой содержали несколько арбитражных вариантов и резервное указание на процедуру Лондонской ассоциации морских арбитров. После уступки требования возник спор о действии этой оговорки. Арбитражный суд Северо-Западного округа 17.10.2025 не признал саму цессию основанием для устранения согласованного порядка разрешения спора [22]. Альтернативность здесь не создаёт неопределённости: переход к резервному арбитражу предусмотрели сами стороны. Суд только применяет согласованное условие.

Наиболее жёстко граница толкования проявляется там, где одна сторона прямо отвергает предложенную замену учреждения. В деле № А55-28594/2024 заявитель добивался признания решения Арбитражного центра Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» от 29.05.2024. Между тем договор поставки содержал условие о международном арбитражном суде Алматы, а ответчик возражал против передачи спора именно в «Атамекен». Требовалось установить, охватывало ли соглашение компетенцию «Атамекен» и изменялось ли оно впоследствии.

Арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 12.03.2025 № Ф06-466/2025 оставил в силе отказ в признании и приведении решения в исполнение; в судебном акте оценивались как пределы согласия на конкретный арбитраж, так и связанные с исполнением вопросы публичного порядка [23]. В отличие от дела № А27-7409/2011, компетенция другого центра здесь не выводилась из однозначно согласованных правил. Согласие на третейский способ разрешения спора вообще и согласие на рассмотрение конкретным учреждением — не всегда одно и то же.

Последующее поведение сторон иногда проясняет эту границу, но его значение нельзя оценивать вне процессуального контекста. Если участник своевременно оспорил компетенцию третейского суда, дальнейшее представление объяснений по существу само по себе не должно истолковываться как отказ от возражения: защита от предъявленного требования не равнозначна согласию на юрисдикцию. Иную конструкцию содержит часть 4 статьи 7 Закона № 382-ФЗ: письменная форма соглашения может подтверждаться обменом процессуальными документами, в которых одна сторона утверждает наличие соглашения, а другая не возражает. Отдельно статья 4 регулирует утрату права ссылаться на известное нарушение [2, ст. 4, ч. 4 ст. 7; 11, пп. 31–32]. Следует различать доказательство прежней договорённости, заключение соглашения посредством обмена документами и утрату права на возражение.

На глубину судебной проверки влияет и момент, в который возник спор о компетенции. При рассмотрении иска государственным арбитражным судом действует пункт 5 части 1 статьи 148 АПК РФ: своевременно заявленное возражение о третейском соглашении при соблюдении предусмотренных законом условий влечёт оставление иска без рассмотрения. Аналогичный механизм предусмотрен статьёй 222 ГПК РФ [24, п. 5 ч. 1 ст. 148; 25, ст. 222]. Наличие слова «арбитраж» недостаточно: суд проверяет сферу действия оговорки, её применимость и своевременность возражения.

Пункт 16 Постановления Пленума № 53 связывает проверку на этой стадии с очевидными признаками недействительности, утраты силы или неисполнимости соглашения, а также с неарбитрабельностью спора [11, п. 16]. Такая предварительная оценка не должна подменять решение третейского суда о собственной компетенции в предусмотренных законом пределах. При этом принцип «компетенции-компетенции» не отменяет обязанность мотивировать процессуальное решение. Меняется глубина проверки, но не требование установить основание компетенции.

После вынесения арбитражного решения тот же вопрос получает иное процессуальное значение. При оспаривании решения либо разрешении вопроса о выдаче исполнительного листа суд проверяет основания, предусмотренные процессуальным законом, в том числе пределы компетенции и соблюдение согласованной процедуры. В отношении иностранных арбитражных решений при наличии условий применения Нью-Йоркской конвенции 1958 года действуют, в частности, её положения об арбитражном соглашении и об основаниях отказа в признании и приведении в исполнение [26, ст. II, V; 24, ст. 233–239]. Запрет пересмотра по существу не препятствует проверке того, был ли третейский суд уполномочен сторонами.

Практика позволяет предложить последовательность анализа. Прежде всего требуется установить, согласились ли определённые лица передать соответствующую категорию споров в арбитраж. Затем следует выяснить, какой механизм они избрали: постоянно действующее учреждение, арбитраж для разрешения конкретного спора либо предусмотренную договором альтернативу. На этом этапе буквальное обозначение сопоставляется с регламентом, другими условиями и, при необходимости, доказательствами действительной общей воли. В сравнительно-правовых работах И. Герифа и А. И. Лободы рассматривается взаимосвязь толкования, автономности арбитражного соглашения и принципа «компетенции-компетенции» [27; 28]. Это отделяет содержание соглашения от последствий его исполнения.

Лишь после идентификации избранной процедуры появляется основание обсуждать восполнение отсутствующих организационных условий. Требуется конкретная диспозитивная норма, согласованный регламент или применимый международный механизм. Если предусмотренный источником права способ организации процесса позволяет исполнить соглашение, пробел не препятствует его действию. Если же для этого требуется заменить выбранное учреждение другим без согласия контрагентов, перед судом уже не проблема интерпретации текста. Отдельно проверяются арбитрабельность, статус учреждения и другие юридические препятствия.

Отсюда можно выделить четыре типа затруднений, различающихся прежде всего допустимым способом их преодоления. Семантический недостаток выражается в неудачной формулировке, смысл которой устанавливается из текста и связанных условий. Контекстная неопределённость требует обращения к переговорам, переписке и иным доказательствам общей воли. Процедурный пробел устраняется заранее применимой нормой или согласованными правилами, не меняя самого выбора арбитража. Наконец, отсутствие доказанного институционального выбора либо объективное препятствие к реализации установленного выбора нельзя устранить одной благоприятной интерпретацией. Категории могут сочетаться. Их назначение — определить допустимую юридическую операцию, а не присвоить оговорке формальный ярлык.

Судебное толкование третейского соглашения должно сохранять согласованную сторонами модель разрешения спора, но не создавать её заново. Это не требует признавать неисполнимой любую неточную оговорку или признавать компетентным любой доступный арбитраж. Критерием становится проверяемая связь между судебным выводом и исходным волеизъявлением: текстом договора, регламентом, относимыми обстоятельствами заключения и предусмотренными правом средствами организации процесса. Если такую связь можно показать, недостаток юридической техники преодолим. Если для сохранения третейской юрисдикции приходится приписывать сторонам не совершённый ими выбор, предел толкования достигнут. Так сохраняются автономия сторон и самостоятельное значение судебного контроля.

Список литературы:

[1] Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

[2] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

[3] Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения в праве России // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 152–174.

[4] Петрова К. В. Формальная неисполнимость арбитражного соглашения и проблемы его толкования в России и Германии

// Российский юридический журнал. 2023. № 6 (153). С. 72–78.

[5] Петрова К. В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения: проблемные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 28–31.

[6] Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 28–69.

[7] Вершинин А. П. Арбитражное соглашение: выбор формы защиты гражданских прав // Третейский суд. 2024. № 3/4. С. 124–136.

[8] Скворцов О. Ю. Арбитражное соглашение, профессор В. А. Белов, принцип Гейзенберга и кот Шрёдингера // Третейский суд. 2024. № 3/4. С. 78–90.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. № 4. 11 января.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. № 291. 25 декабря.

[12] Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21.04.1961) // Ведомости ВС СССР. 1964. № 44. Ст. 485.

[13] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 2572/13 по делу № А27-7409/2011 // [Электронный ресурс] Официальный сайт арбитражных судов Российской Федерации. URL: https://arbitr.ru/materials/97005?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 02.11.2026).

[14] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.04.2024 по делу № А40-210544/2023 // [Электронный ресурс] СудАкт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3pWoY180Godn/ (дата обращения: 02.11.2026).

[15] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2025 № 09АП-21275/2025 по делу № А40-210544/2023 // [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/66564266/ (дата обращения: 02.11.2026).

[16] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2025 № Ф05-6269/2024 по делу № А40-210544/2023 // [Электронный ресурс] ZakonRF.info. URL: https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-f4757cec-b671-56d4-92b5-3d5a55dded79/ (дата обращения: 02.11.2026).

[17] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2026 № 305-ЭС24-10295 по делу № А40-210544/2023 // [Электронный ресурс] СудАкт. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/GkYnfpcci9mV/ (дата обращения: 02.11.2026).

[18] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2025 № Ф04-25/2025 по делу № А46-24181/2023 // [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/38355032/ (дата обращения: 02.11.2026).

[19] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2025 № 304-ЭС25-5868 по делу № А46-24181/2023 // [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/412347726/ (дата обращения: 02.11.2026).

[20] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.09.2023 по делу № А45-4410/2022 // [Электронный ресурс] СудАкт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/EmsP2keT2dgR/ (дата обращения: 02.11.2026).

[21] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.03.2025 по делу № А56-75297/2023 // [Электронный ресурс] СудАкт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/92M7ccdrjroR/ (дата обращения: 02.11.2026).

[22] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.10.2025 по делу № А56-111059/2024 // [Электронный ресурс] СудАкт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/K3mqsxvqjNZr/ (дата обращения: 02.11.2026).

[23] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.03.2025 № Ф06-466/2025 по делу № А55-28594/2024 // [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/39419768/ (дата обращения: 02.11.2026).

[24] Арбитражный процессуальный ко-

декс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[25] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[26] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958) // Ведомости ВС СССР. 1960. № 46. Ст. 421.

[27] Гериф И., Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения и доктрина «компетенции-компетенции» в праве международного арбитража Франции // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 205–217.

[28] Гериф И., Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения и его автономность в праве международного арбитража Франции // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 218–237.

References:

[1] Law of the Russian Federation No. 5338-I of July 7, 1993, "On International Commercial Arbitration" // Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. No. 32. Item 1240.

[2] Federal Law No. 382-FZ of December 29, 2015, "On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part I). Item 2.

[3] Loboda A. I. Interpretation of an Arbitration Agreement under Russian Law // Arbitration Court (Treteyskiy Sud). 2019. No. 1/2. pp. 152–174.

[4] Petrova K. V. Formal Unenforceability of an Arbitration Agreement and Issues of Its Interpretation in Russia and Germany // Russian Juridical Journal. 2023. No. 6 (153). pp. 72–78.

[5] Petrova K. V. Grounds for the Unenforceability of an Arbitration Agreement: Problematic Issues // Arbitration and Civil Procedure. 2023. No. 9. pp. 28–31.

[6] Belov V. A. The Legal Nature of an Arbitration (Arbitral) Agreement // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 6. pp. 28–69.

[7] Vershinin A. P. Arbitration Agreement: Choosing a Form for the Protection of Civil Rights // Arbitration Court (Treteyskiy Sud). 2024. No. 3/4. pp. 124–136. [8] Skvortsov O. Yu. Arbitration Agreement, Professor V. A. Belov, the Heisenberg Principle, and Schrцdinger's Cat // Treteyskiy Sud (Arbitration Court). 2024. No. 3/4. pp. 78–90.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018, No. 49 "On Certain Issues Related to the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. No. 4. January 11.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 10, 2019, No. 53 "On the Performance by Courts of the Russian Federation of Functions of Assistance and Supervision in Relation to Arbitration Proceedings and International Commercial Arbitration" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. No. 291. December 25.

[12] European Convention on International Commercial Arbitration (Geneva, April 21, 1961) // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1964. No. 44. Art. 485.

[13] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 16, 2013, No. 2572/13, in Case No. A27-7409/2011 // [Electronic resource] Official website of the arbitration courts of the Russian Federation. URL: https://arbitr.ru/materials/97005?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (accessed: 02.11.2026).

[14] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated April 24, 2024, in case No. A40-210544/2023 // [Electronic resource] SudAkt. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3pWoY180Godn/ (accessed: 02.11.2026).

[15] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 9, 2025, No. 09AP-21275/2025, in case No. A40-210544/2023 // [Electronic resource] SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/66564266/ (accessed: 02.11.2026).

[16] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 30, 2025, No. F05-6269/2024, in case No. A40-210544/2023 // [Electronic resource] ZakonRF.info. URL: https://www.zakonrf.

info/arbsud/doc-f4757cec-b671-56d4-92b5-3d5a55dded79/ (accessed: 02.11.2026). [17] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 18, 2026, No. 305-ES24-10295 in case No. A40-210544/2023 // [Electronic resource] SudAkt. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/GkYnfpcci9mV/ (accessed: November 2, 2026).

[18] Judgment of the Arbitration Court of the West Siberian District dated March 21, 2025, No. F04-25/2025 in case No. A46-24181/2023 // [Electronic resource] SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/38355032/ (accessed: November 2, 2026).

[19] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 16, 2025, No. 304-ES25-5868 in case No. A46-24181/2023 // [Electronic resource] SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/412347726/ (accessed: November 2, 2026).

[20] Judgment of the Arbitration Court of the West Siberian District dated September 29, 2023, in case No. A45-4410/2022 // [Electronic resource] SudAkt. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/EmsP2keT2dgR/ (accessed: November 2, 2026). [21] Ruling of the Arbitration Court of the Northwestern District dated March 11, 2025, in case No. A56-75297/2023 // [Electronic resource] SudAkt. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/92M7ccdrjroR/ (accessed: November 2, 2026).

[22] Ruling of the Arbitration Court of the Northwestern District dated October 17, 2025, in case No. A56-111059/2024 // [Electronic resource] SudAkt. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/K3mqsxvqjNZr/ (accessed: November 2, 2026).

[23] Ruling of the Arbitration Court of the Volga District dated March 12, 2025, No. F06-466/2025, in case No. A55-28594/2024 // [Electronic resource] Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/39419768/ (accessed: November 2, 2026).

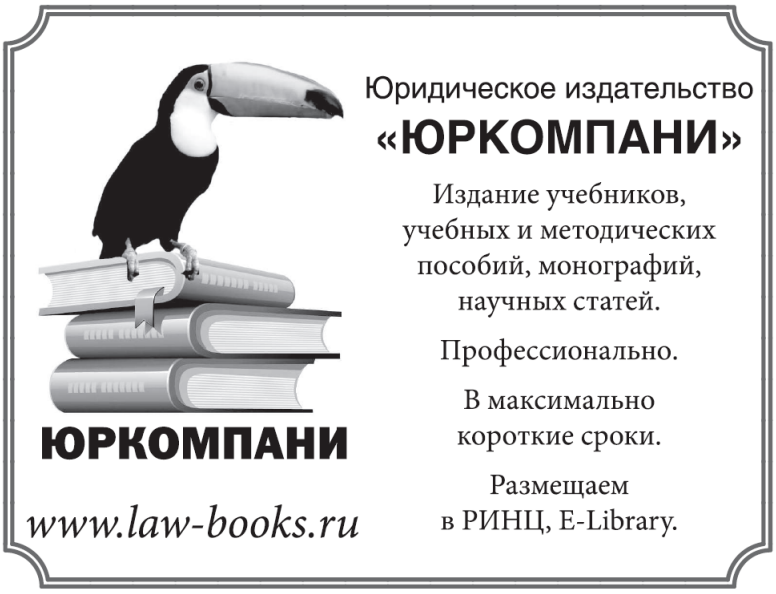
[24] Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

[25] Civil Procedural Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[26] Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958) // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. No. 46. Item 421.

[27] Gerif I., Loboda A. I. Interpretation of an Arbitration Agreement and the Doctrine of «Competence-Competence» in the Law of international arbitration in France // Arbitration Court (Treteyskiy Sud). 2021. No. 3/4. pp. 205–217.

[28] Gerif I., Loboda A. I. Interpretation of an arbitration agreement and its autonomy under the law of international arbitration in France // Arbitration Court (Treteyskiy Sud). 2021. No. 3/4. pp. 218–237.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-68-75**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

САПРЫКИНА Анастасия Александровна,
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (Крымский филиал),
e-mail: saprikinanastya77@gmail.com

МОГИЛА Дарья Алексеевна,
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (Крымский филиал),
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РУДЕНКО Артем Валерьевич,
доцент кафедры административного и финансового права, кандидат юридических наук, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (Крымский филиал),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ИНЫХ ВИДАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье исследуется реализация принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации. Особое внимание уделено специфике административно-деликтного производства, которое сочетает судебную и внесудебную юрисдикционные формы: формирование доказательственной базы и составление процессуальных документов осуществляют органы исполнительной власти, а разрешение вопроса о привлечении к ответственности – как эти органы, так и судьи в пределах своей компетенции. В работе раскрыты особенности состязательности на разных стадиях производства – от возбуждения дела и административного расследования до судебного рассмотрения и пересмотра постановлений.*

Ключевые слова: *принцип состязательности, производство по делам об административных правонарушениях, КоАП РФ, процессуальные гарантии, равноправие сторон.*

SAPRYKINA Anastasia Alexandrovna,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Crimean Branch)

MOGILA Darya Alekseevna,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Crimean Branch)

Academic Supervisor:
RUDENKO Artem Valeryevich,
Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Candidate of Legal Sciences, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Crimean Branch)

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIALITY IN PROCEEDINGS CONCERNING ADMINISTRATIVE OFFENSES AND ITS MANIFESTATION IN OTHER TYPES OF LEGAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article examines the implementation of the adversarial principle in proceedings involving administrative offenses in the Russian Federation. Special attention is paid to the specifics of administrative-tort proceedings, which combine judicial and extra-judicial jurisdictional forms: the formation of the evidentiary base and the drafting of procedural documents are carried out by executive authorities, while the resolution of the issue of bringing to liability is carried out both by these authorities and by judges within the scope of their competence. The paper reveals the features of adversarial proceedings at different stages – from the initiation of a case and administrative investigation to judicial consideration and review of decisions.*

Key words: *the principle of adversarial proceedings, proceedings in cases of administrative offenses, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, procedural guarantees, equality of the parties.*

В соответствии с положениями части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) судопроизводство в Российской Федерации основывается на принципах состязательности и равноправия сторон. Указанное конституционное установление распространяет своё действие в том числе на производство по делам об административных правонарушениях. При этом следует отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не содержит отдельной нормы, непосредственно закрепляющей и раскрывающей содержание данного принципа.

В научной литературе обосновывается позиция, согласно которой реализация принципа состязательности предполагает наличие у участников судопроизводства фактической, а не декларативной возможности представлять и исследовать доказательства непосредственно в ходе судебного разбирательства. В.А. Катомина указывает на то, что формальное соответствие судебной процедуры состязательным началам не является достаточным условием для обеспечения справедливого правосудия. Существенным при этом признаётся характер взаимосвязи между указанным принципом и категорией справедливости [2, с. 31-39].

В 2025 году дискуссия относительно процессуальной модели административно-деликтного производства получила дополнительное научное обоснование в части исследования активной роли суда. Ряд авторов акцентирует внимание на необходимости законодательного закрепления чёткого разграничения функций суда и иных участников производства: в частности, Е.В. Трунова указывает на отсутствие действенных правовых механизмов реализации принципа состязательности на отдельных стадиях административно-деликтного производства и настаивает на законодательной определённости процессуального статуса суда. Наряду с этим Я.В. Барышева квалифицирует сложившуюся процессуальную модель как гибридную конструкцию, объединяющую в себе элементы как состязательного, так и розыскного типов судопроизводства. Указанные научные позиции представляются значимыми, поскольку позволяют осуществлять комплексную оценку организационно-правового устройства самого производства, от которого непосредственно зависит реальная возможность реализации соответствующих прав [1; 6, с. 99-101].

В научной доктрине А.В. Орлов квалифицирует состязательность и процессуальное равноправие сторон при активном участии суда в качестве специального принципа административного судопроизводства, функциональное назначение которого состоит в нивелировании объективно существующего дисбаланса правового положения гражданина и органа публичной власти. Вместе с тем указанный автор констатирует недостаточную нормативную определённость содержания судебной активности, закреплённой в статье 14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [4, с. 72-74] (далее – КАС РФ). В свою очередь, А.А. Пешкова выдвигает предложение о нормативном закреплении активной роли суда в качестве самостоятельного принципа административного судопроизводства [5, с.

70-78].

Процессуальное равноправие и состязательность представляют собой самостоятельные правовые категории, несмотря на их неразрывную взаимосвязь. При этом содержание указанных принципов не является тождественным: состязательность определяет процессуальный порядок формирования, представления и проверки позиций сторон, равноправие – объём процессуальных возможностей участников судопроизводства. Вместе с тем принцип процессуального равноправия не предполагает наделения гражданина и административного органа идентичным объёмом властных полномочий. Однако их различие должно компенсироваться доступом к материалам, возможностью возражать и получать юридическую помощь согласно 25.1 и 25.5 КоАП РФ [7].

Особое значение имеет презумпция невиновности. По общему правилу лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность; специальные исключения предусмотрены примечанием к статье 1.5 КоАП РФ. Верховный Суд РФ подчеркивает необходимость толкования неустранимых сомнений в пользу такого лица. Следовательно, состязательность нельзя понимать как универсальную обязанность каждого участника доказать свою позицию. Представление оправдывающих материалов является правом защиты, а ее пассивность не заменяет доказанности оснований ответственности.

В КоАП РФ термин «досудебное производство» используется в условном значении. Под указанным понятием следует понимать совокупность процессуальных действий, охватывающих стадию возбуждения дела об административном правонарушении, а также формирование соответствующих материалов дела вплоть до их направления в суд – в случае, если судебное рассмотрение дела фактически осуществляется.

Разграничение процедуры подготовки материалов для судебного рассмотрения и внесудебного порядка разрешения дела представляется принципиально значимым, поскольку указанные процессуальные механизмы влекут различные правовые последствия. Нормами глав 23 и 30 КоАП РФ за уполномоченными органами и должностными лицами закреплено право самостоятельного рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях без передачи соответствующих материалов на судебное рассмотрение. Судебный контроль в данном случае реализуется в рамках последующего обжалования вынесенного постановления, а не в качестве обязательного этапа производства по делу. Таким образом, действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает императивного требования об обязательном направлении каждого дела об административном правонарушении на рассмотрение суда, допуская его окончательное разрешение во внесудебном порядке.

Досудебная стадия производства является определяющей в части формирования совокупности правовых условий, обусловливающих дальнейший порядок реализации механизма судебной защиты субъективных прав лица. В частности, Я.В. Барышева указывает, что публично-правовая позиция уполномоченного органа складывается до инициирования судебного разбирательства посредством установления юридически значимых обстоятельств, проведения опросов и сбора соответствующих материалов. Наличие состязательных элементов на данном этапе автор обусловливает реализацией заинтересованным лицом права на ознакомление с материалами дела, заявление ходатайств, а также получение квалифицированной юридической помощи [1].

Оказание юридической помощи не ограничивается исключительно рамками судебного разбирательства, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 25.5 КоАП РФ защитник вправе осуществлять свои полномочия с момента возбуждения производства по делу, что обеспечивает возможность своевременного сбора и фиксации доказательной базы, надлежащей проверки обстоятельств дела.

Требование определённости вменяемого деяния является обязательным условием надлежащего составления протокола об административном правонарушении. В соответствии с положениями части 2 статьи 28.2 КоАП РФ указанный процессуальный документ должен содержать сведения о событии правонарушения, о лице, в отношении которого возбуждено дело, а также правовую квалификацию предполагаемого противоправного деяния. Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, отсутствие обязательных рекви-

зитов либо иных значимых сведений квалифицируется как существенный недостаток протокола. Наряду с изложенным, особую процессуальную значимость приобретают сведения, на основании которых представляется возможным установить соблюдение языковых гарантий участников производства по делу об административном правонарушении.

В контексте реализации принципа состязательности сторон принципиальное процессуальное значение имеет соблюдение разумных временных рамок при раскрытии доказательственной базы: представление существенного по объёму массива документов и иных материалов непосредственно накануне судебного заседания фактически лишает противоположную сторону реальной возможности сформировать надлежащую правовую позицию и подготовить обоснованные возражения.

В соответствии с положениями КоАП РФ, рассмотрение заявленных ходатайств является обязательным, а отказ в их удовлетворении подлежит оформлению посредством вынесения соответствующего определения. Указанное законодательное требование находит своё подтверждение в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, который акцентирует внимание на императивной необходимости надлежащего мотивирования отказа в удовлетворении ходатайства о ведении протокола судебного заседания. Приведённые нормативные предписания и судебная практика их применения согласуются с научной концепцией Е.В. Труновой, обосновывающей потребность в формировании реально функционирующих, а не сугубо декларативных правовых механизмов реализации принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях [6, с. 99-101].

Отдельного внимания заслуживает институт защиты прав лица при реализации обеспечительных мер в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Защитник наделён процессуальным правом на обжалование указанных мер, вместе с тем конкретный механизм судебного контроля определяется природой применённого процессуального действия и соответствующей процедурой его проверки, предусмотренной частью 5 статьи 25.5 КоАП РФ.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П закреплена правовая позиция, в соответствии с которой прекращение производства по делу об административном правонарушении не влечёт за собой утраты права заинтересованного лица на обжалование законности применённой в отношении него меры обеспечения производства в виде административного задержания.

Судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях предполагает строгое разграничение процессуальных полномочий между участниками соответствующего производства, что является одним из ключевых условий надлежащего отправления правосудия по данной категории дел.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, должностные лица, оформившие протокол об административном правонарушении, не отнесены к кругу участников производства по делу об административном правонарушении, перечень которых установлен главой 25 КоАП РФ. Вследствие данного обстоятельства указанные субъекты не наделены процессуальными правомочиями на заявление ходатайств и отводов в рамках соответствующего производства. Вместе с тем нормы действующего законодательства допускают возможность их привлечения к участию в судебном заседании посредством вызова с целью получения пояснений по обстоятельствам рассматриваемого дела.

Следует отметить, что принцип состязательности не предполагает абсолютной процессуальной пассивности суда. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации допускается назначение судебной экспертизы по инициативе суда; при этом предусматривается обязательное выяснение мнения лиц, участвующих в деле, относительно кандидатуры эксперта, а также перечня вопросов, подлежащих экспертному исследованию.

Таким образом, реализация процессуальной инициативы должна осуществляться в совокупности с обеспечением права заинтересованных лиц на участие в исследовании представленных материалов. При этом оценка доказательств подлежит осуществлению в том числе с точки зрения соблюдения установленных законодательством тре-

бований к порядку их получения [1].

В научной доктрине сформированы различные концептуальные подходы к определению функционального назначения рассматриваемой процессуальной активности. В научной литературе сформировались различные подходы к оценке процессуальной активности суда: если А.В. Орлов рассматривает её преимущественно через призму компенсаторной функции, то А.А. Пешкова настаивает на необходимости надлежащей нормативной регламентации указанного правового института [4, с. 72-74; 5, с. 70-78].

Принципиальным для правоприменительной практики остаётся разграничение между осуществлением судом проверки правомерности вменённого лицу правонарушения и фактическим формированием судом новых оснований для привлечения к административной ответственности. Истребование судом видеозаписи в полном объёме в целях оценки достоверности и допустимости отдельного фрагмента указанной записи надлежит квалифицировать как правомерную форму реализации судебного контроля. Иную правовую природу имеет формирование судом существенно иной фактической картины совершённого правонарушения в условиях, исключающих реализацию лицом права на надлежащую защиту.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, возврат ненадлежащим образом составленного протокола об административном правонарушении допускается исключительно на стадии подготовки дела к рассмотрению и не может быть осуществлён после вынесения решения по существу. Относительно вопроса переквалификации следует отметить, что данная процедура реализуема при соблюдении ряда обязательных условий, в частности при условии, что положение привлекаемого к ответственности лица не будет ухудшено, а подведомственность дела не претерпит изменений. При этом необходимо разграничивать изменение правовой квалификации деяния и формирование нового фактического состава вменяемого правонарушения, поскольку указанные понятия не являются тождественными.

Наиболее рельефно обозначенная правовая проблематика нашла своё отражение в практике Европейского суда по правам человека. В рамках дела «Карелин против Российской Федерации» (жалоба № 926/08), рассмотренного Европейским судом по правам человека, предметом анализа выступило административное производство, инициированное по факту мелкого хулиганства и завершившееся вынесением постановления о наложении административного штрафа в размере 500 рублей на основании норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Указанное постановление было вынесено Европейским судом по правам человека 20 сентября 2016 года [8]. В частности, было установлено, что ненадлежащее оформление протокола об административном правонарушении, сопряжённое с неточным либо неполным формулированием первоначального обвинения, создаёт реальные предпосылки для нарушения принципа беспристрастности при последующем судебном рассмотрении дела.

При анализе практики Европейского суда по правам человека надлежит принимать во внимание соответствующий временной контекст. Следует отметить, что Российская Федерация утратила статус участника Конвенции 16 сентября 2022 года, однако указанное обстоятельство не влечёт утраты Судом компетенции в отношении событий, имевших место до указанной даты [10]. В части исполнения постановлений ЕСПЧ действующим российским законодательством введены специальные ограничения применительно к актам, вступившим в законную силу после 15 марта 2022 года. Приводимые в настоящей работе судебные решения задействованы исключительно в целях историко-правового и сравнительно-правового исследования и не могут рассматриваться в качестве замены действующего нормативно-правового регулирования Российской Федерации.

Сравнительно-правовой анализ смежных процессуальных отраслей позволяет установить нормативное содержание исследуемого принципа с необходимой степенью точности. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации закреплено императивное требование о разграничении функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, в силу которого на суд возлагается прямой законодательный запрет осуществлять полномочия органов уголовного преследования (части 2–4 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). При распространении данной модели на правоотношения, регу-

лируемые Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, определяющее значение имеет функциональная обособленность указанных процессуальных ролей, тогда как буквальное воспроизведение уголовно-процессуальной формы не выступает обязательным условием надлежащей реализации соответствующего принципа.

В научных работах Л.А. Кротовой, предметом которых выступает исследование системных закономерностей формирования и развития уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, особое внимание уделяется тенденциям сближения указанных отраслей права, а равно вопросам межотраслевой согласованности соответствующих правовых предписаний [3, с. 495-502].

В соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации определяется порядок распределения бремени доказывания между сторонами судебного разбирательства, а также закрепляются основополагающие принципы равноправия и состязательности сторон (статьи 56, 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; далее – ГПК РФ).

Применительно к рассматриваемой сфере правового регулирования из указанной процессуальной модели допустимо заимствование последовательного порядка исследования доказательств, а также права участника производства на представление возражений относительно доказательственной базы. При этом возложение на сторону обязанности подтверждать фактические основания заявленных требований не может служить правовым основанием для переноса на привлекаемое лицо бремени доказывания собственной невиновности.

В соответствии с положениями АПК РФ каждому участнику судебного разбирательства гарантировано право на ознакомление с доводами иных лиц, участвующих в деле, на представление доказательственной базы, а также на принятие процессуальных рисков, обусловленных собственным поведением в ходе производства по делу. Применительно к категории дел об административных правонарушениях законодателем установлен особый процессуальный режим: возложение обязанности по доказыванию обстоятельств, явившихся основанием для составления протокола об административном правонарушении, на лицо, привлекаемое к административной ответственности, является недопустимым. В случае если предметом судебного контроля выступает законность вынесенного административного постановления, бремя подтверждения правомерности оснований привлечения к ответственности возлагается на орган публичной власти, издавший соответствующий правоприменительный акт.

Анализ действующего процессуального законодательства свидетельствует о том, что КАС РФ закрепляет принцип сочетания состязательности сторон с активными полномочиями суда. При этом указанным нормативным правовым актом на публичных субъектов возлагается специальная обязанность по доказыванию правомерности оспариваемых ненормативных актов, решений и действий (бездействия) органов публичной власти. Позиция Верховного Суда Российской Федерации дополнительно акцентирует внимание на необходимости проявления судом инициативы при разрешении публично-правовых споров соответствующей категории. Вместе с тем указанное разъяснение высшей судебной инстанции не порождает правовых оснований для непосредственного применения процессуальных механизмов КАС РФ в рамках производства, осуществляемого в соответствии с КоАП РФ. Изложенные результаты сравнительно-правового анализа позволяют определить ряд приоритетных направлений совершенствования действующего законодательства.

Отдельного внимания заслуживает необходимость законодательного закрепления чёткого разграничения между полномочиями суда в сфере осуществления судебного контроля за законностью и обоснованностью вынесенных процессуальных решений, с одной стороны, и его компетенцией по самостоятельному установлению оснований для привлечения лица к административной ответственности – с другой. Отсутствие подобного разграничения на нормативном уровне порождает устойчивую тенденцию к смешению указанных процессуальных функций в правоприменительной практике, что недопустимо с точки зрения принципов надлежащего отправления правосудия.

Необходимо подчеркнуть, что принцип состязательности в рамках производства по делам об административных правонару-

шениях представляет собой динамическую правовую конструкцию, содержание которой варьируется в зависимости от конкретной процессуальной стадии. Самостоятельного правового значения заслуживает чёткое разграничение таких категорий, как недопустимость доказательства, устранимый процессуальный дефект, существенное нарушение установленного порядка рассмотрения дела, а равно недоказанность факта совершения административного правонарушения, влекущего наступление административной ответственности.

В рамках досудебного производства первостепенное значение имеют надлежащая определённость и исчерпывающая полнота формулировки предъявляемого обвинения, а равно безусловное обеспечение стороне защиты возможности реализации всего комплекса процессуальных прав, предусмотренных действующим законодательством. Состязательность судебного разбирательства предполагает всестороннее и объективное исследование противоположных правовых позиций участников процесса при неукоснительном соблюдении судом принципа функциональной беспристрастности, выступающей необходимым условием законного и обоснованного разрешения дела по существу. Совершенствование процессуального механизма отправления правосудия не влечёт за собой полного исключения судебной инициативы как таковой, вместе с тем объективно обусловливает необходимость законодательного закрепления чётких пределов её осуществления. При этом принципиально недопустимым следует признать такое нормативное регулирование, при котором конституционное право на судебную защиту фактически трансформировалось бы в обязанность лица по опровержению собственной виновности.

Список литературы:

[1] Барышева, Я. В. Модель состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях / Я. В. Барышева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – № 2 (112). – DOI 10.32743/UniLaw.2024.112.2.16675. URL: https://7universum.com/ru/ (дата обращения: 27.10.2026).

[2] Катомина, В. А. Соотношение справедливости и состязательности в судебной практике / В. А. Катомина // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 2. – С. 31-39.

[3] Кротова, Л. А. К вопросу о системности развития уголовного и административно-деликтного законодательства: некоторые проблемы межотраслевого согласования / Л. А. Кротова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2025. – Т. 35, вып. 3. – С. 495-502.

[4] Орлов, А. В. К вопросу о современном содержании активной роли суда в административном судопроизводстве / А. В. Орлов // Административное право и процесс. – 2025. – № 7. – С. 72-74.

[5] Пешкова, А. А. Сочетание принципа состязательности и равноправия сторон и принципа активной роли суда в административном судопроизводстве / А. А. Пешкова // Административное право и процесс. – 2025. – № 10. – С. 70-78.

[6] Трунова, Е. В. Принцип состязательности при рассмотрении дел об административных правонарушениях / Е. В. Трунова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 99-101.

[7] Шевченко, О. А. Реализация принципов гласности и состязательности в ходе судебного разбирательства при рассмотрении дела об административном правонарушении / О. А. Шевченко, В. А. Труфанов // Административное право и процесс. – 2022. – № 12. – С. 49-51.

[8] Карелин против России: решение Европейского суда по правам человека от 20 сентября 2016 г.: жалоба №. 926/08 // HUDOC: Европейский суд по правам человека. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-166737 (дата обращения: 27.10.2026).

[9] Дело «Малофеева (Malofeyeva) против Российской Федерации» : постановление Европейского Суда по правам человека от 30 мая 2013 года : жалоба № 36673/04 // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70639824/ (дата обращения: 27.10.2026).

[10] Резолюция Европейского суда по правам человека о последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции по правам человека: 22 марта 2022 г. // Европейский суд по правам человека: официальный сайт. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Resolution_ECHR_cessation_membership_Russia_CoE_ENG (дата обращения: 27.10.2026).

References:

[1]Barysheva, Ya. V. The Adversarial Model in Proceedings Concerning Administrative Offenses / Ya. V. Barysheva // Universum: Economics and Law. – 2024. – No. 2 (112). – DOI 10.32743/UniLaw.2024.112.2.16675. URL: https://7universum.com/ru/ (accessed: 27.10.2026).

[2] Katomina, V. A. The Relationship Between Fairness and the Adversarial Principle in Judicial Practice / V. A. Katomina // Prologue: Law Journal. – 2021. – No. 2. – pp. 31–39.

[3] Krotova, L. A. On the Systematic Development of Criminal and Administrative-Delictual Legislation: Some Issues of Interdisciplinary Coordination / L. A. Krotova // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». – 2025. – Vol. 35, Iss. 3. – pp. 495–502.

[4] Orlov, A. V. On the Contemporary Scope of the Court's Active Role in Administrative Legal Proceedings / A. V. Orlov // Administrative Law and Process. – 2025. – No. 7. – pp. 72–74.

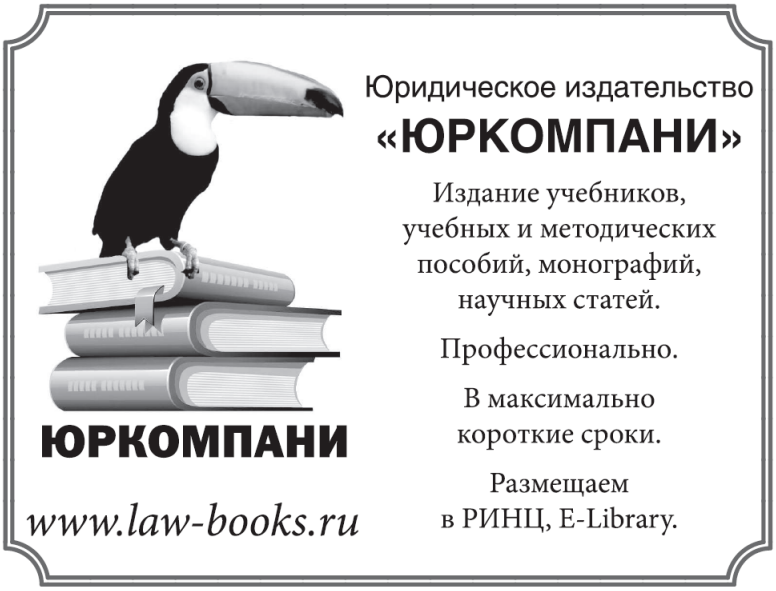
[5] Peshkova, A. A. Integrating the Adversarial Principle and Equality of Parties with the Principle of the Court's Active Role in Administrative Legal Proceedings / A. A. Peshkova // Administrative Law and Process. – 2025. – No. 10. – pp. 70–78. [6] Trunova, E. V. The Adversarial Principle in the Adjudication of Administrative Offense Cases / E. V. Trunova // Gaps in Russian Legislation. – 2018. – No. 7. – pp. 99–101.

[7] Shevchenko, O. A., & Trufanov, V. A. Implementation of the Principles of Openness and Adversariality During Judicial Proceedings in Administrative Offense Cases / O. A. Shevchenko, V. A. Trufanov // Administrative Law and Process. – 2022. – No. 12. – pp. 49–51.

[8] Karelin v. Russia: Judgment of the European Court of Human Rights of September 20, 2016: Application No. 926/08 // HUDOC: European Court of Human Rights. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-166737 (accessed: October 27, 2026).

[9] Malofeyeva v. the Russian Federation: Judgment of the European Court of Human Rights of May 30, 2013: Application No. 36673/04 // GARANT: Legal Information Portal. – URL: https://base.garant.ru/70639824/ (accessed: October 27, 2026).

[10] Resolution of the European Court of Human Rights on the Consequences of the Cessation of the Russian Federation's Membership of the Council of Europe in Light of Article 58 of the European Convention on Human Rights: March 22, 2022 // European Court of Human Rights: Official Website. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Resolution_ECHR_cessation_membership_Russia_CoE_ENG (accessed: 27.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-76-82**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ХАНТИМИРОВ Тимур Шамильевич,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права,
тел.: +7 (961) 076-71-25,
e-mail: thantimirov@yandex.ru

Научный руководитель:
МИРОНОВА Светлана Михайловна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Исследуются административно-правовые условия внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации. На основе российского законодательства, научной литературы и опубликованных сведений о государственной цифровизации проводится разграничение информационно-аналитического, процедурно-вспомогательного и юридически значимого применения интеллектуальных систем. Выявляются риски смешения технологических функций и публично-властной компетенции, недостаточного документирования результатов и неопределённости организационных обязанностей. Обосновывается необходимость предварительной административно-правовой оценки и дифференциации требований к внедрению в зависимости от юридического значения результатов работы алгоритмов. Сформулированы предложения об этапах правового сопровождения, ведомственном закреплении процедур эксплуатации и последующем контроле.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, административное право, исполнительная власть, публичное управление, государственные информационные системы, автоматизация, административная процедура, правовая оценка, цифровая трансформация.*

KHANTIMIROV Timur Shamilyevich,
Volgograd State University, Volgograd, Russia,
Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law

Academic Supervisor:
MIRONOVA Svetlana Mikhailovna,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law,
Volgograd State University,

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FEATURES OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN EXECUTIVE AUTHORITIES

Annotation. *The article examines the administrative and legal conditions for implementing artificial intelligence systems in the executive authorities of the Russian Federation. Drawing on Russian legislation, academic literature and published information on the digital transformation of public administration, it distinguishes information and analytical use, procedural support and uses with legal significance. The study identifies risks arising from the conflation of technological functions with public powers, inadequate*

documentation of outputs and unclear organizational responsibilities. It argues for a preliminary administrative and legal assessment and for requirements differentiated according to the legal significance of algorithmic outputs. Proposals address the stages of legal support for implementation, the formalization of operating procedures within executive authorities and subsequent oversight.

Key words: *artificial intelligence, administrative law, executive authorities, public administration, government information systems, automation, administrative procedure, legal assessment, digital transformation.*

Введение

Развитие искусственного интеллекта становится значимым направлением цифровой трансформации государственного управления. Интеллектуальные системы используются для анализа больших массивов данных, систематизации документов, обнаружения отклонений в показателях и подготовки информационных материалов. Однако перенос таких инструментов в публичное управление отличается от их применения в частном секторе: государственный орган связан компетенцией, процедурой и обязанностью обеспечить защиту прав адресатов своих решений.

Проблема исследования состоит в том, что технологическая пригодность системы сама по себе не определяет её правовую допустимость. Возможность автоматически сформировать проект ответа или оценку риска не означает наличия основания для автоматического принятия административного акта. Необходимо выяснить, на какой стадии процедуры используется алгоритм, какое значение придаётся его результату и кто уполномочен совершать юридически значимые действия.

Цель статьи — выявить административно-правовые особенности внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов исполнительной власти и предложить условия правового сопровождения такого внедрения. Задачи включают анализ нормативной базы, классификацию вариантов использования, рассмотрение организационных и кадровых проблем и разработку предложений по предварительной правовой оценке. Применены формально-юридический и системный методы, а также правовое моделирование.

Научная разработанность проблем цифровизации публичной деятельности проявляется, в частности, в исследованиях С. М. Мироновой, посвящённых цифровым инструментам в деятельности муниципальных образований и прозрачности бюджетного процесса [1; 2]. Эти публикации не исследуют напрямую внедрение нейросетевых решений органами исполнительной власти, но позволяют поставить вопрос о соотношении цифровизации, законности и контроля в публичном секторе.

Нормативные основания внедрения интеллектуальных систем

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, определяет направления государственной политики в этой области [3]. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 уточнил стратегические подходы [4]. При этом программные положения не подменяют нормы, устанавливающие компетенцию конкретного исполнительного органа и юридическую процедуру принятия решения.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ закрепляет общие основы использования информации и информационных технологий [5]. Его применение к интеллектуальным системам требует учитывать правовой режим исходных данных, информационную безопасность и статус используемых информационных систем. Для государственного органа также существенен вопрос законности доступа к данным, полученным от иных ведомств.

Особое значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6]. Часть 1 статьи 16 по общему правилу запрещает принятие решений, затрагивающих права и законные интересы субъекта, исключительно на основании автоматизированной обработки его персональных данных. Часть 2 допускает такие решения при письменном согласии субъекта либо в случаях, предусмотренных федеральными законами, которые устанавливают меры защиты его прав и законных интересов. При этом согласие на обработку данных само по себе не расширяет компе-

тенцию государственного органа.

Части 3 и 4 статьи 16 предусматривают разъяснение порядка принятия решения и его возможных юридических последствий, возможность заявить возражение и разъяснение порядка защиты прав. Оператор должен рассмотреть возражение в течение тридцати дней и уведомить субъекта о результате [6]. Следовательно, правовое сопровождение внедрения должно охватывать не только основание обработки, но и организационную возможность реализовать эти гарантии.

Следует разграничить обработку персональных данных с использованием алгоритма и принятие решения исключительно по результатам такой обработки. Участие должностного лица, сводящееся к формальному одобрению результата без возможности проверки, само по себе ещё не гарантирует надлежащего человеческого контроля. Юридическая оценка должна учитывать реальный порядок действий и содержание административной процедуры.

При предоставлении государственных услуг значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ [7]. Интеллектуальная система может содействовать проверке документов или маршрутизации заявления, однако основания отказа в услуге, сроки и порядок уведомления не могут произвольно меняться технологическим решением. Если автоматизированное действие приобретает правовое значение, оно должно иметь нормативное основание.

Для ограниченной апробации инноваций законодатель предусматривает экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых и технологических инноваций по Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ [8]. Такой режим не следует смешивать с общим разрешением применять любой алгоритм: его содержание, круг участников и исключения из общего регулирования должны определяться в установленном законом порядке.

Из совокупности перечисленных источников следует, что регулирование пока носит межотраслевой характер. Нормы о данных, государственных услугах, информационных системах и технологических экспериментах решают различные задачи. Поэтому внедрение ИИ требует согласованного применения действующих правил и, по мере необходимости, специальной административно-процедурной конкретизации.

Разграничение технологической поддержки и публично-властных полномочий

По характеру воздействия на административную деятельность целесообразно выделить информационно-аналитическое, процедурно-вспомогательное и юридически значимое использование искусственного интеллекта. Такая классификация является аналитическим приёмом настоящего исследования, а не установленной законом универсальной классификацией.

При информационно-аналитическом использовании система обобщает сведения, выявляет статистические закономерности и помогает планировать деятельность ведомства. Подобный результат не должен непосредственно изменять правовое положение конкретного лица. Вместе с тем ошибки в аналитике способны повлиять на управленческие приоритеты, поэтому даже вспомогательные системы нуждаются в контроле качества данных и результатов.

Процедурно-вспомогательное применение предполагает проверку комплектности заявлений, классификацию обращений, поиск нормативной информации, составление проектов писем и подготовку возможных вариантов действий. Здесь принципиален запрет на подмену обязательной процедуры скрытым алгоритмическим фильтром: система не должна самостоятельно создавать не предусмотренные законом препятствия для обращения или получения услуги.

Наибольшую правовую значимость имеет использование алгоритмического результата при решении вопроса о предоставлении права, возложении обязанности, применении ограничений либо отказе в удовлетворении требования. В таких случаях следует определить источник юридической силы итогового решения, форму его принятия, порядок объяснения оснований и механизм обжалования.

Объём автоматизации не следует отождествлять с объёмом передаваемых полномочий. Программная система не становится органом исполнительной власти вследствие высокой степени самостоятельности обработки данных. Компетенция принадлежит установленному публично-правовому субъекту, а программное обеспечение выступает инструментом его деятельности.

Существенное значение имеет поня-

тие человеческого контроля. Недостаточно просто указать в регламенте, что «решение утверждает должностное лицо». Нужно обеспечить ему доступ к существенным исходным сведениям, возможность выявить ошибку и право отклонить алгоритмическую рекомендацию. Когда проверка невозможна по технологическим причинам, это обстоятельство следует учитывать при определении допустимых сфер эксплуатации.

Таким образом, основным критерием дифференциации требований предлагается считать юридическое значение результата, а также вероятность и тяжесть возможного воздействия на права граждан. Один и тот же технологический инструмент может применяться по разным правилам в зависимости от административной функции.

Научные подходы и практика цифровизации публичного управления

С. М. Миронова в работе о цифровых технологиях в финансовой деятельности муниципалитетов рассматривает электронное взаимодействие, налоговый контроль и организационные ограничения цифровизации [1, с. 59–60, 66–72]. Её исследование показывает значение правового и финансового обеспечения внедрения технологий на муниципальном уровне. Применительно к теме настоящей статьи это позволяет поставить вопрос о необходимости согласовывать технические возможности системы с условиями осуществления публичных функций. Такая постановка вопроса является развитием обсуждаемой проблематики, а не приписываемым Мироновой выводом о конкретном административном режиме ИИ.

Другая публикация С. М. Мироновой посвящена использованию информационных технологий для участия граждан в муниципальном бюджетном процессе [2]. Предмет её анализа — открытость бюджетных процедур, общественный контроль и вовлечённость граждан. Для настоящего исследования работа важна как основание для обсуждения прозрачности цифровых публичных процедур; она не заменяет специального исследования правовых условий использования ИИ органами исполнительной власти.

Из этих исследований не следует автоматический вывод о необходимости какого-либо конкретного режима нейросетевых моделей. Такой вывод требует отдельного обоснования с учётом властной природы административных решений. Тем не менее сочетание цифровизации и публичной ответственности выступает методологически значимым направлением анализа.

Практическим примером служит официальное сообщение от 11 сентября 2025 г. о внедрении искусственного интеллекта в систему управления национальными проектами и государственными программами [9]. Согласно сообщению, выявленные системой взаимосвязи направляются на проверку в федеральные органы исполнительной власти, которые могут подтвердить либо отклонить результат. Финальное решение остаётся за человеком. Этот пример иллюстрирует аналитическую поддержку управления и проверку алгоритмических выводов, но не подтверждает существование универсальной процедуры правового допуска ИИ для всех государственных функций.

В сфере работы с обращениями граждан возможны классификация сообщений по тематике, помощь в поиске ответственного подразделения, выявление типовых вопросов. Но Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ сохраняет установленные требования к рассмотрению обращений [10]. Поэтому применение интеллектуального инструмента не должно изменять срок, компетенцию или правовые обязанности органа.

Отдельный риск связан с зависимостью результата от качества исходных данных. Алгоритм, обученный на неполных или устаревших материалах, способен формировать убедительные, но неверные предложения. В публичной администрации это требует нормативно организованной проверки, особенно когда результат влияет на положение конкретного заявителя.

Практическая задача состоит в сохранении проверяемой цепочки действий: от поступления исходной информации до применения результата уполномоченным должностным лицом. Без возможности восстановить эту последовательность затрудняется административный и судебный контроль, а также выяснение причин ошибочного решения.

Организационно-правовые условия внедрения

Внедрение искусственного интеллекта в государственном органе предполагает участие нескольких лиц: заказчика, разработчика, поставщика инфраструктуры,

оператора данных, профильного подразделения и должностных лиц. Их технические и договорные обязанности не совпадают с публичной компетенцией органа. Поэтому необходимо исключить ситуацию, когда участники эксплуатации не могут определить ответственного за использование результатов.

При закупке и внедрении интеллектуальной системы следует документировать функциональные цели, перечень допустимых действий, типы используемых данных, требования к точности и воспроизводимости результатов, порядок обновления программных компонентов и действия при выявлении ошибок. Такая документация не должна подменять предусмотренные законодательством процедуры, но может обеспечить их надлежащее исполнение.

Для юридически значимых применений принципиально наличие журналов событий и возможности восстановить использованный набор входных сведений, версию системы и последовательность проверки результата. При этом хранение такой информации должно быть соразмерно цели и соответствовать требованиям защиты данных и информационной безопасности.

Особое значение имеет подготовка служащих. Формальное знакомство с интерфейсом интеллектуальной системы не обеспечивает способности выявлять ненадёжные результаты. Повышение квалификации должно включать вопросы компетенции органа, защиты персональных данных, проверки выводов алгоритма, документирования и действий при технических сбоях.

Важным организационным условием является периодическая переоценка системы после её существенного обновления. Изменение алгоритма, источников данных или функционального назначения может изменить правовые риски. Поэтому первоначальное решение о вводе в эксплуатацию не следует рассматривать как безусловное и бессрочное подтверждение допустимости любого последующего применения.

Если интеллектуальная система предоставлена внешним поставщиком и её работа недостаточно прозрачна для государственного заказчика, необходимо обеспечить договорное и организационное получение сведений, достаточных для проверки конкретных результатов. Коммерческая тайна и техническая сложность не должны приводить к фактической невозможности рассмотрения жалобы на административное решение.

При этом не каждое ведомство должно самостоятельно создавать полный набор специальных процедур. Целесообразно предусмотреть общие минимальные требования и отраслевую конкретизацию в зависимости от характера функции, вида данных и последствий решений.

Совершенствование административно-правового механизма внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов исполнительной власти

Перспективным направлением представляется предварительная административно-правовая оценка системы до её использования для исполнения государственных функций. Её задача — установить не только работоспособность программного продукта, но и соответствие предполагаемого применения компетенции органа, законодательству и обязательным административным гарантиям. Далее изложены предложения по совершенствованию регулирования, а не перечень уже установленных законом универсальных обязанностей.

Первый этап такого сопровождения — правовое обоснование: определение государственной функции, цели внедрения, нормативного основания, допустимых операций и юридического значения результата. Если правовое основание для определённого применения отсутствует, высокая техническая эффективность не способна устранить этот дефект.

Второй этап — предварительная правовая оценка. Она включает проверку правового режима данных, возможных последствий для граждан, требований к участию должностного лица, доступности процедуры пересмотра и соответствия специальному отраслевому регулированию. Результатом должна становиться мотивированная фиксация допустимого способа использования технологии.

Третий этап — организационное закрепление: утверждение внутреннего порядка эксплуатации, определение ответственных подразделений, правил контроля, документирования и информирования заинтересованных лиц в предусмотренных законом случаях. Наличие технической инструкции не заменяет регламента юридически значимых действий.

Четвёртый этап — апробация и оценка фактической работы системы. Испытания позволяют выявить типовые ошибки, недостатки исходных данных и ситуации, в которых необходим обязательный дополнительный контроль. При наличии специальных юридических условий возможно использование экспериментального правового режима, но лишь в установленном законом порядке.

Пятый этап — эксплуатация и последующий контроль. Он включает периодические проверки, анализ обращений и жалоб, оценку изменений программного обеспечения и возможность приостановления использования системы при выявлении существенных правовых рисков.

Объём предварительной оценки целесообразно дифференцировать. Для обезличенной аналитики, не влияющей непосредственно на положение конкретных лиц, возможен упрощённый порядок. Для систем, применяемых при подготовке отказов, ограничений или иных юридически значимых решений, требуется более детальная проверка.

Предлагаемые этапы следует соотносить с действующими механизмами ведомственного контроля. Необходимость их нормативного закрепления следует обсуждать с учётом существующих механизмов оценки информационных систем и избегания дублирования контрольных требований.

Результаты исследования и заключение

Исследование показывает, что внедрение искусственного интеллекта в органы исполнительной власти представляет собой самостоятельный организационно-правовой процесс. Его содержание не исчерпывается модернизацией программного обеспечения: требуется определить юридические основания использования системы, порядок учёта алгоритмических результатов и распределение обязанностей между участниками.

Обосновано разграничение трёх вариантов применения интеллектуальных технологий — информационно-аналитического, процедурно-вспомогательного и юридически значимого. Такое разграничение позволяет соотнести интенсивность правового контроля с действительным воздействием технологии на публично-правовые отношения.

Предлагается использовать категорию административно-правовой допустимости как характеристику соответствия предполагаемого использования интеллектуальной системы компетенции органа исполнительной власти, обязательной административной процедуре и законодательным гарантиям прав граждан.

В целях совершенствования регулирования целесообразно предусмотреть дифференцированную предварительную правовую оценку, закрепление ответственных подразделений, документирование существенных результатов и периодический контроль после изменения алгоритмов.

При таком подходе технологическое развитие не противопоставляется принципу законности. Искусственный интеллект сохраняет характер инструмента публичной администрации, а юридическое значение и пределы его применения определяются правовыми нормами и компетенцией уполномоченных субъектов.

Список литературы:

[1] Mironova S. The Use of Digital Technologies in the Financial Activities of Municipalities: The Experience of Russia and European Countries // Financial Law Review. 2019. No. 14(2). P. 59–75.

[2] Mironova S. The Use of Information Technologies to Involve Citizens in the Budget Process at the Municipal Level: Experience of Russia and Foreign Countries // Financial Law Review. 2019. No. 15(3). P. 86–104.

[3] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[4] О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 // Официальный интернет-портал правовой информации. 15.02.2024. № опубликования 0001202402150063.

[5] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[6] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Феде-

рации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

[7] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[8] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

[9] Дмитрий Григоренко: Правительство внедрило искусственный интеллект в систему управления нацпроектами // Министерство транспорта Российской Федерации: официальный сайт. 11.09.2025. URL: https://www.mintrans.gov.ru/eye/press-center/branch-news/7733 (дата обращения: 18.10.2026).

[10] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

References:

[1] Mironova S. The Use of Digital Technologies in the Financial Activities of Municipalities: The Experience of Russia and European Countries // Financial Law Review. 2019. No. 14(2). P. 59–75.

[2] Mironova S. The Use of Information Technologies to Involve Citizens in the Budget Process at the Municipal Level: Experience of Russia and Foreign Countries // Financial Law Review. 2019. No. 15(3). P. 86–104.

[3] On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019, No. 490 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.

[4] On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019, No. 490, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation,» and to the National Strategy Approved by This Decree: Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2024, No. 124 // Official Internet Portal of Legal Information. February 15, 2024. Publication No. 0001202402150063.

[5] On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law dated July 27, 2006, No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Art. 3448.

[6] On Personal Data: Federal Law dated July 27, 2006, No. 152-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Art. 3451.

[7] On the Organization of the Provision of State and Municipal Services: Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4179.

[8] On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.

[9] Dmitry Grigorenko: The Government Has Integrated Artificial Intelligence into the National Project Management System // Ministry of Transport of the Russian Federation: Official Website. September 11, 2025. URL: https://www.mintrans.gov.ru/eye/press-center/branch-news/7733 (accessed: October 18, 2026).

[10] On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 19. Art. 2060.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-83-89**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ГРУШИН В.С.,
ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности»,
г. Москва, Россия,
e-mail: vladimirg.sk@bk.ru

Научный руководитель:
ЮДИН А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОВЕРКА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Исследуется порядок проверки судом допустимости доказательств при рассмотрении административных дел по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении пробелов процессуальной регламентации такой проверки и в обосновании предложений по их устранению. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики, включая акты Верховного Суда Российской Федерации 2025 г. и решение регионального суда 2026 г. Показано, что Кодекс закрепляет замкнутую модель допустимости, увязанную с порядком получения сведений, однако не определяет форму, момент и последствия исключения недопустимого доказательства. Обосновано, что при активной роли суда проверка допустимости доказательств, представленных органом публичной власти, составляет обязанность суда, поскольку на этот орган возложено бремя доказывания законности оспариваемого решения. Рассмотрены особенности проверки письменных доказательств, сведений, полученных судом из открытых источников, аудио- и видеозаписей, в том числе с учетом риска синтетических материалов, а также доказательств, основанных на специальных знаниях. Предложено дополнить ст. 61 Кодекса правилами о вынесении мотивированного определения по вопросу о допустимости и о распределении бремени доказывания при исключении доказательства по инициативе суда, а для цифровых записей, представляемых органами власти, предусмотреть обязательную фиксацию сведений об их происхождении.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство, допустимость доказательств, недопустимые доказательства, активная роль суда, бремя доказывания, электронные доказательства, аудиозапись, видеозапись, заключение эксперта.*

GRUSHIN V.S.,
Russian Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
YUDIN A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Russian Academy of Intellectual Property

VERIFICATION OF THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE CASES WITHIN ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

Annotation. *The paper examines how courts verify the admissibility of evidence when*

hearing administrative cases under the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation. The aim is to identify gaps in the procedural regulation of such verification and to substantiate proposals for eliminating them. Formal legal and comparative legal methods are used, together with an analysis of case law, including acts of the Supreme Court of the Russian Federation of 2025 and a regional court decision of 2026. It is shown that the Code establishes a closed model of admissibility linked to the procedure for obtaining information, but does not define the form, timing and consequences of excluding inadmissible evidence. The author argues that, given the active role of the court, verifying the admissibility of evidence submitted by a public authority is a duty of the court, since this authority bears the burden of proving the lawfulness of the contested decision. The paper considers the specifics of verifying documentary evidence, information obtained by the court from open sources, audio and video recordings, including the risk of synthetic materials, and evidence based on special knowledge. It is proposed to supplement Article 61 of the Code with rules on issuing a reasoned ruling on admissibility and on allocating the burden of proof where evidence is excluded on the court's own initiative, and to require public authorities to record information on the origin of the digital recordings they submit.

Key words: *administrative court proceedings, admissibility of evidence, inadmissible evidence, active role of the court, burden of proof, electronic evidence, audio recording, video recording, expert opinion.*

Введение

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) действует более десяти лет, и за это время сложилась обширная практика рассмотрения споров граждан и организаций с органами публичной власти [1]. Исход такого спора во многом определяется тем, на каких доказательствах суд строит свои выводы. Конституция Российской Федерации запрещает при осуществлении правосудия использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50) [2], а КАС РФ развивает это положение в ч. 3 ст. 59 и ст. 61. Проверка допустимости поэтому образует обязательный этап судебного познания, от которого зависит законность итогового решения.

Актуальность темы связана с двумя обстоятельствами. Первое из них коренится в самой природе административного спора: гражданину противостоит орган власти, располагающий документами и собственными информационными системами, и доказательства, на которых строится его позиция, нередко созданы им же в ходе административной процедуры. Второе обстоятельство обусловлено цифровизацией. Суд получил право самостоятельно получать сведения из открытых источников (ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ) [1]. Одновременно развитие генеративных технологий ставит под сомнение подлинность аудио- и видеоматериалов, которые стороны представляют в обоснование своей позиции.

Вопросы допустимости доказательств в административном судопроизводстве затрагивались в литературе с момента принятия Кодекса. Еще в 2017 г. М. А. Фокина обратила внимание на слабую проработку процедуры исключения недопустимых доказательств [3]. Из работ последних лет выделим сравнительный анализ доказательственных норм процессуальных кодексов, выполненный Н. А. Быданцевым и В. В. Кониным [4], и исследование И. Н. Спицина, в котором допустимость рассматривается во взаимосвязи с активностью суда и состязательностью [5]. Подлинности цифровых записей посвящены статьи О. А. Степанова и Д. А. Басангова [6], Е. А. Наховой, Д. В. Волкова и Л. А. Красиковой [7]; к недопустимости сведений, полученных с помощью полиграфа, пришли П. Д. Шкурова, М. М. Зубович и Е. Г. Томбулова [8]. При этом работ, посвященных именно процедуре проверки допустимости по административным делам с учетом практики последних лет, по-прежнему немного.

Цель, задачи и методы исследования

Цель статьи – выявить особенности проверки допустимости доказательств по административным делам и предложить меры по совершенствованию ее процессуального регулирования. Для ее достижения поставлены следующие задачи: определить содержание нормативной модели допустимости в КАС РФ; установить, как на проверку допустимости влияют активная роль суда и распределение бремени доказывания; про-

анализировать проверку отдельных видов доказательств, прежде всего письменных, цифровых и основанных на специальных знаниях; сформулировать предложения по изменению Кодекса.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, использованный для толкования норм КАС РФ, и сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы различных процессуальных кодексов. Эмпирической базой послужили акты Верховного Суда Российской Федерации 2025 г. и решение регионального суда 2026 г. [9; 10; 11].

Нормативная модель допустимости доказательств в КАС РФ

Исходным для проверки допустимости служит определение доказательств в ч. 1 ст. 59 КАС РФ. Доказательствами признаются сведения о фактах, полученные в порядке, предусмотренном Кодексом и другими федеральными законами [1]. Законодатель связывает допустимость с процедурой получения сведений, тогда как их содержание оценивается по иным критериям. Часть 3 той же статьи лишает юридической силы доказательства, полученные с нарушением федерального закона, и запрещает класть их в основу решения суда.

Статья 61 КАС РФ конкретизирует эти положения. Доказательства допустимы, если отвечают требованиям ст. 59 Кодекса, а обстоятельства, которые по закону должны подтверждаться определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами (ч. 1). Суд признает доказательства недопустимыми по письменному ходатайству лица, участвующего в деле, или по собственной инициативе (ч. 2), причем бремя доказывания обстоятельств, на которых основано ходатайство об исключении доказательства, возлагается на лицо, его заявившее (ч. 3) [1].

Место этого института в доказательственном праве подчеркивается в литературе. Н. А. Быданцев и В. В. Конин пишут: «Существенным в доказательственном праве является вопрос допустимости доказательств» [4, с. 18]. Анализируя технику изложения процессуальных норм, они отмечают: «Каждый процессуальный кодекс содержит определение допустимости доказательства через ее противоположность» [4, с. 18]. Определение допустимого доказательства в КАС РФ авторы называют замкнутым, поскольку оно целиком отсылает к требованиям ст. 59 Кодекса [4, с. 18]. С этой оценкой следует согласиться. Замкнутая модель дает суду ясный ориентир: доказательство допустимо, когда известен его источник и соблюден порядок его получения.

Допустимость выполняет фильтрующую функцию, которую нельзя смешивать с оценкой достоверности. И. Н. Спицин формулирует это положение так: «Допустимость – формальный, а не содержательный критерий отбора фактов при рассмотрении дела» [5, с. 46]. Сведения, правдивость которых не вызывает сомнений, подлежат исключению, если получены с нарушением закона. Для административного судопроизводства этот вывод имеет особое значение. Значительная часть доказательств создается органом власти в ходе административной процедуры, и нарушение порядка такой процедуры прямо отражается на допустимости собранных им материалов.

Наиболее слабым звеном нормативной модели остается процедура исключения недопустимого доказательства. М. А. Фокина указывала, что ч. 3 ст. 61 КАС РФ регулирует распределение бремени доказывания лишь для случая, когда исключения добивается сторона, и оставляет открытым вопрос о том, кто доказывает основания недопустимости, если вопрос поставлен по инициативе суда; для восполнения пробела автор предлагала дополнить эту норму [3]. Действующая редакция ст. 61 Кодекса этот пробел не устранила. Кодекс по-прежнему не определяет ни процессуальную форму, в которой суд разрешает вопрос о допустимости, ни момент, с которого доказательство утрачивает юридическую силу.

Последствия пробела видны в правоприменении. По делу об оспаривании решения бюджетного учреждения об установлении кадастровой стоимости земельного участка в размере его рыночной стоимости административный истец заявил ходатайство о признании заключения судебной экспертизы недопустимым доказательством. Мотивы отказа в нем Кемеровский областной суд изложил в решении по существу спора, указав, что не находит оснований, предусмотренных ст. 61 КАС РФ, и оценив заключение по правилам ст. 82 и 84 Кодекса, тогда как отказ в назначении повторной экспертизы был мотивирован в протоколе судебного заседания [11]. Такой подход закону не противоречит,

однако до окончания разбирательства стороны не знают, какие доказательства суд считает пригодными, и лишены возможности своевременно скорректировать позицию. Полагаем, что ходатайство об исключении доказательства должно разрешаться до окончания исследования доказательств с вынесением определения, в котором приводятся мотивы принятого решения.

Активная роль суда и бремя доказывания при проверке допустимости

Специфика административного судопроизводства выражается в принципе состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6 КАС РФ). Согласно ч. 2 ст. 14 Кодекса суд принимает меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе выявляет и истребует доказательства по собственной инициативе [1]. По делам об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов, наделенных публичными полномочиями, обязанность доказывания их законности возлагается на соответствующий орган, а административный истец должен указать, каким актам противоречит оспариваемое решение, и подтвердить нарушение своих прав (ч. 2 ст. 62 КАС РФ) [1].

Активность суда не устраняет состязательности. И. Н. Спицин указывает: «Сама по себе активность суда не означает отмену состязательности» [5, с. 47]. По мнению автора, активность оправдана тогда, когда она служит реальному равенству сторон и защите более слабой из них [5, с. 48]. Из этого вытекает вывод о распределении ролей при проверке допустимости. Если доказательство представлено органом власти, на котором лежит бремя доказывания законности решения, суд обязан по собственной инициативе убедиться в соблюдении порядка его получения. Если сомнение касается доказательства, представленного гражданином, суду достаточно реагировать на доводы процессуального оппонента и разрешать заявленные им ходатайства.

Нормативной опорой такого подхода служит ч. 5 ст. 84 КАС РФ. При оценке документов или иных письменных доказательств суд обязан с учетом других доказательств убедиться в том, что они исходят от органа, уполномоченного представлять данный вид доказательств, подписаны лицом, имеющим право на подписание документа, и содержат все неотъемлемые реквизиты [1]. Формально эта норма относится к оценке доказательств, однако по существу она описывает проверку допустимости письменного доказательства, исходящего от публичного субъекта.

Практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что пассивность в проверке доказательств влечет отмену судебных актов. По делу об оспаривании решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранной гражданке Судебная коллегия по административным делам отменила акты трех инстанций и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не установили обстоятельства, необходимые для оценки соразмерности ограничения, и не проверили сведения, на которые ссылалась административная истица, в том числе о содержании ее и детей супругом за счет законного заработка [9]. Показательно, что отменены были решения, принятые в пользу гражданина. Активная роль суда требует проверки доказательств независимо от того, какой из сторон они выгодны.

Письменные и цифровые доказательства

К письменным доказательствам ч. 1 ст. 70 КАС РФ относит, помимо прочего, документы и материалы, выполненные в форме цифровой и графической записи, полученные посредством электронной связи, в том числе через сеть «Интернет», либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа [1]. Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии, а подлинники требуются, когда закон предписывает подтверждать обстоятельства только такими документами или когда копии одного документа различаются по содержанию (ч. 2, 3 ст. 70 КАС РФ) [1]. Законодатель связывает допустимость цифрового документа с возможностью установить его достоверность, и граница между двумя свойствами доказательства здесь размывается. Для суда это означает необходимость выяснять способ получения файла уже при решении вопроса о его приобщении.

Новым инструментом стала ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ. Суд вправе самостоятельно получать необходимые сведения из открытых источников, в том числе из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов власти

и местного самоуправления. Председательствующий объявляет об этом лицам, участвующим в деле, сведения приобщаются к материалам дела в зависимости от их формы, а стороны вправе оспорить их достоверность и представить доказательства [1]. Полагаем, что допустимость таких сведений требует фиксации в материалах дела адреса ресурса, даты и времени обращения к нему, иначе вышестоящая инстанция не сможет проверить их происхождение. Норма не решает вопроса о сведениях из неофициальных источников, например из социальных сетей. Самостоятельное получение таких сведений судом рискует превратить его в сторону спора, поэтому обнаруженная информация, на наш взгляд, может служить лишь поводом для истребования доказательств у лиц, участвующих в деле.

Аудио- и видеозаписи выделены в КАС РФ в самостоятельный вид доказательств (ч. 2 ст. 59) [1]. Исследуя использование записей в цивилистическом процессе, Е. А. Нахова, Д. В. Волков и Л. А. Красикова справедливо указывают: «Вопрос допустимости аудио- и видеозаписей тесно связан с законностью их происхождения» [7, с. 53]. Авторы формулируют и минимальное условие принятия записи: «Данное доказательство не может быть принято в качестве такового, если не установлены его авторство и целостность» [7, с. 53].

Развитие генеративных технологий делает это условие недостаточным. О. А. Степанов и Д. А. Басангов предлагают дополнить стандарт доказывания проверяемой цепочкой происхождения цифрового объекта, подтвержденной метаданными, хеш-суммами и отметками времени, а при ее отсутствии считать материал потенциально сгенерированным и не класть его в основу решения без подтверждения другими доказательствами, сохраняя за судом окончательную оценку [6, с. 202–203]. Преимущество предложения авторы видят в его процедурном характере: «Предлагаемый новый элемент стандарта доказывания не потребует от судей и экспертов технических знаний» [6, с. 203].

В административном судопроизводстве эту идею целесообразно применять с учетом неравенства сторон. Органы власти располагают техническими средствами фиксации и несут бремя доказывания законности своих решений, поэтому для представляемых ими записей обязательность сведений о происхождении вполне оправданна. Для гражданина столь строгое требование было бы чрезмерным. При обоснованных сомнениях в подлинности его записи суд, реализуя активную роль, может назначить экспертизу или истребовать исходный файл и сведения о его создании у оператора связи либо владельца информационной системы.

Доказательства, основанные на специальных знаниях

Особые трудности вызывает проверка допустимости доказательств, основанных на специальных знаниях. П. Д. Шкурова, М. М. Зубович и Е. Г. Томбулова, проанализировав требования научной обоснованности, объективности и полноты исследования, приходят к выводу: «Заключение полиграфолога не соответствует ни одному из названных требований» [8, с. 132]. Использование таких сведений авторы считают вторжением в исключительную компетенцию суда: «Подобная подмена оценки доказательств судом оценкой техническими специалистами совершенно неприемлема» [8, с. 132]. Хотя авторы анализируют главным образом гражданские и арбитражные дела, их аргументация опирается в том числе на ст. 59 и 84 КАС РФ и в полной мере применима к административному судопроизводству.

Допустимость заключения эксперта зависит и от правомочий организации, которой поручено исследование. В Обзоре судебной практики № 2 (2025) Верховный Суд Российской Федерации указал, что независимая военно-врачебная экспертиза может быть поручена только медицинской организации, имеющей лицензию на медицинскую деятельность, которая предусматривает выполнение работ по проведению такой экспертизы; в рассмотренном деле сведения о лицензии экспертной организации содержали расхождения, которые нижестоящие суды не проверили (п. 37, кассационное определение от 29 января 2025 г. № 49-КАД24-22-К6) [10]. Правомочие субъекта, создавшего доказательство, входит в предмет проверки допустимости, и формального наличия документа для вывода о ней недостаточно.

Изложенное позволяет разграничить основания, по которым стороны оспаривают заключения экспертов. Нарушение порядка назначения и проведения экспертизы, вклю-

чая непредупреждение эксперта об уголовной ответственности, а равно отсутствие у экспертной организации необходимых правомочий относятся к допустимости и влекут исключение заключения. Несогласие с методикой и выводами эксперта касается достоверности и разрешается назначением дополнительной или повторной экспертизы по правилам ст. 83 КАС РФ [1]. Смешение этих оснований затрудняет мотивировку судебных актов, и его преодолению могли бы способствовать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. КАС РФ закрепляет замкнутую модель допустимости доказательств, при которой пригодность сведений определяется порядком их получения. Допустимость носит формальный характер и не совпадает с достоверностью, поэтому суд обязан исключать доказательства, полученные с нарушением закона, даже если их содержание не вызывает сомнений.

Процедура проверки допустимости урегулирована неполно. Предлагается дополнить ст. 61 КАС РФ частью 4 следующего содержания: «Вопрос о допустимости доказательства разрешается судом до окончания исследования доказательств, о чем выносится определение с указанием мотивов. Если вопрос о допустимости доказательства поставлен по инициативе суда, суд выносит его на обсуждение лиц, участвующих в деле, а обязанность доказать соблюдение порядка получения доказательства возлагается на лицо, его представившее». В отличие от ранее высказанного в литературе предложения возложить это бремя на суд, такое правило не ставит суд в положение стороны и сохраняет состязательность.

В условиях активной роли суда проверка допустимости доказательств, представленных органом публичной власти, становится обязанностью суда. Ее нормативной опорой служат ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 62 и ч. 5 ст. 84 КАС РФ, а практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что непроверенные доказательства не могут служить основой решения, кому бы из сторон оно ни было выгодно.

Для цифровых доказательств предлагается фиксировать в материалах дела источник, дату и время получения судом сведений по ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ, а для аудио- и видеозаписей, представляемых органами власти, требовать сведения об их происхождении. Применительно к заключениям экспертов необходимо последовательно разграничивать процессуальные дефекты, влекущие недопустимость, и сомнения в обоснованности выводов, которые устраняются дополнительной или повторной экспертизой. Принятие предложенных изменений позволит сторонам заранее знать, какие доказательства суд положит в основу решения, а вышестоящим инстанциям проверять обоснованность исключения доказательств по материалам дела.

Список литературы:

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 04.07.2020.

[3] Фокина М. А. Доказывание в административном судопроизводстве: проблемы эффективности правового регулирования // Современное право. 2017. № 3. С. 75–79.

[4] Быданцев Н. А., Конин В. В. Доказательственное право в российском законодательстве: анализ явления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25. № 4. С. 14–21.

[5] Спицин И. Н. Принцип объективной истины в современном цивилистическом процессе: к вопросу о научной состоятельности идеи // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 42–53.

[6] Степанов О. А., Басангов Д. А. Технология «дипфейк»: трансформация стандартов доказывания в судопроизводстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 2. С. 188–213.

[7] Нахова Е. А., Волков Д. В., Красикова Л. А. К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, возникающим из семейных правоотношений // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 49–62.

[8] Шкурова П. Д., Зубович М. М., Томбу-

лова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 128–133.

[9] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2025 г. № 4-КАД25-15-К1 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/teiMqPZ6Lii/ (дата обращения: 28.10.2026).

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34521 (дата обращения: 28.10.2026).

[11] Решение Кемеровского областного суда от 16 февраля 2026 г. по делу № 3а-7/2026 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2KjKT5hUMWgw/ (дата обращения: 28.10.2026).

References:

[1] Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. December 25, 1993; Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). July 4, 2020.

[3] Fokina M. A. Proving in Administrative Judicial Procedure: Issues Regarding the Effectiveness of Legal Regulation // Sovremennoye Pravo (Modern Law). 2017. No. 3. pp. 75–79.

[4] Bydantsev N. A., Konin V. V. The Law of Evidence in Russian Legislation: An Analysis of the Phenomenon // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2025. Vol. 25. No. 4. pp. 14–21.

[5] Spitsin I. N. The Principle of Objective Truth in Modern Civil Litigation: On the Scientific Validity of the Concept // Russian Law: Education, Practice, Science. 2025. No. 1. pp. 42–53.

[6] Stepanov O. A., Basangov D. A. «Deepfake» Technology: The Transformation of Evidentiary Standards in Judicial Proceedings // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19. No. 2. pp. 188–213. [7] Nakhova E. A., Volkov D. V., Krasikova L. A. On the Use of Audio and Video Recordings as Evidence in Cases Arising from Family Law Relations // Leningrad Legal Journal. 2024. No. 1 (75). pp. 49–62.

[8] Shkurova P. D., Zubovich M. M., Tombulova E. G. Information Obtained via Polygraph as Inadmissible Evidence in Civil and Administrative Proceedings of the Russian Federation // Siberian Legal Review. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 128–133.

[9] Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2025, No. 4-KAD25-15-K1 // SudAkt: Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/teiMqPZ6Lii/ (accessed: October 28, 2026).

[10] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025) // Supreme Court of the Russian Federation: Official Website. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34521 (accessed: October 28, 2026).

[11] Decision of the Kemerovo Regional Court dated February 16, 2026, in Case No. 3a-7/2026 // SudAkt: Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2KjKT5hUMWgw/ (accessed: 28.10.2026).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-90-95**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

КОМЯГИН Роман Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
e-mail: roman.komyagin@mail.ru

СТАРОДУБЦЕВ Евгений Эдуардович,
студент 5 курса Института прокуратуры
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
e-mail: starodubtzeff.evgeny2017@yandex.ru

ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАБОТ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЩЕГО И СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ

Аннотация. *В данной работе рассматриваются вопросы разграничения составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ и вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей – ч. 2 ст. 216 и ч. 2 ст. 109 УК РФ соответственно. Автором определены родовые признаки «иных работ», указанных в диспозиции к ст. 216 УК РФ.*

Ключевые слова: *причинение смерти по неосторожности, правила безопасности, ведение строительных и иных работ, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.*

KOMYAGIN Roman Alexandrovich,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

STARODUBCEV Evgeny Eduardovich,
5th year student at the Institute of Public Prosecutor's Office
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

CAUSING DEATH BY NEGLIGENCE WHEN PERFORMING SPECIAL WORK AND CARRYING OUT PROFESSIONAL ACTIVITIES: PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN GENERAL AND SPECIAL COMPOSITIONS

Annotation. *This paper examines the issues of delineating the types of crimes that criminalize death due to negligence due to violations of safety rules during construction and other work and due to improper performance of professional duties – Part 2 of art. 216 and Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code, respectively, the author identifies the generic characteristics of other work assumed by the disposition of art. 216 THE Criminal Code of*

the Russian Federation.

Key words: *causing death by negligence, safety rules, construction and other work, improper performance of professional duties.*

Российский уголовный закон устанавливает своим приоритетом правовую охрану наиважнейшего и неотъемлемо принадлежащего человеку блага – его жизни, как от умышленных, так и неосторожных посягательств, в том числе и сопряженных с нарушением требований в той или иной профессиональной деятельности.

Базисная правовая норма, устанавливающая уголовную ответственность за неосторожное причинение смерти лицом при исполнении своих профессиональных обязанностей, нашла свое законодательное закрепление в ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Но вместе с тем уголовная ответственность за неосторожное посягательство на жизнь, сопряженное с ненадлежащим исполнением специальных правил и (или) выполнением работ, предусмотрена и иными нормами уголовного закона, среди которых, в частности, положения ч. 2 ст. 216 УК РФ - нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Стоит отметить, что правоприменительная практика обнаруживает сложности разграничения составов преступлений, предусмотренных положениями ст. 109 и 216 УК РФ, при квалификации действий, сопряженных с нарушением, ненадлежащим исполнением или неисполнением профессиональных обязанностей, специальных требований производственной деятельности или правил безопасности при осуществлении работ или иной профессиональной деятельности.

Отдельные вопросы применения положений ч. 2 ст. 216 УК РФ нашли свое отражение в официальной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ), изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – ПП ВС РФ от 29.11.2018 № 41) [2].

Указанный акт представил судам общей юрисдикции четкие критерии разграничения составов преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 216, ч. 2 ст. 143 и ч. 2 ст. 217 УК РФ, указав на исключительные признаки последних двух преступлений (признаки специального субъекта преступления и потерпевших либо отнесение определенного производства к опасным производственным объектам – п. 4, 5 ПП ВС РФ от 29.11.2018 № 41), но вместе с тем проигнорировал вопросы разграничения ч. 2 ст. 216 и ст. 109 УК РФ.

Согласно диспозиции ст. 216 УК РФ, уголовная ответственность наступает за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, повлекшее преступные последствия сообразно ч. 1 - 3 указанной статьи. Ключевым признаком данного состава преступления, исходя из анализа приведенной нормы, выступают объективные обстоятельства нарушения правил безопасности, а именно – ведение строительных и иных работ.

Но причинение смерти вследствие нарушения специальных требований определенного рода деятельности или неисполнения каких-либо профессиональных обязанностей, не предусмотренное вышеуказанной (ст. 216 УК РФ) и иными специальными уголовно-правовыми нормами (например, ст. 124, 143, 217, 264 УК РФ и др.), подлежит квалификации сообразно положениям ч. 3 ст. 17 УК РФ в соответствии с общей нормой, то есть ст. 109 УК РФ.

Так, в соответствии с приговором Лебедянского районного суда Липецкой области, гражданин признан виновным в неосторожном посягательстве на жизнь [3]. Указанное лицо, осуществляя погрузку деревянных поддонов при помощи гидравлического крана-манипулятора на базе грузового автомобиля, не убедившись в безопасности своих действий, понимая, что осуществляет работы на участке местности, где проходит высоковольтная линия электропередачи, допустил приближение телескопической стрелы крана к проводникам. Попав элементом металлоконструкции в зону электрического поля, стропы, прикрепленные к указанной стреле крана, явились проводником электрического разряда, который и поразил

потерпевшую, находившуюся в непосредственной близости от электропроводника.

Фактические обстоятельства указывают на нарушение обвиняемым правил безопасности при осуществлении погрузочных работ, вместе с тем повлекшее причинение смерти другому человеку. И, казалось бы, указанные объективные и субъективные признаки преступления предусматриваются именно положениями ч. 2 ст. 216 УК РФ, но действия виновного были квалифицированы в соответствии с ч. 1 ст. 109 УК РФ как «общеуголовное» причинение смерти по неосторожности.

Причиной тому, как представляется нам, явилась характеристика выполняемых обвиняемым работ.

Понятие работ, указанных в ст. 216 УК РФ, их родовые и видовые признаки ни в уголовным законе, ни в позициях Верховного Суда РФ не нашли своего закрепления. В этой связи, Л.Г. Мачковский отмечал, что «ст. 216 не дает оснований для ограничения пределов действия нормы» [4]. Также Д.Ю. Вешняков указывал на то, что «вывод об отсутствии в составе преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, ограничений по видам работ, при ведении которых были нарушены правила безопасности, уводит нас в бессистемность сферы его применения» [5]. Указанные исследователями обстоятельства и лежат в основе проблемы точного разграничения деяний, сопряженных с нарушением требований безопасности при проведении работ или с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей, в том числе и по обеспечению безопасности осуществляемой производственной и иной хозяйственной деятельности.

Указанные авторские позиции не утратили своей актуальности и в настоящее время, даже в свете разъяснений ПП ВС РФ от 29.11.2018 № 41. Некоторые исследователи, например, А.А. Наумов, предлагали разрешением указанной проблемы нормативное закрепление закрытого перечня работ, охватываемых конструкцией ст. 216 УК РФ [6]. Но указанное предложение представляется нам несостоятельным в той части, в какой установление подобного перечня заведомо не сможет конкретно обозначить все виды работ, неисполнение правил безопасности при осуществлении которых может повлечь общественно-опасные последствия, ввиду их неопределенной множественности и динамичной изменчивости.

Так, оптимальным методом разрешения указанной проблемы, по нашему мнению, выступает определение родовых признаков данных работ. И.М. Тяжкова считала необходимым под «иными работами» наряду со строительными в целях ст. 216 УК РФ понимать «любые работы, характеризующиеся повышенным уровнем возможности причинения вреда и поэтому самым тщательным образом регламентированные специальными правилами» [7]. Безусловно, обозначенные исследователем признаки достаточно полно характеризуют рассматриваемое явление, однако не позволяют исключить проблему уголовно-правовой оценки в условиях схожести объективных и субъективных признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 216 и ч. 1 и 2 ст. 109 УК РФ.

Левобережный районный суд г. Липецк признал гражданина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, то есть в нарушении правил безопасности при ведении иных работ, повлекшем по неосторожности смерть человека [8].

В ходе судебного разбирательства были установлены следующие юридически значимые для уголовно-правовой оценки деяния А. обстоятельства, характеризующие объективные признаки иных работ:

- гр. А. вступил в должность машиниста крана на основании приказа его работодателя - генерального директора коммерческой организации, осуществлявшей данные работы в рамках профессиональной предпринимательской деятельности, и был подчинен специальной должностной инструкции;
- гр. А. в момент совершения преступного деяния был допущен к работе на основании распоряжения начальника своего структурного подразделения в соответствии со ст. 154 Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности (утв. приказом Ростехнадзора от 12.11.2013 №533);
- за гр. А. был закреплен исправный автомобильный кран, специально предназначенный для типа выполняемых работ;
- гр. А. обладал необходимой профессиональной квалификацией: был обучен правилам и порядку производства работ, имел удостоверение машиниста автомобильного крана, проходил повторную про-

верку знаний, имел право самостоятельной работы;

• организация и осуществление работ, выполняемых гр. А., имели специальную нормативно-техническую и правовую регламентацию, в том числе и по обеспечению их безопасности.

Подобные признаки организации и осуществления работ, нарушение требований безопасности которых повлекло причинение смерти по неосторожности, выступали для Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республика Бурятия и других судов общей юрисдикции определяющими в контексте квалификации производственной деятельности как строительных и иных работ в смысле ст. 216 УК РФ [9; 10; 11; 12].

Так, анализ практики судов общей юрисдикции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 216 УК РФ, позволил выявить родовые характеристики полагаемых указанной нормой уголовного закона работ, позволяющие произвести отграничение от иной любой деятельности, сопряженной с исполнением профессиональных обязанностей и охватываемой ч. 2 ст. 109 УК РФ.

К таковым родовым признакам строительных и иных работ в целях ст. 216 УК РФ относятся:

1. Устоявшийся правовой статус строительных и иных работ как формы производственной деятельности:

1.1. санкционирование или наличие иного правового основания проведения работ (производственные мероприятия в рамках комплексного плана развития территорий, осуществление работ в рамках гражданско-правового подряда, разрешение контролирующих или курирующих органов публичной власти на производство конкретных работ, осуществление работ в рамках профессиональной хозяйственно-экономической деятельности на постоянной основе и т.д.);

1.2. правовая и техническая регламентация проведения работ – наличие установленных юридических и технических требований к организации, порядку проведения и качеству работ, наличие требований производственной безопасности;

2. Устоявшийся правовой статус хозяйствующего субъекта, осуществляющего данные работы:

2.1. наличие законной организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта, осуществляющего данные работы - коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели, образованные и зарегистрированные в предусмотренном гражданском законодательством порядке;

2.2. соблюдение требований о лицензировании, аккредитации или иных государственно-разрешительных процедур к осуществлению того или иного вида работ – производственной деятельности;

2.3. соблюдение принципа профессионализма хозяйствующего субъекта в сфере соответствующей производственной деятельности;

2.4. наличие системы трудовых отношений с лицами, выполняющими производственно-рабочие функции, наличие и соблюдение квалификационных требований к указанным лицам, осуществление работ указанными лицами на основании допуска, наряда или иного локального акта работодателя;

2.5. наличие квалифицированного организационно-управленческого штаба по организации и проведению работ, представленного ответственными лицами – например, мастерами участков, бригадирами, уполномоченными по охране труда, инженерами по организации производства и технике безопасности и иными властными лицами, управляющими производственными процессами на местах;

3. Материально-технические база, оснащение и организация работ:

3.1. наличие специальной техники и технических устройств (инструментов и оборудования), их соответствие требованиям целевого использования и безопасности применения;

3.2. организация места и обстановки производственной деятельности сообразно видам осуществляемых работ;

4. Наличие потенциальной возможности причинения вреда жизни и здоровью или наступления иных тяжких последствий в отношении неопределенного круга лиц при несоблюдении правил безопасности тех или иных работ – реальная возможность посягательства на общественную безопасность, сопряженное с ведением указанных работ.

По нашему мнению, данные положения в целях совершенствования практики при-

менения положений уголовного закона о преступлениях, сопряженных с нарушением специальных требований и предписаний при осуществлении производственных работ или ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей, в свете проблемного разграничения смежных составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 109 УК РФ, должны найти свое закрепление в официальной правовой позиции высшей судебной инстанции, изложенной в ПП ВС РФ от 29.11.2018 № 41, дополнив данный акт толкования п. 8.1 следующего содержания: «Обратить внимание судов на то, что строительные и иные работы по смыслу положений ст. 216 УК РФ должны обладать признаками устоявшегося правового статуса данных работ как формы производственной деятельности; устоявшегося правового статуса хозяйствующего субъекта, осуществляющего данные работы; материально-технической базы оснащения и организации работ; наличия потенциальной возможности причинения вреда жизни и здоровью или наступления иных тяжких последствий в отношении неопределенного круга лиц при несоблюдении правил безопасности».

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. Ст. 2954.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» //Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 1. – 2019.

[3] Приговор Лебедянского районного суда Липецкой области №1-31/2026 от 25.03.2026 // Документ опубликован не был.

[4] Мачковский Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 319.

[5] Вешняков Д.Ю. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2013. С. 139.

[6] Наумов А.А. Проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ // СибСкрипт. 2015. №2-2 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razgranicheniya-sostavov-prestupleniy-predusmotrennyh-st-143-i-216-uk-rf (дата обращения: 12.03.2026).

[7] Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. М.: Юридический центр, 2002. С. 239-240.

[8] Приговор № 1-120/2018 от 25 ноября 2018 г. по делу № 1-120/2018 / [Электронный ресурс] // СудАкт.ру : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/J07rOTIBvZgl/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 19.10.2026).

[9] Приговор № 1-309/2025 от 17 августа 2025 г. по делу № 1-309/2025 / [Электронный ресурс] // СудАкт.ру : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/0KNJgB2QsClW/?page=6&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 19.10.2026).

[10] Апелляционное постановление № 10-18328/2025 от 16 сентября 2025 г. по делу № 01-0020/2025 / [Электронный ресурс] // СудАкт.ру : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/JQKAbfmpZAoH/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 19.10.2026).

[11] Апелляционное постановление № 22-7505/2025 от 22 сентября 2025 г. по делу № 1-831/2025 / [Электронный ресурс] // СудАкт.ру : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/3XZk1jPcqw6w/?regular-txt=&regular-case (дата обращения: 19.10.2026).

[12] Приговор № 1-165/2019 от 29 августа 2019 г. по делу № 1-165/2019 / [Электронный ресурс] // СудАкт.ру : [сайт]. — URL: hhttps://sudact.ru/regular/doc/dfeXeSXsu2ZV/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 19.10.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. Art. 2954.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

No. 41 of November 29, 2018, «On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Violations of Occupational Health and Safety Requirements, Safety Rules During Construction or Other Work, or Industrial Safety Requirements at Hazardous Production Facilities» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – No. 1. – 2019.

[3] Judgment of the Lebedyansky District Court of the Lipetsk Region No. 1-31/2026 dated March 25, 2026 // Document not published.

[4] Machkovsky L.G. Crimes Against the Constitutional Rights of Man and Citizen: Theoretical and Practical Issues of Legal Regulation: Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2005. P. 319.

[5] Veshnyakov D.Yu. Criminal Law Protection of Occupational Safety in the Russian Federation: Candidate Dissertation (Law). St. Petersburg, 2013. P. 139.

[6] Naumov A.A. Issues Regarding the Differentiation of Offenses Under Articles 143 and 216 of the Criminal Code of the Russian Federation // SibScript. 2015. No. 2-2 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razgranicheniya-sostavov-prestupleniy-predusmotrennyh-st-143-i-216-uk-rf (accessed: 12.03.2026).

[7] Tyazhkova I.M. Negligent Crimes Involving Sources of Increased Danger. Moscow: Yuridicheskiy Tsentr, 2002. pp. 239–240.

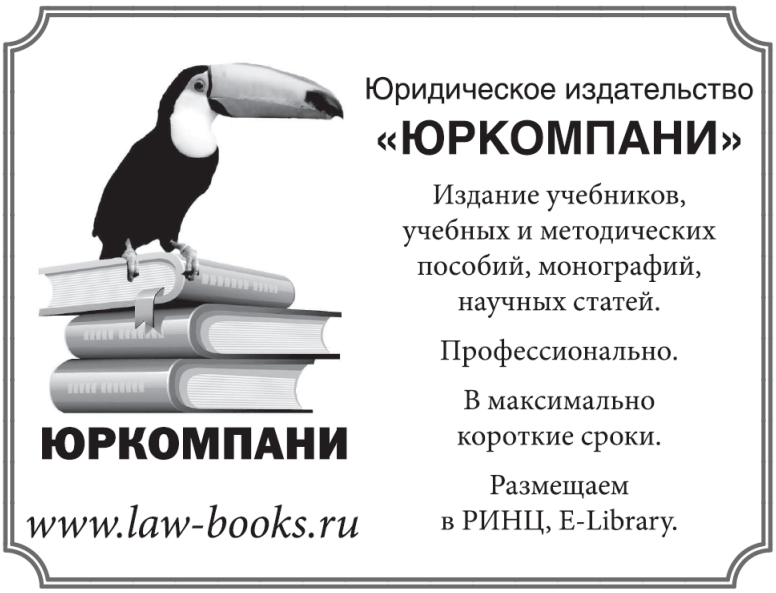
[8] Judgment No. 1-120/2018 dated November 25, 2018, in case No. 1-120/2018 / [Electronic resource] // SudAkt.ru : [website]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/J07rOTIBvZgl/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (accessed: 19.10.2026).

[9] Judgment No. 1-309/2025 dated August 17, 2025, in case No. 1-309/2025 / [Electronic resource] // SudAkt.ru : [website]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/0KNJgB2QsClW/?page=6&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (accessed: 19.10.2026).

[10] Appellate Ruling No. 10-18328/2025 dated September 16, 2025, in case No. 01-0020/2025 / [Electronic resource] // SudAkt.ru : [website]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/JQKAbfmpZAoH/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (accessed: 19.10.2026).

[11] Appellate Ruling No. 22-7505/2025 dated September 22, 2025, in case No. 1-831/2025 / [Electronic resource] // SudAkt.ru : [website]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/3XZk1jPcqw6w/?regular-txt=&regular-case (accessed: 19.10.2026).

[12] Judgment No. 1-165/2019 dated August 29, 2019, in case No. 1-165/2019 / [Electronic resource] // SudAkt.ru : [website]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/dfeXeSXsu2ZV/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (accessed: 19.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-96-103**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ПРЯДКИН Андрей Андреевич,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 272.1 УК РФ: НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ НУЖДЫ»

Аннотация. *Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен статьей 272.1, предусматривающей ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а также за создание информационных ресурсов, предназначенных для её незаконного оборота.*

Применение указанной нормы ограничено примечанием 1, исключающим обработку персональных данных физическими лицами для личных и семейных нужд. В настоящее время указанная формулировка носит оценочный характер, поскольку формально содержание этого понятия не раскрыто ни в уголовном законе, ни в Федеральном законе «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (далее – Закон № 152-ФЗ).

Целью настоящего исследования является устранение правовой неопределенности, возникшей ввиду отсутствия нормативного определения понятия «личные и семейные нужды».

В статье обосновывается недопустимость использования аналогии права и аналогии закона в уголовно-правовой сфере, вследствие чего предлагаются альтернативные правовые механизмы. Автор проводит критический анализ конструкции статьи 272.1 УК РФ и генезиса примечания к ней, рассматривает опыт правового регулирования в Европейском союзе и определяет основные риски правоприменительной практики.

Ключевые слова: *компьютерная информация, киберпреступление, киберпреступность, персональные данные, неправомерный доступ к персональным данным.*

PRYADKIN Andrey Andreevich,
student at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

PROBLEMS OF APPLYING THE NOTE TO ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: UNCERTAINTY OF THE CONCEPT OF 'PERSONAL AND FAMILY NEEDS'

Annotation. *By Federal Law No. 421-FZ dated November 30, 2024, the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code) was supplemented with Article 272.1, which provides for liability for the unlawful use, transfer, collection and storage of computer information containing personal data, as well as for the creation of information resources intended for its illegal circulation.*

The application of this provision is limited by Note 1, which excludes the processing of personal data by individuals for personal and family needs. Currently, this formulation is of an evaluative nature, since the formal content of this concept is not defined either in the criminal law or in the Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006, No. 152-FZ (hereinafter referred to as Law No. 152-FZ).

The purpose of this study is to eliminate the legal uncertainty that has arisen due to the absence of a regulatory definition of the concept of "personal and family needs".

The article substantiates the inadmissibility of using legal analogy and statutory analogy in the criminal law sphere, as a result of which alternative legal mechanisms are proposed. The author conducts a critical analysis of the structure of Article 272.1 of the Criminal

Code of the Russian Federation and the genesis of the note to it, examines the experience of legal regulation in the European Union, and identifies the main risks associated with law enforcement practice.

Key words: *computer information, cybercrime, cybercriminality, personal data, unlawful access to personal data.*

Статья 272.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за неправомерное использование, передачу, сбор и хранение персональных данных, полученных в результате несанкционированного доступа к средствам обработки информации. Часть 2 предусматривает ужесточение санкций при работе с данными несовершеннолетних, биометрией или специальными категориями сведений. Часть 3 определяет квалифицирующие признаки, включая корыстный мотив, крупный ущерб, предварительный сговор и использование служебного положения. В частях 4 и 5 регламентирована ответственность за трансграничную передачу данных, наступление тяжких последствий, а также совершение правонарушений организованной группой. Часть 6 касается создания и обеспечения функционирования информационного ресурса, целевым назначением которого является незаконное хранение и передача персональных данных.

Анализ диспозиции статьи позволяет сделать вывод, что предметом преступного посягательства выступает информация, полученная неправомерным способом. Формулировка «иным незаконным путём» носит оценочный характер ввиду отсутствия нормативного определения. В ходе исследования не выявлено разъяснений высшей судебной инстанции по статье 272.1 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 было принято до вступления в силу данной нормы и затрагивает исключительно положения статей 272, 273, 274, 274.1 и 274.2 УК РФ.

К статье 272.1 УК РФ предусмотрены следующие примечания:

«1. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи обработки персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд.

2. Под трансграничным перемещением носителей информации, содержащих указанную в настоящей статье компьютерную информацию, в настоящей статье понимается совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации (в том числе магнитного и электронного), на который осуществлены запись и хранение такой информации».

Таким образом, законодатель определил узкий технический термин, но не определил понятие, от которого зависит применимость всей статьи.

Данная формулировка коррелирует с пунктом 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, однако в последнем предусмотрена оговорка об отсутствии нарушений прав субъектов персональных данных, которая отсутствует в уголовно-правовой норме. Расширительное толкование в данном случае недопустимо, поскольку, согласно части 1 статьи 3 УК РФ, преступность деяния определяется исключительно положениями УК РФ, и введение дополнительного условия необоснованно расширило бы круг криминализуемых деяний.

Действия, регламентированные статьей 272.1 УК РФ (сбор, хранение, использование, передача), соответствуют формам обработки, определенным в пункте 3 статьи 3 Закона № 152-ФЗ.

Примечание 1 выступает одним из трёх ограничителей ответственности. Первый ограничитель — предмет преступления, подразумевающий незаконный способ получения информации. Второй — вина: конструкция части 1 статьи 272.1 УК РФ исключает неосторожную форму вины, что квалифицирует деяние как совершенное исключительно с прямым умыслом. Наличие умысла предполагает осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), включая осведомленность о незаконном происхождении информации. Лица, не обладающие данной информацией, не подлежит ответственности и без учета примечания. Третьим же ограничителем является непосредственно примечание, применяемое в случаях, когда лицо осведомлено о незаконном происхождении данных, однако использует их для личных нужд. Именно в данной области разграничение категории «личные нужды» являются определяющим

фактором при квалификации деяния в качестве преступного.

Таким образом, применение примечания имеет решающее значение для оценки общественной опасности деяния. Все деяния, предусмотренные статьей 272.1 УК РФ, связаны с использованием информации незаконного происхождения. В то же время, поскольку примечание не содержит требования о подтверждении законности источника получения данных, его буквальное толкование фактически освобождает от ответственности лицо, использующее такую информацию исключительно для собственных нужд, вне зависимости от факта получения доступа к ней неправомерным путем. Границы данного освобождения зависят исключительно от интерпретации понятия «личные и семейные нужды», содержание которого законодательно не конкретизировано.

Исключение, предусмотренное для личных и семейных нужд, основано на конституционных нормах о неприкосновенности частной жизни. Статьи 23 и 24 Конституции Российской Федерации закрепляют право на личную и семейную тайну, а также устанавливают запрет на сбор, хранение и распространение сведений о частной жизни лица без его согласия.

В сфере регулирования персональных данных возникает конфликт законных интересов: права на частную жизнь, включающего хранение данных о третьих лицах (адресная книга, семейный архив, переписка), и необходимости защиты субъекта данных от неправомерной обработки информации.

Баланс данных интересов обеспечивается законодателем. Часть 3 статьи 55 Конституции допускает ограничение прав и свобод исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов иных лиц.

Уголовная ответственность представляет собой наиболее строгую меру принуждения, в связи с чем грань, отделяющая частную жизнь лица от противоправного посягательства на интересы других граждан, должна быть четко регламентирована законодательно, исключая возможность судейского усмотрения.

Целесообразно квалифицировать примечание 1 как отрицательный признак состава преступления: деяние, предусмотренное статьей 272.1 УК РФ, является наказуемым лишь в случаях, когда обработка данных осуществлялась вне рамок личных и семейных нужд. Данный подход влечет два ключевых следствия. Во-первых, наличие либо отсутствие указанного признака является элементом предмета доказывания, при этом обязанность по опровержению заявленной личной цели возлагается на сторону обвинения в соответствии с требованиями часть 2 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Во-вторых, содержание данного признака требует аналогичной степени конкретизации, что и положительные элементы состава преступления, поскольку от этого напрямую зависит квалификация деяния.

Закон № 152-ФЗ не содержит определения «личные и семейные нужды».

Правоприменительная практика по статье 272.1 УК РФ находится на стадии формирования: норма вступила в силу 11 декабря 2024 г. В ходе анализа автором не было выявлено опубликованных судебных актов, содержащих применение или толкование примечания 1.

Если в гражданском и административном праве содержание понятий может определяться исходя из обстоятельств дела, то в уголовном праве это недопустимо в силу части 2 статьи 3 УК РФ, запрещающей применение уголовного закона по аналогии. Толкование направлено на раскрытие заложенного в норме смысла, тогда как аналогия предполагает распространение правил одной отрасли права на иные правоотношения. Отсутствие в уголовном законодательстве четкого критерия разграничения преступных и непреступных деяний делает невозможным заимствование определений из гражданского или потребительского права, так как это фактически является применением закона по аналогии.

Проблема заключается в отсутствии законодательного определения понятия «личные и семейные нужды», что препятствует четкой дифференциации преступного и непреступного поведения и исключает возможность восполнения пробела без применения аналогии. Вследствие этого правоприменитель вынужден трактовать данные границы по собственному усмотрению, при том, что Федеральный закон № 152-ФЗ, являющийся источником заимствования данного термина, также не содержит его дефиниции.

Аналогичное исключение предусмотре-

но подпунктом «c» пункта 2 статьи 2 Регламента (ЕС) 2016/679 (GDPR) (далее – Регламент) в отношении обработки персональных данных физическим лицом исключительно для личных или бытовых нужд. Согласно пункту 18 преамбулы данная деятельность не должна носить профессиональный или коммерческий характер. Ни Регламент, ни предшествующая ему Директива 95/46/ЕС не содержали дефиниции указанных понятий, поэтому критерии их применения были установлены судебной практикой Европейского союза (далее – ЕС). В частности, в деле Lindqvist Суд ЕС постановил, что размещение информации на интернет-сайте не подпадает под действие данного исключения. В рамках дела Rynel суд подчеркнул необходимость узкого толкования данной нормы, исключив возможность ее применения к видеонаблюдению, охватывающему общественные пространства.

На основании данной практики можно выделить ключевые признаки разграничения личной и профессиональной сфер: открытый доступ к данным для неограниченного круга лиц, выход за рамки частного использования и наличие связи с коммерческой деятельностью.

Российские правоприменительные органы не могут использовать данные положения: практика Суда ЕС сужает сферу исключений в режиме защиты персональных данных, а аналогичное сужение в уголовном праве повлекло бы расширение состава наказуемых деяний, что противоречит статье 3 УК РФ. Однако для законодателя данный механизм выступает значимым ориентиром. Следует также принимать во внимание терминологические расхождения: в Регламенте личная деятельность прямо обусловлена отсутствием коммерческой составляющей, в то время как российское законодательство не содержит аналогичного уточнения.

Содержание понятия «личные и семейные нужды» базируется на четырех критериях. Целевой критерий предполагает, что обработка данных направлена на удовлетворение бытовых потребностей субъекта или его семьи, что соотносится с понятием «исключительно личных нужд», однако сложность доказывания при смешанных мотивах ограничивает его применение. Критерий круга лиц ограничивает доступ к данным самим субъектом и его близким окружением. Данный подход объективен, но требует четкой правовой регламентации состава лиц. Критерий некоммерческого характера исключает связь с профессиональной деятельностью и получение выгоды, однако само по себе отсутствие прибыли не является исчерпывающим условием для квалификации обработки как личной. Критерий масштаба и систематичности разграничивает единичное хранение и формирование массивов данных о неопределенном круге лиц, при этом установление жестких количественных порогов в уголовном законодательстве сопряжено с риском правовой неопределенности.

Термин «исключительно» подразумевает, что личные и семейные потребности должны выступать единственным основанием для обработки данных. В случае наличия иных целей, например, если информация, изначально собранная для бытовых нужд, в дальнейшем передается на возмездной основе — данное исключение утрачивает силу. Определение момента возникновения дополнительной цели на практике зачастую сопряжено с существенными сложностями при квалификации обстоятельств дела.

Круг лиц целесообразно определять на основании положений уголовно-процессуального законодательства: пункт 4 статьи 5 УПК РФ относит к близким родственникам супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестёр, дедушку, бабушку и внуков. Использование указанного перечня при корректировке примечания не является аналогией, поскольку соответствующие признаки закрепляются непосредственно в тексте уголовного закона, либо в нём содержится прямая отсылка к статье 5 УПК РФ. Данный подход обеспечивает правовую определенность для трактовки «семейных» нужд, в то время как определение «личных» нужд по-прежнему требует законодательной конкретизации.

Ввиду недостаточности каждого отдельного критерия эффективная классификация достижима исключительно путем комплексного применения совокупности признаков, регламентированных нормами законодательства.

Неопределенность трактовки данного понятия влечет за собой два ключевых риска.

Первый риск связан с уходом от ответственности. Получатель незаконно приобретенных данных может заявить об их использовании исключительно в личных целях. В

качестве примера можно привести практику использования ботов для «пробива», где сбор сведений для личного пользования фактически не влечет наказания. Согласно части 3 статьи 49 Конституции Российской Федерации, неустранимые сомнения в виновности должны трактоваться в пользу обвиняемого. Поскольку цель обработки является субъективным фактором, устанавливаемым на основании косвенных доказательств (переписка, объем данных, платежные операции), отсутствие четких правовых критериев приводит к разрозненным оценкам схожих правонарушений.

Второй риск заключается в необоснованном расширении практики уголовного преследования. Отсутствие нормативного определения термина «иным незаконным путем» создает предпосылки для расширительного толкования данной формулировки как получения сведений без согласия субъекта, что является нарушением статьи 6 Закона № 152-ФЗ.

При подобной интерпретации под действие части 1 статьи 272.1 УК РФ формально подпадают бытовые правоотношения. Ограничительная функция предмета преступления нивелируется, в связи с чем ключевым барьером остается примечание 1, тогда как наступление вреда, согласно правовой позиции, для квалификации деяния не требуется.

В научной литературе правовая природа примечания 1 к статье 272.1 УК РФ трактуется неоднозначно. Е.А. Русскевич интерпретирует данную норму как универсальный критерий малозначительности: по мнению автора, законодатель исключил из сферы уголовной репрессии обработку персональных данных для личных и семейных нужд ввиду отсутствия общественной опасности, при этом ключевыми признаками правомерности действий выступают отсутствие их систематического и возмездного характера. Г.А. Есаков, признавая, что примечание устраняет преступность деяния, характеризует его правовую природу как неопределенную, выдвигая предположение о его статусе как lex specialis в дополнение к Закону № 152-ФЗ, и указывает на то, что границы применения нормы будут установлены правоприменительной практикой.

В данной статье примечание рассматривается как отрицательный признак состава преступления, определяющий сферу применения статьи 272.1 УК РФ.

Примечание выступает в качестве уголовно-правового аналога исключения, закрепленного в пункте 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, и относится к вопросу о применимости правового режима, а не к индивидуальной оценке общественной опасности деяния. Различие подходов заключается в том, что в настоящей работе устанавливается место нормы в структуре состава, в то время как Г.А. Есаков акцентирует внимание на ее последствии — устранении преступности деяния. Данная позиция аргументируется следующими доводами. Во-первых, формулировка примечания ограничивает действие статьи («действие настоящей статьи не распространяется»), тогда как понятие малозначительности согласно части 2 статьи 14 УК РФ подразумевает формальное наличие признаков состава. Во-вторых, малозначительность подлежит оценке в каждом конкретном случае, тогда как примечание исключает целую категорию действий. Исчерпывающий перечень критериев малозначительности, как справедливо отмечает Е.А. Русскевич, сформулировать невозможно. В-третьих, при отождествлении с малозначительностью примечание в значительной мере дублирует общее правило части 2 статьи 14 УК РФ. В пользу различения этих институтов свидетельствует и подход Г.А. Есакова, рассматривающего часть 2 статьи 14 и статью 39 УК РФ в качестве самостоятельных правовых оснований. Кроме того, признаки, положенные в основу примечания (круг лиц, целевая направленность, систематичность, возмездность), находят более логичное объяснение при условии, что оно определяет сферу действия статьи.

Практическая значимость данного выбора заключается в том, что при квалификации примечания как критерия малозначительности его применение остается предметом судейского усмотрения, тогда как при рассмотрении в качестве признака состава преступления законодатель обязан обеспечить его четкую регламентацию, сопоставимую с позитивными признаками (статья 3 УК РФ). Обе позиции обуславливают необходимость формирования объективных критериев. Е.А. Русскевич называет систематичность и возмездность, Г.А. Есаков предлагает ориентироваться на принадлежность данных членам семьи или родственникам.

Институт малозначительности не явля-

ется полноценной альтернативой данному барьеру, поскольку применяется постфактум, не исключает уголовного преследования в полном объеме и направлен на оценку общественной опасности, а не на разграничение частной и профессиональной сфер деятельности.

Определение границ личных нужд также имеет принципиальное значение для разграничения с положениями статьи 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) и статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (нарушение законодательства о персональных данных).

Показательным примером выступает модель работы мобильного приложения GetContact, позволяющая пользователям отслеживать варианты записи их номера в адресных книгах третьих лиц. Функционал сервиса базируется на получении доступа к списку контактов пользователя с последующим копированием персональных данных третьих лиц. При этом согласие на обработку данных предоставляется исключительно пользователем приложения, без получения разрешения самих субъектов персональных данных. Сформированная база зачастую используется оператором в коммерческих целях.

В период 2018–2020 гг. Роскомнадзор проводил проверку сервиса, отметив сомнительный характер такой модели обработки; однако вопрос был урегулирован не через оценку правомерности самой бизнес-модели, а путем локализации баз данных на территории Российской Федерации и декларирования технической возможности уведомления лиц, не пользующихся данным сервисом.

В контексте применения статьи 272.1 УК РФ данный пример иллюстрирует два ключевых обстоятельства.

Во-первых, квалификация правомерности сбора данных оператором осложняется оценочным характером формулировки «иным незаконным путём»: в законодательстве отсутствует прямое определение того, является ли получение номеров третьих лиц без их согласия незаконным. Исключение, предусмотренное примечанием 1, неприменимо к оператору в связи с тем, что оно распространяется исключительно на физических лиц, действующих в личных целях, в то время как сервис преследует коммерческие интересы.

Во-вторых, поскольку пользователь получает доступ к списку контактов на законных основаниях, его действия едва ли подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 272.1 УК РФ, а применение примечания 1 становится актуальным лишь при расширительном толковании понятия незаконности. Решение данных вопросов выходит за рамки текущих нормативных критериев. Настоящий анализ носит сугубо теоретический характер и не является правовой оценкой деятельности конкретного сервиса, выступая лишь в качестве модели ситуации, при которой согласие на обработку данных получено от одного субъекта, а фактически обрабатываются сведения о множестве лиц.

На основании вышеизложенного предлагается:

1. Закрепить в примечании 1 критерии личных и семейных нужд: отсутствие цели извлечения имущественной (материальной) выгоды; отсутствие доступа к данным у лиц, кроме членов семьи и близких родственников обрабатывающего данные физического лица; отсутствие систематизации массивов данных, предназначенных для публичного доступа или коммерческого использования.

2. Исключить применение примечания в отношении данных, полученных в результате неправомерного доступа к компьютерной информации (статья 272 УК РФ), во избежание легитимизации противоправных способов получения сведений; при этом для прочих случаев «иного незаконного пути» исключение следует сохранить, чтобы не допустить утраты регулятивного смысла нормы в контексте статьи 272.1 УК РФ.

3. Закрепить соотношение примечания и оговорки, содержащейся в пункте 1 части 2 статьи 1 Закона № 152-ФЗ, касающейся соблюдения прав субъектов персональных данных, с целью исключения субъективного усмотрения правоприменителя.

Разъяснения Пленума носят вспомогательный характер: они могут определить вектор толкования, но не могут устанавливать признаки, отсутствующие в нормативном акте, поскольку это означало бы подмену функций законодателя судом, что противоречит статье 10 Конституции Российской Федерации и части 1 статьи 3 УК РФ. Следовательно, приоритетным способом устранения данного пробела является корректировка примечания. Отмена примечания не

является решением проблемы, поскольку это повлекло бы криминализацию любого бытового хранения данных, полученных неправомерным путем, что несоразмерно конституционным гарантиям защиты частной жизни.

Предлагается изложить примечание 1 в следующей редакции: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи обработки персональных данных физическим лицом исключительно для личных и семейных нужд, подразумевающих отсутствие целей извлечения имущественной (материальной) выгоды, предоставление доступа к данным исключительно членам семьи и близким родственникам, а также отсутствие систематического формирования массива данных, доступного неопределенному кругу лиц или используемого в коммерческих целях, при условии, что данные не были получены вследствие неправомерного доступа к компьютерной информации». Альтернативным вариантом является формулировка от противного, определяющая обстоятельства, при которых данное исключение не применяется. Данный подход является более предпочтительным, нежели использование примерного перечня с оборотом «в частности», поскольку позволяет избежать правовой неопределенности.

Заключение

Примечание 1 к статье 272.1 УК РФ содержит оценочную категорию, лишенную легального определения и устоявшейся судебной практики. В отличие от исходного положения Закона № 152-ФЗ данная норма не включает оговорку о соблюдении прав субъектов персональных данных, при этом диспозиция статьи опирается на информацию неправомерного происхождения, вследствие чего правовой статус исключения напрямую зависит от трактовки понятия «личные и семейные нужды».

Восполнение данного пробела путем толкования недопустимо ввиду запрета на применение аналогии, а правовые подходы ЕС носят исключительно рекомендательный характер. Существующая неопределенность создает предпосылки как для избежания ответственности, так и для необоснованного правового преследования, что подтверждается прецедентом GetContact. Внедрение предложенных квалифицирующих признаков и регламентация статуса данных, полученных в результате неправомерного доступа, позволят устранить выявленный правовой пробел.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 272.1 (введена Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (дата обращения: 18.09.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.09.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 18.09.2026).

[6] Решение Суда Европейского союза от 6 ноября по делу C-101/01 // Lindqvist. – 2003.

[7] Решение Суда Европейского союза от 11 декабря 2014 г. по делу C-212/13 // Frantiļek Rynell v Ťřad pro ochranu osobnnch ťdajů. ECLI:EU: C:2014:2428.

[8] Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных (GDPR): подп. «c» п. 2 ст. 2, п. 18 преамбулы. // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 18.09.2026).

[9] Есаков Г.А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // «Уго-

ловное право». – 2025. – № 11. С. 9-17.

[10] Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовой охраны персональных данных (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ). // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/480977739/?ysclid=mw3l9udzkg847791262 (дата обращения: 18.09.2026).

[11] Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // «Уголовный процесс». – 2025. – № 7. URL: https://e.ugpr.ru/1142447 (дата обращения: 18.09.2026).

[12] Терских А.И. Неправомерный доступ к компьютерной информации: вопросы правоприменения // «Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2026. – № 4. С. 97-107.

[13] Филатова М.А. (Не)ожидаемая криминализация незаконного оборота персональных данных: вопросов больше, чем ответов // «Закон». – 2025. – № 1. С. 147-153.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: September 18, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. Art. 272.1 (introduced by Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (accessed: September 18, 2026).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: September 18, 2026).

[4] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data» // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: September 18, 2026). [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022, No. 37 «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Involving Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information-Telecommunication Networks, Including the Internet» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (accessed: September 18, 2026).

[6] Judgment of the Court of Justice of the European Union of November 6, 2003, in Case C-101/01 // Lindqvist.

[7] Judgment of the Court of Justice of the European Union of December 11, 2014, in Case C-212/13 // Frantiļek Rynelь v Ъřad pro ochranu osobnнch ъdajů. ECLI:EU:C:2014:2428.

[8] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of April 27, 2016, on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (GDPR): Article 2(2)(c), Recital 18 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (accessed: September 18, 2026).

[9] Esakov G.A. Unlawful Trafficking of Personal Data (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // «Criminal Law» («Ugolovnoe pravo»). – 2025. – No. 11. pp. 9–17. [10] Ermolovich Ya.N. Improving the Criminal Law Protection of Personal Data (A Scientific and Practical Commentary on Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024, «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation»). // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/480977739/?ysclid=mw3l9udzkg847791262 (accessed: September 18, 2026).

[11] Russkevich E.A. On Criminal Liability for Unlawful Actions Involving Computer Information Containing Personal Data // «Criminal Procedure» («Ugolovny protsess»). – 2025. – No. 7. URL: https://e.ugpr.ru/1142447 (accessed: September 18, 2026).

[12] Terskikh A.I. Unlawful Access to Computer Information: Issues of Law Enforcement // «Electronic Supplement to the Russian Law Journal» («Elektronnoye prilozheniye k 'Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu'»). – 2026. – No. 4. pp. 97–107.

[13] Filatova M.A. The (Un)expected Criminalization of the Illicit Trafficking of Personal Data: More Questions Than Answers // «Law» («Zakon»). – 2025. – No. 1. pp. 147–153.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-104-106**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ЛАПТИК Алёна Игоревна,
магистрант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург,
e-mail: laptik-alyona@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема процессуального преобразования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу. Автор анализирует нормативную базу, регулирующую данный механизм, выявляет пробелы в законодательном регулировании процедуры легализации оперативной информации. На основе изучения судебной практики систематизируются типичные ошибки следователей и дознавателей, приводящие к признанию доказательств недопустимыми. Предлагаются конкретные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, доказательства, уголовный процесс, преобразование, допустимость, легализация.*

LAPTIK Alyona Igorevna,
Graduate student, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg

PROCEDURAL MECHANISM FOR CONVERTING THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY INTO EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article considers the problem of procedural conversion of operational-search activity results into evidence in criminal proceedings. The author analyzes the regulatory framework governing this mechanism, identifies gaps in the legislative regulation of the procedure for legalizing operational information. Based on the study of judicial practice, typical mistakes of investigators and inquirers leading to the recognition of evidence as inadmissible are systematized. Specific directions for improving criminal procedural legislation are proposed.*

Key words: *operational-search activity, evidence, criminal proceedings, conversion, admissibility, legalization.*

Вопрос о том, как материалы оперативной работы попадают в уголовное дело и становятся полноценными доказательствами, давно перестал быть сугубо академическим. Сегодня следователи и судьи ежедневно сталкиваются с практическими сложностями на этом пути [1]. С одной стороны, именно оперативные подразделения чаще всего первыми выходят на след преступления – особенно когда речь идет о латентных, организованных или особо тяжких деяниях, где классические следственные действия на старте просто не работают. С другой – сама природа оперативно-розыскной деятельности, регулируемой Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), коренным образом отличается от уголовного процесса с его гласностью, состязательностью и строгой процессуальной формой [2].

И вот здесь возникает главный узел. Информация, добытая в условиях непроцессуальной, зачастую конспиративной работы, должна быть легализована и встроена в доказательственную систему, отвечающую жестким требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Часть

2 статьи 89 УПК РФ формально этот вопрос закрыла: результаты ОРД допускаются как доказательства при условии соответствия требованиям Кодекса. Но беда в том, что норма эта декларативна. Конкретного алгоритма трансформации оперативных данных в процессуальные доказательства закон не дает, а правоприменительная практика тонет в разночтениях [3].

Доктрина давно и настойчиво повторяет: сами по себе результаты ОРД еще не доказательства. Это лишь источник фактических данных, который в обязательном порядке должен пройти процедуру процессуального закрепления [1; 4]. С. А. Данильян и К. В. Лоскутова совершенно справедливо указывают: речь не может идти о механическом приобщении к делу справок и рапортов. Нужен целенаправленный комплекс следственных действий – в сесторонняя проверка и оценка сведений в строгом соответствии со статьями 74 и 89 УПК РФ [4]. Что это значит на практике? Допрос оперативного сотрудника, проводившего мероприятие; осмотр и приобщение вещественных носителей (аудио- и видеозаписей, предметов, документов); назначение судебных экспертиз; проверка показаний на месте. Только так сырая оперативная информация получает надлежащую юридическую форму и гарантированную достоверность.

Однако на практике механизм легализации регулярно ломается. Ю. С. Сафонов выделяет целый ряд типичных тактических и процессуальных ошибок, которые систематически ведут к признанию доказательств недопустимыми по статье 75 УПК РФ. Вот этот перечень:

- механическое приобщение оперативных материалов без надлежащей процессуальной проверки;
- отсутствие мотивированного постановления следователя о приобщении либо об отказе в приобщении;
- ненадлежащее оформление сопроводительных документов с ошибками в реквизитах;
- нарушение порядка рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну;
- необоснованное ограничение прав стороны защиты на ознакомление с материалами ОРД, положенными в основу обвинения [2].

Особенно болезненно эти нарушения бьют по делам о незаконном обороте наркотиков. Там рапорты оперативников о «контролируемых закупках» или «оперативных экспериментах» сплошь и рядом используются как основное, а то и единственное доказательство вины без должной проверки достоверности и законности получения.

Добавляет проблем и фрагментарность нормативного регулирования. Статья 11 ФЗ «Об ОРД» лишь в самых общих чертах закрепляет обязанность оперативных органов предоставлять результаты своей работы. Детальный порядок взаимодействия прописан в подзаконных ведомственных актах, прежде всего в Межведомственной инструкции от 27 сентября 2013 г. № 776. Отсутствие единого, детализированного процессуального регламента прямо на уровне УПК РФ приводит к тому, что в разных регионах складывается неоднородная практика. А это, в свою очередь, кратно повышает риски признания доказательств недопустимыми уже в суде [3].

Свежие научные работы предлагают более гибкие подходы к оценке результатов ОРД в доказывании. О. В. Гладышева и Р. Ф. Ярмухамедов настаивают: в УПК РФ нужен четкий, императивный алгоритм легализации оперативных материалов. Такой алгоритм должен включать обязательные этапы: первоначальную проверку законности проведения ОРМ, процессуальное закрепление сведений через конкретные следственные действия, мотивированную оценку относимости, допустимости и достоверности, а также безусловное обеспечение права защиты на своевременное ознакомление и оспаривание таких материалов [5]. Системный подход такого рода позволяет, с одной стороны, минимизировать тактические риски раскрытия конфиденциальных источников, а с другой – гарантировать неукоснительное соблюдение конституционных прав участников процесса.

Отдельного разговора заслуживает вопрос об использовании результатов ОРД, полученных еще до официального возбуждения уголовного дела. Часть 4 статьи 214 УПК РФ говорит: материалы проверок при отказе в возбуждении дела могут использоваться лишь в части, касающейся повода и основания для возбуждения. Но на практике оперативные сведения, собранные на стадии доследственной проверки, нередко идут на непосредственное доказывание вины кон-

кретного лица. Такая практика прямо противоречит фундаментальному принципу законности получения доказательств. И если нарушение вскроется, это станет безусловным основанием для отмены обвинительного приговора вышестоящей инстанцией [3].

Что нужно менять? С учетом сказанного, видится целесообразным реализовать ряд мер. Во-первых, детализировать часть 2 статьи 89 УПК РФ в части процедуры легализации результатов ОРД: законодательно закрепить исчерпывающий перечень обязательных сопроводительных документов, четкие сроки их предоставления, строгие требования к оформлению постановлений следователя. Во-вторых, предусмотреть в УПК РФ прямую обязанность следователя проводить проверочные следственные действия до момента приобщения оперативных материалов к делу в качестве доказательств. В-третьих, ввести норму, гарантирующую стороне защиты своевременное уведомление о наличии в материалах дела результатов ОРД и реальную возможность их оспаривания. И, наконец, в-четвертых, разработать и утвердить единый межведомственный нормативный акт, унифицирующий порядок передачи и оформления результатов ОРД для всех правоохранительных органов без исключения.

Резюмируя, можно констатировать, что действующий механизм преобразования результатов ОРД в доказательства нуждается в системной и глубокой модернизации. Отсутствие детальной процессуальной регламентации порождает устойчивые правоприменительные дефекты, влечет признание доказательств недопустимыми и последующую отмену обвинительных приговоров. Решение этой масштабной проблемы требует комплексного подхода: точечные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, полная унификация ведомственного регулирования и существенное усиление гарантий прав участников процесса [1; 5].

Список литературы:

[1] Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании: механизмы их введения в уголовно-процессуальную деятельность // Молодой ученый. — 2025. — № 5. — С. 112–115.

[2] Сафонов Ю. С. Проблемные аспекты легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вопросы права. — 2025. — № 2. — С. 45–52.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2025 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

[4] Данильян С. А., Лоскутова К. В. Реализация материалов оперативно-розыскной деятельности в ходе расследования преступлений // Epomen.Global. — 2025. С. 131-137.

[5] Гладышева О. В., Ярмухамедов Р. Ф. Новый подход к оценке результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Законность. — 2026. — № 2. — С. 33–38.

References:

[1] Specifics of Using the Results of Operational-Search Activities in Evidentiary Proof: Mechanisms for Their Incorporation into Criminal Procedural Proceedings // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2025. — No. 5. — pp. 112–115.

[2] Safonov Yu. S. Problematic Aspects of Legalizing the Results of Operational-Search Activities in Criminal Proceedings // Voprosy Prava [Issues of Law]. — 2025. — No. 2. — pp. 45–52.

[3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended in 2025). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

[4] Danilyan S. A., Loskutova K. V. Implementation of Materials from Operational-Search Activities During the Investigation of Crimes // Epomen.Global. — 2025. — pp. 131–137.

[5] Gladysheva O. V., Yarmukhamedov R. F. A New Approach to Evaluating the Results of Operational-Search Activities in Criminal Procedural Proof // Zakonnost [Legality]. — 2026. — No. 2. — pp. 33–38.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-107-111**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

КОМЯГИН Роман Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
e-mail: roman.komyagin@mail.ru

СТАРОДУБЦЕВ Евгений Эдуардович,
студент 5 курса Института прокуратуры
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
e-mail: starodubtzeff.evgeny2017@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИНЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. *В данной работе рассматриваются вопросы определения понятия развратных действий, а также разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, по объективным и субъективным признакам. Авторами предлагаются закрепление дефиниции преступных развратных действий в ч. 1 ст. 135 УК РФ, а также включение отдельных альтернативных форм действий сексуального характера в диспозицию ч. 2 ст. 134 УК РФ.*

Ключевые слова: *ненасильственные действия сексуального характера, развратные действия, половая свобода и половая неприкосновенность, альтернативные формы полового контакта.*

KOMYAGIN Roman Alexandrovich,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Law
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

STARODUBCEV Evgeny Eduardovich,
5th year student at the Institute of Public Prosecutor's Office
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING BETWEEN THE CONCEPTS OF DEPRAVED ACTS AND OTHER ACTS OF A SEXUAL NATURE

Annotation. *This paper examines the issues of defining the concept of lewd acts, as well as distinguishing the crimes provided for in Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation on objective and subjective grounds. The authors propose the consolidation of the definition of criminal depraved acts in Part 1 of Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the inclusion of certain alternative forms of sexual acts in the disposition of Part 2 of Article 134 of the Criminal Code.*

Key words: *nonviolent sexual acts, indecent acts, sexual freedom and sexual integrity, alternative forms of sexual contact.*

Уголовно – правовой запрет ненасильственных деяний, посягающих на половую неприкосновенность личности, установлен статьями 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Данные нормы признают преступными половое сношение, мужеложство, лесбиянство и развратные действия, совер-

шаемые совершеннолетними лицами в отношении лиц, не достигших 16 лет соответственно.

Так, в диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ названы половое сношение и гомосексуальные половые акты, совершенные без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

В свою очередь, иные формы полового акта и сексуального поведения (ректальные, оральные способы сношения, иные формы сексуально-физического взаимодействия, в том числе мастурбация и прочее), посягающие на половую неприкосновенность, но не предусмотренные ст. 134 УК РФ (то есть, за исключением полового сношения, мужеложства и лесбиянства) квалифицируются по остаточному принципу – как развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Однако половое сношение, мужеложство, лесбиянство, как и ранее упомянутые ректальные и оральные способы сношения, в условиях добровольности обладают одним волевом признаком: направленностью на удовлетворение обоюдного полового влечения как виновного, так и потерпевшего.

Преступность данных действий по смыслу уголовного законодательства состоит в посягательстве исключительно на половую неприкосновенность личности, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, совершеннолетним лицом. Возникает вопрос, почему данные однородные по объективным и субъективным признакам действия подлежат уголовно-правовой оценке по совершенно различным статьям УК РФ – по 134 и 135 соответственно?

Вопрос объема развратных действий остается открытым в виду того, что российский уголовный закон не содержит нормативной дефиниции развратных действий и не устанавливает их сущностные признаки. Данная проблема является дискуссионной в рамках доктрины российского уголовного права.

Так, уголовно-правовая норма, закрепленная ст. 135 УК РФ, базируется на понятии развратных действий и разврата вообще. Общеупотребительное лексическое значение «разврата» определяется С.И. Ожеговым не только как «половая распущенность», но и «испорченность нравов, низкий моральный уровень поведения, отношений» [2].

А.В. Дыдо представил развратными «сексуальные действия, состоящие в удовлетворении половой страсти виновного либо преследующие цель возбудить или удовлетворить половой инстинкт малолетнего» [3].

Несколько позже В.П. Коняхин высказал мнение о том, что под развратными действиями «действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой страсти виновного лица, а также возбуждение полового желания у потерпевшего лица, и не являющиеся половым сношением, мужеложством или лесбиянством» [4]. Исследователь совершенно справедливо указал на «преступную каузу» развратных действий, состоящую в посягающем на нормальное морально-нравственное развитие подростка пробуждении у него сексуально-полового интереса.

В свою очередь Ю.А. Островецкая обращала внимание на необходимость разграничения преступных развратных действий и иных аморальных сексуальных действий по признаку наличия (отсутствия) целевой установки виновного «удовлетворения своей половой страсти и возбуждения «полового инстинкта» малолетнего» [5]. По нашему мнению, исследователь крайне обоснованно указала на обязательность наличия специальной направленности действий, состоящей преимущественно в удовлетворении собственных сексуальных потребностей и пробуждении полового интереса или желания у потерпевшего, то есть его непосредственного преступного развращения. В.С. Ишигеев и Е.В. Вальздорф также отмечали возбуждение интереса малолетнего к сексуальным отношениям как неотъемлемый элемент преступной целевой установки [6].

Исследователи определяют объективные признаки развратных действий по принципу исключения уже нормативно закрепленных форм посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних – половое сношение, мужеложство и лесбиянство, но вместе с тем указывают и важнейшие субъективные признаки действий преступника. Именно последние и должны, по нашему мнению, предопределять логику законодательной конструкции преступных развратных действий.

А.В. Бриллиантов, Е.В. Пейсикова называют среди прочих стержневым признаком преступных развратных действий их способность «развращающего влияния на лиц, в отношении которых они совершаются» [7].

Соглашаясь с их мнением, считаем уместным отметить, что именно развращение как признак объективной стороны имеет определяющее значение установления уголовно-правового запрета на данную форму индивидуального сексуального поведения - в этом ее подлинная и криминообразующая природа. Поскольку нормальное морально-нравственное и духовно-социальное развитие, состоящее и в половой неприкосновенности личности, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, имеет приоритетность с точки зрения государственно-правовой охраны, осуществляемой в форме уголовного преследования.

Данные положения нашли свое отражение и в официальной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации [далее – ВС РФ]. Так, п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» определил, что к развратным действиям в целях ст. 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет совершеннолетним лицом и направленные «на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям» [8].

Данное положение указывает на дифференциацию развратных действий на действия физического или интеллектуального характера. Проявлениями интеллектуальных форм развратных действий могут быть самые различные фактические действия, обладающими вышеприведенными признаками: беседы на сексуально-половые темы, демонстрация порнографических материалов и соответствующей литературы, различные действия сексуального характера виновных в присутствии потерпевшего, демонстрация половых органов и др. Все они, несомненно, оказывают негативно-развращающее воздействие на морально-нравственное развитие личности, не достигшую шестнадцатилетнего возраста, а не преследуют преступную цель обоюдного удовлетворения полового влечения или страсти, то есть, на наш взгляд, являются подлинно развратными.

Физические же развратные действия, следует из позиции ВС РФ, так же образуются деяниями, не охваченными диспозицией ст. 134 УК РФ (мастурбация, физиологически «нетипичные» способы половых контактов и т.д.).

Как уже ранее отмечалось, оральные и ректальные способы сношения, признаваемые Уголовным законом и ВС РФ в целях ст. 135 УК РФ физическими развратными действиями, по своей сущностной природе тождественны именно половому сношению, мужеложству и лесбиянству. Поскольку они в равной степени имеют одну целевую установку: добровольное удовлетворение обоюдного сексуального влечения совершеннолетнего лица и лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. В этой связи А.А. Бимбинов совершенно точно отметил, что «позиция Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой к развратным действиям надлежит относить действия, направленные на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям, применима лишь к бесконтактным формам развратных действий» [9]. Контактные развратные действия, по мнению автора, аналогичны половому сношению, мужеложству и лесбиянству.

В связи с чем, нам представляется логичным нормативно ограничить объем развратных действий в целях ст. 135 УК РФ только теми формами общественно опасного поведения, которые имеют своими целями и последствиями собственно развращение подростка: интеллектуальные формы развратных действий в том объеме, в каком они представлены в вышеприведенной позиции ВС РФ, и иные развратные действия, связанные с физическим контактом тел виновного и потерпевшего и направленные на удовлетворение сексуального влечения одного лишь виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям (как-то мастурбация, прикосновения к внешним половым органам и др.).

Так мы полагаем разумным исключение оральных и ректальных форм добровольного полового контакта, посягающего на половую неприкосновенность, из объема развратных действий и их включение в диспозицию ч. 2 ст. 134 УК РФ. Данные физические сексу-

альные действия в полном объеме охватываются понятием «иные действия сексуального характера», уже использованным законодателем в конструкции состава ст. 132 УК РФ. К тому же название ст. 134 УК РФ содержит прямое на них указание: «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

На основании вышеизложенного, считаем уместными предложить следующие законодательные изменения:

1) изложить первый абзац ч. 1 ст. 135 УК РФ в следующей редакции: «Совершение развратных действий, то есть совершение без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, любых действий, направленных на удовлетворение сексуального влечения виновного и на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям, за исключением случаев, предусмотренных статьей 134 настоящего Кодекса»;

2) включить альтернативные формы действий сексуального характера в диспозицию ч. 2 ст. 134 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Мужеложство, лесбиянство, оральный или ректальный половой акт с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[2] Толкование и лексическое значение – «разврат» / [Электронный ресурс] // Толковый словарь С.И. Ожегова - онлайн : [сайт]. — URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25740 (дата обращения: 20.09.2026).

[3] Дыдо А. В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : Диссертация на соискание кандидата юридических наук / Дыдо, А. В. ; . — Владивосток, 2006. — 214 с.

[4] Коняхин В. П. Развратные действия [Текст] / В. П. Коняхин // Законность. — 2008. — № 12. С. 16-17.

[5] Островецкая, Ю. А. Развратные действия: проблемы квалификации [Текст] / Ю. А. Островецкая // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». вып. 24. — 2010. — № 38. — С. 96.

[6] Ишигеев В. С., Вальздорф Е. В. Актуальные вопросы противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 1. С. 96-100.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 2. - 2015.

[8] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] // под ред. А.В. Бриллиантова. — М.: 2010. 284 с.

[9] Бимбинов А.А. Субъективные признаки развратных действий // Актуальные проблемы российского права. 2017. №8 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-priznaki-razvratnyh-deystviy (дата обращения: 20.09.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] Definition and lexical meaning of «razvrat» (lewd/depraved acts) // S. I. Ozhegov's Explanatory Dictionary (online) [website]. — URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25740 (accessed: September 20, 2026).

[3] Dydo, A. V. Rape: Issues of Criminal Law Qualification (Specialty 12.00.08: «Criminal Law and Criminology; Penal Law»): Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / A. V. Dydo. — Vladivostok, 2006. — 214 p.

[4] Konyakhin, V. P. Lewd Acts [Text] / V. P. Konyakhin // Zakonnost (Legality). — 2008. — No. 12. — pp. 16–17.

[5] Ostrovetskaya, Yu. A. Lewd Acts: Issues of Qualification [Text] / Yu. A. Ostrovetskaya // Bulletin of South Ural State University. Series «Law». Issue... 24. — 2010. — No. 38. — p. 96.

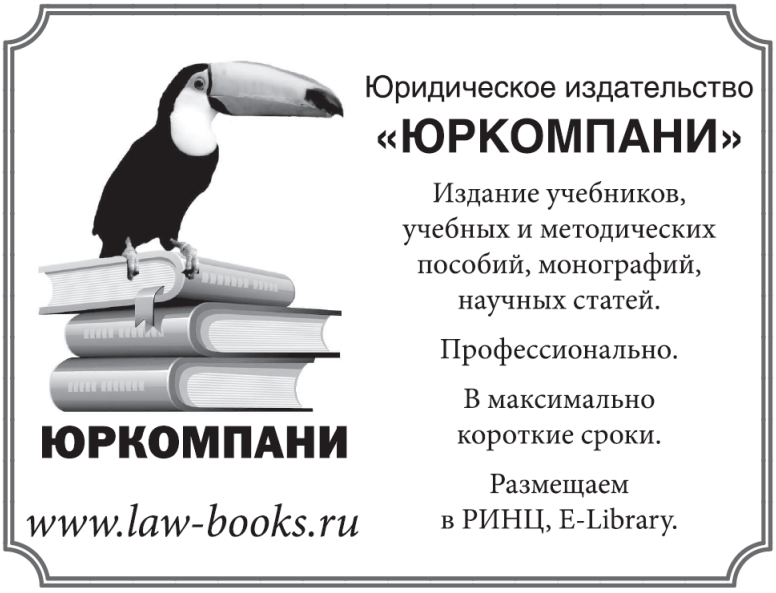
[6] Ishigeev V. S., Valzdorf E. V. Topical

Issues in Combating Crimes Against the Sexual Inviolability of Minors // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. — 2013. — No. 1. pp. 96–100.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014, No. 16 (as amended on May 21, 2026) «On Judicial Practice in Cases Involving Crimes Against the Sexual Inviolability and Sexual Freedom of the Individual» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — No. 2. — 2015.

[8] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation [Text] // ed. by A. V. Brilliantov. — Moscow: 2010. 284 p.

[9] Bimbinov A. A. Subjective Elements of Lewd Acts // Topical Problems of Russian Law. 2017. No. 8 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-priznaki-razvratnyh-deystviy (accessed: September 20, 2026).

НАЛОГОВОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-112-115**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

СИДОРОВ Юрий Вадимович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой публичного права и национальной безопасности,
Уральский институт управления - филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Екатеринбург,
e-mail: sidorov-yv@ranepa.ru

БЛИНОВА Екатерина Алексеевна,
аспирант кафедры
публичного права и национальной безопасности,
Уральский институт управления - филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Екатеринбург,
e-mail: yekaterina-blinova-00@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье раскрывается сущность налогового контроля в Российской Федерации как системы государственного финансового надзора, что в свою очередь влияет на финансовый суверенитет страны. Дана правовая основа института, характеризуются его цели, принципы, формы и методы. Особое внимание уделено субъектному составу контроля. В работе проанализированы ключевые формы налогового контроля — от камеральных и выездных проверок до налогового мониторинга, а также применяемые методы. Современный налоговый контроль сочетает фискально-карательные и превентивно-сервисные элементы и направлен на формирование среды, в которой соблюдение налогового законодательства становится экономически и организационно более выгодным, чем его нарушение.*

Ключевые слова: *налоговый контроль, финансовый суверенитет, налоговые проверки, ФНС РФ, налоговое администрирование.*

SIDOROV Yuri Vadimovich,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Public Law and National Security,
Ural Institute of Management, Branch of the RANEPA Presidential
Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

BLINOVA Ekaterina Alekseevna,
Post-graduate Student of the
Department of Public Law and National Security,
Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential
Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

THEORETICAL FOUNDATIONS OF TAX CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article reveals the essence of tax control in the Russian Federation as a system of state financial supervision, which, in turn, affects the country's financial*

sovereignty. The legal basis of the institution is provided, and its goals, principles, forms, and methods are characterized. Special attention is paid to the subject composition of the control. The paper analyses the key forms of tax control — from desk and field audits to tax monitoring — as well as the methods used. Modern tax control combines fiscal-punitive and preventive-service elements and is aimed at creating an environment in which compliance with tax legislation becomes economically and organizationally more advantageous than its violation.

Key words: *tax control, financial sovereignty, tax audits, Federal Tax Service of the Russian Federation, tax administration.*

Налоговый контроль в РФ — это деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов законодательства о налогах и сборах. Это определение закреплено в статье 82 Налогового кодекса РФ.

Сущность налогового контроля заключается в контроле за соблюдением законодательства о налогах и сборах, правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты налогов и сборов.

Налоговый контроль — это деятельность уполномоченных государственных органов (прежде всего, налоговых органов) по проверке соблюдения законодательства о налогах и сборах, правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты (перечисления) налогов и сборов налогоплательщиками и налоговыми агентами, а также по выявлению и пресечению налоговых правонарушений.

Иными словами, это система мер, с помощью которых государство убеждается, что все участники экономической жизни исполняют свои налоговые обязанности, и в случае нарушений — применяет санкции.

Правовая основа закреплена, в первую очередь, в Налоговом кодексе РФ (часть первая, раздел V, главы 14, 14.1-14.5, 15).

Сущность налогового контроля раскрывается через его цели, принципы, формы, методы и субъектный состав.

Основные цели:

- Обеспечение законности в сфере налогообложения.
- Обеспечение полноты и своевременности поступлений налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды (фискальная функция).
- Предупреждение и выявление налоговых правонарушений (налоговых преступлений и административных проступков).
- Защита прав добросовестных налогоплательщиков.
- Формирование «налоговой дисциплины» и правосознания, создание обстановки неотвратимости выявления нарушений.
- Проверка достоверности данных учета и отчетности.

Ключевые принципы:

- Законность: строгое соблюдение норм НК РФ и иного законодательства.
- Непрерывность и всеобщность: контрольное мероприятие — элемент постоянной деятельности, а не разовая акция. Потенциально проверке может быть подвергнут любой налогоплательщик.
- Соблюдение налоговой тайны: информация, полученная в ходе контроля, является конфиденциальной.
- Презумпция невиновности: лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его вина не будет доказана (ст. 108 НК РФ).
- Права и законные интересы проверяемых: налогоплательщик имеет право присутствовать при проверке, предоставлять пояснения, обжаловать действия инспекторов и т.д.

Основные формы налогового контроля (ст. 82 НК РФ):

1. Налоговые проверки — основная и самая эффективная форма.

- Камеральная налоговая проверка — проводится по месту нахождения налогового органа на основе представленных деклараций и документов. Носит массовый характер (проверяются все декларации).

- Выездная налоговая проверка — проводится по месту нахождения налогоплательщика (или его филиала, представительства). Более глубокая и комплексная, охватывает период до 3-х лет. Требует решения руководителя налогового органа.

2. Получение объяснений налогоплательщиков и иных лиц.

3. Проверка данных учета и отчетности.

4. Осмотр и обследование помещений, территорий, документов и предметов.

5. Контроль за расчётными счетами: истребование документов о счетах, получение выписок по операциям (в т.ч. через банки).

6. Налоговый мониторинг (новая форма) — альтернатива выездной проверке для крупнейших налогоплательщиков. Основан на постоянном онлайн-доступе инспекторов к данным компании в обмен на гарантии от внезапных проверок.

Субъекты контроля:

• Контролирующие органы:

- Федеральная налоговая служба (ФНС России) — основной орган.

- Таможенные органы (в части налогов, взимаемых на таможне: НДС, акцизы, пошлины).

• Проверяемые лица (объекты контроля):

- Налогоплательщики (организации и физические лица).

- Налоговые агенты.

- Плательщики сборов и страховых взносов.

- Иные лица (банки, свидетели, эксперты и т.д.), вовлеченные в процесс контроля.

Методы налогового контроля:

• Наблюдение.

• Проверка документов (формальная, арифметическая, логическая).

• Инвентаризация.

• Анализ финансово-хозяйственной деятельности (в т.ч. с использованием специальных методов налогового администрирования: внутренний и внешний анализ на соответствие рыночным ценам (ст. 105.3 НК РФ), анализ безубыточности и т.д.).

• Опрос свидетелей, экспертиза.

Сущность налогового контроля в РФ трансформируется:

1. Цифровизация и риск-ориентированный подход: ФНС активно использует аналитику, АИС «Налог-3». Проверки все чаще назначаются не «по графику», а на основе системы оценки налоговых рисков (выборки налогоплательщиков с высоким риском нарушения).

2. Смещение фокуса с «кнута» на «пряник»: развитие досудебных процедур (налоговый мониторинг, соглашения о ценообразовании), сервисных функций (информирование, предостережение о рисках), что направлено на предотвращение нарушений, а не только на их наказание.

3. Расширение информационного взаимодействия: получение данных из ГИС ГМП, ЕГРН, от банков, госорганов, что позволяет проводить контроль без непосредственного контакта с налогоплательщиком.

4. Усиление контроля за сделками с использованием офшоров и за трансфертным ценообразованием.

В Российской Федерации основой института налогового контроля служит статья 82 Налогового кодекса, в которой налоговый контроль трактуется как деятельность специальных государственных органов, реализуемая в целях соблюдения налогового законодательства и обеспечения полноты и своевременности уплаты налогов и сборов. Данное определение отражает широкий спектр задач, решаемых налоговыми службами, включая регистрацию налогоплательщиков, анализ их деятельности через налоговый мониторинг, проверки на соответствие налоговому законодательству и иные формы контроля (рисунок 1).

Рисунок 1. Формы налоговой проверки

Таким образом, налоговый контроль в РФ — это сложная, динамично развивающаяся система государственного финансового надзора, сочетающая в себе фискально-карательные и превентивно-сервисные элементы. Его сущность сегодня — это не только поиск нарушений, но и создание такой среды, где соблюдать налоговые законы выгоднее, чем их нарушать.

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m2sv53tfkd457772307 (дата обращения: 13.09.2026).

[2] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 13.09.2026).

[3] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 13.09.2026).

[4] Крохина, Ю. А. Налоговое право : учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 376 с.

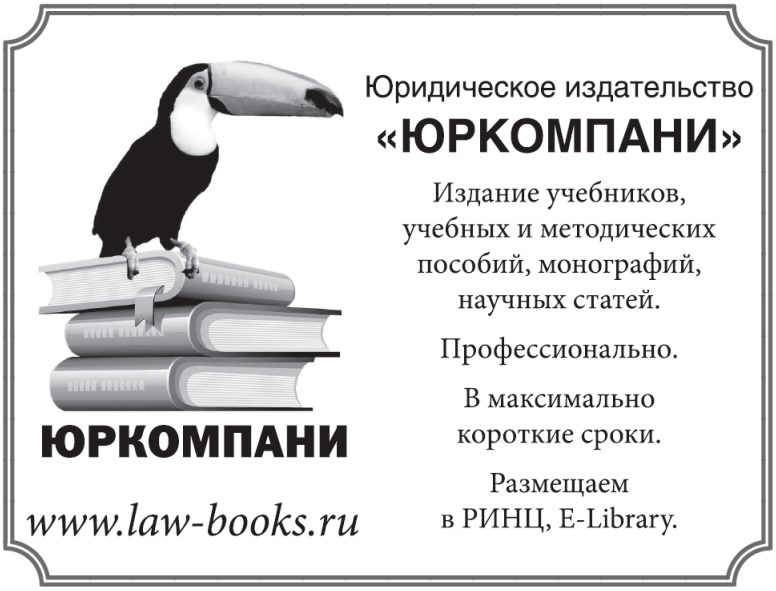
References:

[1] «Constitution of the Russian Federation» (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m2sv53tfkd457772307 (accessed: September 13, 2026).

[2] «Tax Code of the Russian Federation (Part One)» dated July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on August 4, 2026) (with amendments and additions effective as of September 1, 2026) // «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed: September 13, 2026).

[3] «Tax Code of the Russian Federation (Part Two)» dated August 5, 2000, No. 117-FZ (as amended on August 4, 2026) (with amendments and additions effective as of September 1, 2026) // «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (accessed: September 13, 2026).

[4] Krokhina, Yu. A. Tax Law: Textbook for Higher Education Institutions / Yu. A. Krokhina. — 11th ed., revised. and suppl. — Moscow : Yurayt Publishing, 2026. — 376 p.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикация статей в научно-правовом журнале «Публичное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в

квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал
№ 4
(октябрь-декабрь)
2026 г.

Опубликовано 05.11.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 7,5.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.